

8th International Conference

**THEORETICAL AND APPLIED ETHICS:
TRADITIONS AND PROSPECTS**

ARISTOTLE'S LEGACY AND CONTEMPORARY ETHICS

Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics

Saint Petersburg Philosophical Society

In collaboration with the University of Hokkaido (Japan)
Vytautas Magnus University (Lithuania)

Conference papers

St. Petersburg, Russia
November 17–19, 2016

VIII международная конференция

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ — 2016**

НАСЛЕДИЕ АРИСТОТЕЛЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТИКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт философии
КАФЕДРА ЭТИКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

СОВМЕСТНО С УНИВЕРСИТЕТОМ ХОККАЙДО (ЯПОНИЯ) И
УНИВЕРСИТЕТОМ ИМЕНИ В. МАГНУСА (ЛИТВА)

Материалы конференции

17–19 ноября 2016 г.

Санкт-Петербург, Россия

*Конференция проводится при поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга*

ORGANIZING COMMITTEE

CONFERENCE CHAIR:

Perov Vadim (St. Petersburg State University) — Chairman

PROGRAMM COMMITTEE:

Artemov Georgiy (St. Petersburg State University)
Ayraksinen Timo (University of Helsinki, Finland)
Brodsky Alexander (St. Petersburg State University)
Chadwick Ruth (Cardiff University, UK)
Gefenas Evgenius (Vilnius University)
Giling Heth Alexander (University of Helsinki, Finland)
Gromova Ludmila (Herzen University)
Dushin Oleg (St. Petersburg State University)
Kapustin Boris (Jackson Institute, Yale University, USA)
Laptenok Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus)
Lisanyuk Elena (St. Petersburg State University)
Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania)
Majima Shunzo (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
Razin Alexander (Moscow State University)
Skvortsov Alexey (Moscow State University)
Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences)
Zimbuli Andrey (Herzen University)
Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus)

EXECUTIVE COMMITTEE:

Gusev Dmitriy (St. Petersburg State University) — Secretary
Gracheva Maria (St. Petersburg State University)
Derzhivitsky Evgeniy (St. Petersburg State University)
Larionov Igor (St. Petersburg State University)
Ovchinnikova Elena (St. Petersburg State University)
Polozhentsev Andrey (St. Petersburg State University)
Sergeev Alexander (St. Petersburg State University)
Schukin Denis (St. Petersburg State University)

EXECUTIVE TEAM:

Zelianina Svetlana (St. Petersburg State University)

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) — со-председатель

Аллахвердов В. М. (Санкт-Петербургский университет) — со-председатель

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Айраксинен Т. (Университет Хельсинки, Финляндия)

Артёмов Г. П. (Санкт-Петербургский университет)

Бродский А. И. (Санкт-Петербургский университет)

Гефенас Е. (Вильнюсский университет)

Гилинг Х. Ф. (Университет Хельсинки, Финляндия)

Громова Л. А. (Герценовский университет)

Душин О. Э. (Санкт-Петербургский университет)

Зимбули А. Е. (Герценовский университет)

Капустин Б. (Институт Джексона, Йельский университет, США)

Летягин Л. Н. (Герценовский университет)

Лаптенко А. С. (Белорусский гос. экономический университет)

Лисанюк Е. Н. (Санкт-Петербургский университет)

Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса, Литва)

Маджима Ш. (Университет Хоккайдо, Япония)

Разин А. В. (Московский государственный университет)

Скворцов А. А. (Московский государственный университет)

Чедвик Р. (Университет Кардиф, Великобритания)

Шевченко А. А. (Сибирское отделение Российской академии наук)

Яскевич Я. С. (Белорусский гос. экономический университет)

Исполнительный комитет

Грачева М. В. (Санкт-Петербургский университет) — координатор

Гусев Д. А. (Санкт-Петербургский университет) — секретарь

Держивицкий Е. В. (Санкт-Петербургский университет)

Ларионов И. Ю. (Санкт-Петербургский университет)

Овчинникова Е. А. (Санкт-Петербургский университет)

Положенцев А. М. (Санкт-Петербургский университет)

Шукин Д. А. (Санкт-Петербургский университет)

Сергеев А. С. (Санкт-Петербургский университет)

Рабочая группа

Зелянина Светлана (Санкт-Петербургский университет)

TABLE OF CONTENTS | СОДЕРЖАНИЕ

<i>Hude H.</i> The Aristotelian structure of justice and the mixed regime as invaluable tools for adequate political analysis.	13
<i>Leabu M.</i> The ethics of claiming in an Aristotelian perspective.	13
<i>Авдеева И. А.</i> Философские основания построения новых отношений человека и животных.	14
<i>Avdeeva I. A.</i> The Philosophical arguments of a new attitude’s paradigm toward animals.	16
<i>Азербаетв А. Д.</i> Нравственный идеал аль-Фараби в контексте гуманизации политики.	17
<i>Azerbaiyev A. D.</i> Al-Farabi’s moral ideal in the context of politics’ humanization.	19
<i>Ананьева Е. М.</i> Один путь в моральной философии и куда он ведет: Фр. Шлейермахер толкует Никомахову этику Аристотеля.	20
<i>Ananjeva E. M.</i> one path in moral philosophy and where it leads: Fr. Schleiermacher interprets “Nikomacho Etika” Aristotelis.	21
<i>Антипов А. В.</i> Взгляд психиатрии на самоубийство в 19 веке: этический анализ.	21
<i>Antipov A. V.</i> Psychiatry View on Suicide in the 19th Century: Ethical Analysis.	22
<i>Артемов В. М.</i> Человеческое измерение свободы и нормативная природа политико-правовых свобод.	24
<i>Artemov V. M.</i> The Human Detection of Freedom and Normative Nature of the Political-Legal Freedoms.	25
<i>Артемов Г. П.</i> Моральные установки и ценностный конфликт.	27
<i>Artemov G. P.</i> Moral Attitudes and Value Conflicts.	28
<i>Артемяев Т. М.</i> О [не]приемлимости лжи в античной медицине и в современной модели отношений врач–пациент.	30
<i>Artemjev T. M.</i> About [not] the Acceptability of a Lie in Antique Medicine and in Modern Model of the Relations the Doctor–Patient.	31
<i>Ахундова С. М.</i> Политика мультикультурализма в Азербайджане.	32
<i>Akhundova S. M.</i> Policy of Multiculturalism in Azerbaijan.	34
<i>Барбашина Э. В.</i> Методы в биоэтике.	35
<i>Varbashina E.</i> Methods of bioethics.	35
<i>Баринова С. Г.</i> Идеи Аристотеля о детерминизме.	36
<i>Varinova S. G.</i> Aristotle’s Ideas about determinism.	37
<i>Барташевич Т. Ю.</i> Структура морального сознания: теоретический и прикладной аспекты.	37
<i>Bartashevich T. Yu.</i> The structure of the moral consciousness: theoretical and applied aspects.	38
<i>Батальгина Ю. А.</i> Конфликт ценностей в социальной этике.	39
<i>Batalygina J. A.</i> Conflicts of values in social ethics.	40

<i>Бескровная А. С.</i> Концепция конфликта в трудах Аристотеля.	40
<i>Beskrovnaya A. S.</i> The concept of conflict in Aristotle's essays.	42
<i>Блохин П. Д.</i> Каково место аналогии в обосновании судебных решений?	42
<i>Blokhin P. D.</i> What is the place of analogy in substantiation of judicial decisions?	44
<i>Богатов М. А.</i> Аристотель в мышлении Владимира Бибикина.	45
<i>Vogatov M. A.</i> Aristotle in Vladimir Bibikhin's thought.	45
<i>Бродский А. И.</i> Интерес или долг? О возможности реактуализации либерализма.	46
<i>Brodskiy A. I.</i> Interest or duty? on the possibility of reactualized liberalism.	47
<i>Брызгалина Е. В.</i> Биоэтика и биобанки: гуманитарный вызов современности.	48
<i>Bryzgalina E. V.</i> Bioethics and biobanks: humanitarian challenges of modernity.	49
<i>Верещагина Н. В.</i> Свобода как последний критерий человеческого: расширенная телесность и искусственные субъекты.	49
<i>Vereshchagina N. V.</i> Liberty as a last criterion of a human: extended corporeity and artificial subjects.	51
<i>Винкельман А. М.</i> Ложные дилеммы моральной философии: о романе У. Стайрона «Выбор Софи».	52
<i>Winkelman A. M.</i> The false dilemmas of moral philosophy: on the William Styron's novel «Sophie's choice».	53
<i>Грачева М. В.</i> Игровые модели в этосе воспитания.	54
<i>Gracheva M. V.</i> Game models in the ethos of the upbringing.	56
<i>Гуров О. Н.</i> Трансформация природы человека и социальных взаимосвязей: прочтение голливудских кинофильмов.	57
<i>Gurov O. N.</i> Transformation of human nature and social relationship: reading through Hollywood movies.	57
<i>Давыдов О. Б.</i> Сообщество как социально-онтологическая предпосылка этики общего блага.	58
<i>Davydov O. B.</i> The community as a social-ontological premise of ethics of the common Good.	59
<i>Данилова Ю. Н.</i> Японская корпоративная этика: достоинства и недостатки.	61
<i>Danilova Yu. N.</i> The Japanese corporate ethics: advantages and disadvantages.	61
<i>Данько С. В.</i> Анализ онтологических оснований предрассудков.	61
<i>Danko S. V.</i> Analysis of the ontological foundations of prejudice.	62
<i>Денисенко В. В.</i> Этика Аристотеля и легитимность современного права.	62
<i>Denisenko V. V.</i> The ethics of Aristotle and the legitimacy of modern law.	64
<i>Держивицкий Е. В.</i> Политика, этика и актуальность Аристотеля.	65
<i>Derzhivitskii E. V.</i> The politics, ethics and urgency of Aristotle.	67

<i>Добродеева И. Ю.</i> Аристотель в культурном ареале христианства.	68
<i>Dobrodeeva I. Yu.</i> Aristotle in Cultural Area of Christianity.	69
<i>Долоцкая Н. А.</i> Метаязыковой аспект коммуникативной функции насилия.	70
<i>Dolotskaya N. A.</i> Metalinguistic aspect of communicative function of violence.	71
<i>Дорохина Р. В.</i> Зло как источник вдохновения.	72
<i>Dorokhina R. V.</i> Evil as a source of inspiration.	73
<i>Еременко Т. В.</i> «Наивный плагиат» студентов как проблема академической этики современного российского вузовского сообщества.	73
<i>Yeryomenko T. V.</i> «Naive plagiarism» of students as a problem of academic ethics of modern Russian university community.	75
<i>Ерофеев Н. П., Захарова Л. Б., Ковалева Т. В., Парийская Е. Н.</i> Новые подходы к стратегии в разработке биомедицинских этических концептов в рамках трансляционной медицины.	76
<i>Ершов Г. О.</i> Этика арт-рынка и особенности искусства в экономике.	78
<i>Ershov G. O.</i> Ethics of art market and special aspects of art in the economy.	79
<i>Жадунова Н. В., Коваль Е. А.</i> Возможно ли следование принципам <i>jus in bello</i> в информационной войне?	81
<i>Zhadunova N. V., Koval E. A.</i> Is it possible to follow the principles <i>jus in bello</i> in the information war?	82
<i>Завалий А. Г.</i> Цель мужественного поступка в «Никомаховой этике» Аристотеля и проблема мотивации.	84
<i>Zavaliy A. G.</i> The Noble goal of a courageous action in Aristotle and the problem of motivation.	85
<i>Заворотный О. О.</i> Влияние СМИ на отношение общества к медицинской сфере деятельности.	86
<i>Zavorotniy O. O.</i> The impact of mass media on public attitude to the medical field.	87
<i>Зимбули А. Е.</i> Прикладная и теоретическая этика: грани взаимодействия.	88
<i>Zimbuly A. E.</i> Theoretical and applied ethics: dimensions of cooperation.	89
<i>Золотков Г. А.</i> Проект негативной метафизики нравственности в работах Л. Витгенштейна.	90
<i>Zolotkov G. A.</i> Wittgenstein's project of negative metaphysics of morals.	92
<i>Игнатьева С. В.</i> Проблема национализма как пример конкретизации морали.	93
<i>Ignatyeva S. V.</i> Nationalism as example of concrete definition of morality.	95
<i>Илюхина Е. О.</i> Использование нейрофилософских методов в противостоянии техникам манипуляции.	96
<i>Ilyukhina E. O.</i> Use of neurophilosophical methods in opposition to techniques of manipulation.	98

<i>Караулова А. В., Кутузова А. О.</i> Феномен позитивной дискриминации в сфере образования в рамках Аристотелевской концепции справедливости и российской действительности.	99
<i>Karaulova A. V., Kutuzova A. O.</i> The phenomenon of positive discrimination in the field of education of the Aristotle concept of justice and the Russian reality.	101
<i>Карчагин Е. В.</i> Утопия и мысленный эксперимент в теоретизировании о справедливости.	103
<i>Karchagin E. V.</i> Utopia and thought experiment in theorizing about justice.	105
<i>Кашников Б. Н.</i> Теория справедливости Аристотеля и возможность дальнейшего развития теории и практики справедливости.	106
<i>Kashnikov B. N.</i> The Aristotelian theory of justice and the possibility of the further development of the theory and practice of justice.	107
<i>Кведерене И. И.</i> Нравственный идеал женщины в русской дворянской культуре.	109
<i>Kvederene I. I.</i> The moral ideal of woman in Russian nobility's culture.	110
<i>Кириллов Г. М.</i> Аристотелевская диалектическая дискуссия: традиция и инновация.	111
<i>Kirillov G. M.</i> Aristotelian dialectic discussion: tradition and innovation.	112
<i>Китаев Д. Г.</i> Специфика университетской этики.	113
<i>Kitaev D. G.</i> Characteristic of the university ethics.	115
<i>Коваль Е. А.</i> «Хорошее общество» как общество меньшего зла.	116
<i>Koval E. A.</i> «Good Society» as a society of lesser evil.	118
<i>Кожевникова М.</i> Биоэтика: значение и перспективы развития.	119
<i>Kozhevnikova M.</i> The meaning and development prospects of bioethics.	120
<i>Косорукова А. А.</i> Понятие ценности у Ф. Ницше как вопрос об автономии морали.	122
<i>Kosorukova A. A.</i> F. Nietzsche' the notion of value as the question of the autonomy of morality.	123
<i>Кузнецов Н. В.</i> Нравственные предпосылки историософии евразийства.	124
<i>Kuznetsov N. V.</i> Moral conditions historiosophy Eurasianism.	126
<i>Кузнецов Н. С.</i> Аристотель: рациональные основания свободы.	127
<i>Kuznesov N. S.</i> Aristotle: rational foundation of freedom.	128
<i>Кулакова А. Б.</i> Постмодернистский дискурс и квантовая механика: построение новой картины мира как запрос новой этики.	129
<i>Kulakova A. B.</i> Postmodern discourse and quantum mechanics: the construction of a new picture of the world as a request for a new ethic.	130
<i>Кулик Е. В.</i> Этическое регулирование рекламных кампаний.	131
<i>Kulik E. V.</i> The ethical regulation of advertising campaigns.	133
<i>Куманьков А. Д.</i> Теория войны Аристотеля — между пацифизмом и милитаризмом.	134
<i>Kutankov A. D.</i> Aristotle's theory of war: between pacifism and militarism.	136
<i>Курхинен П.</i> Аристотелевская традиция в советской этике.	137

<i>Kurhinen P.</i> Aristotelian tradition in Soviet ethics.	138
<i>Лазукин К.</i> Христианская биоэтика: между Востоком и Западом.	139
<i>Lazukin K.</i> Christian bioethics: East and West.	141
<i>Лартенок А. С.</i> Есть ли в современной культуре достаточные основания для этики добродетелей?	142
<i>Lartенок A. S.</i> There is in modern culture a sufficient basis for virtue ethics?	142
<i>Ларионов И. Ю.</i> Почему моральные дилеммы — важная проблема прикладной этики?	143
<i>Larionov I. Yu.</i> Why moral dilemmas present an important issue for applied ethics?	144
<i>Лисанюк Е. Н.</i> Практическая аргументация в праве и медицине.	145
<i>Lisanyuk E. N.</i> Persuasion in law and medicine.	146
<i>Лобова Т. Г., Максименко Л. А.</i> Жизнь как этический императив медицины.	147
<i>Lobova T. G., Maksimenko L. A.</i> Life as an ethical imperative of medicine.	148
<i>Маклаков В. Т.</i> Проблемные дискурсы реактуализации Аристотелевой этики.	149
<i>Maklakov V. T.</i> Problem discourses of Aristotelian ethics reactualization.	151
<i>Маклаков К. В.</i> Естественнонаучный взгляд на Аристотелеву Этику.	152
<i>Maklakov K. V.</i> Natural-Science View on Aristotle's Ethics.	154
<i>Маклакова А. В.</i> Истоки игры в Аристотелевском «мимесисе» как способе получения удовольствия посредством приобретения знания.	155
<i>Maklakova A. V.</i> The origins of the game in the Aristotelian «mimesis» as a means of pleasure through the acquirement of knowledge.	157
<i>Малинин С. А.</i> Философско-этическая концепция И. А. Ильина в работе «О сопротивлении злу силой».	158
<i>Malinin S. A.</i> Philosophical-ethical concept by I. A. Ilyin in the work «On the resistance to evil by force».	159
<i>Малкина С. М.</i> Желание и долг в этике: Кант и де Сад.	161
<i>Malkina S. M.</i> Desire and duty in ethics: Kant and de Sade.	161
<i>Мальшикин Е. В.</i> К понятию распределительной справедливости в философии Нового времени.	162
<i>Malyshkin E. V.</i> On the notion of distributive justice in Early Modern philosophy.	163
<i>Мальченко А. Е.</i> “Phronesis” Аристотеля как ключевое понятие для теории действия.	163
<i>Malchenko A. E.</i> “Phronesis” of Aristotle like a key concept for a Theory of Action.	164
<i>Махонина Ю. В.</i> Человек в «кресте действительности» О. Розенштока-Хюсси.	165
<i>Makhonina Yu. V.</i> Human in a «cross of reality» E. Rosenstock-Huessy.	166
<i>Мешковой Е. О.</i> Античные этики (Аристотель, Сенека) как возможные этосные стратегии современности.	168

<i>Meshkovoy Ye. O. Antique ethics (Aristotle, Seneca) as possible ethos strategies of today.</i>	170
<i>Микуртурмов И. Б. Риторика оскорбления, оскорблённых чувств и политическая корректность.</i>	171
<i>Mikirtumov I. B. Rhetoric of insult, of insulted religious feelings and political correctness.</i>	172
<i>Музыкаина Е. В. Этика Аристотеля: рецепция и трансформация идей в философии аль-Фараби.</i>	173
<i>Muzykina Ye. V. Aristotle Ethics: reception and transformation in philosophy of al-Farabi.</i>	174
<i>Мясников А. Г. Ловушка утопизма в трактовке нравственного закона И. Канта.</i>	175
<i>Myasnikov A. G. Utopianism trap in interpretation of the moral law of I. Kant.</i>	176
<i>Невважай И. Д. Коммуникативный нормогенез.</i>	177
<i>Nevvazhay I. D. Communicative genesis of norms.</i>	178
<i>Овчинникова Е. А., Чумакова Т. В. Русская этическая мысль: становление основных понятий.</i>	180
<i>Ovchinnikova E. A., Chumakova T. V. Russian ethical thought: the emergence of the basic concepts.</i>	181
<i>Павлова Д. А. Этика, политика и сущность у Аристотеля в интерпретации В. В. Библихина.</i>	183
<i>Pavlova D. A. Aristotle's ethics, politics and essence: interpretation of V. Bibikhin.</i>	184
<i>Павловская О. А. Морально-правовая регуляция поведения современной молодежи: социологический аспект.</i>	185
<i>Pavlovskaya O. A. Moral-legal regulation of the behavior of modern youth: sociological aspect.</i>	186
<i>Перов В. Ю. Нравственные конфликты: основные проблемы.</i>	188
<i>Perov V. Yu. Moral conflicts: the main problems.</i>	189
<i>Плащенкова З. Проблема ценностей в экологической этике Г. Сколимовского.</i>	191
<i>Plashienkova Z. The problem of values in ecological ethics of H. Skolimowski.</i>	192
<i>Помников О. И. Проблема определения теоретико-методологических оснований учения Аристотеля о справедливости.</i>	192
<i>Pomnikov O. I. The problem of determining the theoretical and methodological foundations Aristotle's teachings about justice.</i>	194
<i>Разин А. В. Вопросы и возражения П. Черчленд и Дж. Серлю.</i>	195
<i>Razin A. V. The Questions and Objections to P. Churchland and J. Searle.</i>	196
<i>Решетникова М. А., Чихачев А. Ю. Проблема морали в теории международных отношений.</i>	196
<i>Reshetnikova M. A., Chikhachev A. Yu. Morality and international relations theory.</i>	199

<i>Саввина О. В.</i> Профессиональная этика и социальная ответственность (на примере «Дизайн для реального мира» В. Папанека).....	200
<i>Savvina O. V.</i> Professional ethics and social responsibility (an example of «Design for the Real world» by V. Papanek.....	201
<i>Сандакова Л. Б.</i> Методологический потенциал интегративного подхода к проблеме нормогенеза в биоэтике.....	202
<i>Sandakova L. B.</i> Methodological potential of the integrative approach to the issue of genesis of norms in bioethics.....	204
<i>Сергеев А. С.</i> Проблема интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.....	205
<i>Sergeev A. S.</i> The issues of intellectual property in the digital era.....	206
<i>Соколов А. М.</i> Национальное самоопределение как цивилизационный протест биополитической стратегии.....	206
<i>Sokolov A. M.</i> National self-determination as a civilization protests biopolitical strategy.....	208
<i>Стребков А. И.</i> Диалектика бытия конфликта.....	209
<i>Сунами А. Н.</i> Конфликт ценностей. Что заставляет нас бороться за интересы неизвестных?.....	211
<i>Sunami A. N.</i> The conflict of values. What makes us to fight for the interests of anonymous?.....	213
<i>Тарасова А. В.</i> Трансформация категорического императива Иммануила Канта в трудах Джона Ролза.....	214
<i>Tarasova A. V.</i> The transformation of the categorical imperative of Immanuel Kant in the writings of John Rawls.....	215
<i>Тарковский В. Н.</i> От социальных конфликтов к идеологии.....	216
<i>Tarkovskiy V. N.</i> From social conflict to ideology.....	218
<i>Трусов Ю. А.</i> Этика и политика: как решить вопрос с ценностями?.....	220
<i>Trusov Yu. A.</i> Ethics and politics: how to solve a problem of values?.....	221
<i>Умылина Д. В.</i> О нецелесообразности моральных оценок.....	223
<i>Umylina D. V.</i> About an inexpediency of moral evaluations.....	224
<i>Ушканов А. Ф.</i> Формирующая роль диалога в педагогике Сократа, Платона и Аристотеля.....	225
<i>Ushkanov A. F.</i> Forming role of dialogue in the pedagogy of Socrates, Plato and Aristotle.....	227
<i>Уштанит Т.</i> Этика в бизнесе.....	229
<i>Ushtanit T.</i> The Ethics in Business.....	229
<i>Харсиев Б. М.-Г.</i> Трансформация этнической культуры.....	229
<i>Kharsiev B. M.-G.</i> Transformation of the ethnic cultures.....	230
<i>Хисамова Е. А.</i> Справедливость судебного решения.....	230
<i>Khisatova E. A.</i> Justice of adjudgement.....	231
<i>Часовских Г. А.</i> О справедливости сильного и слабого в этиках Кропоткина и Спенсера.....	232
<i>Chasovskikh G. A.</i> On the Justice of the Strong and the Weak in Spencer's and Kropotkin's Ethics.....	233

Чекалов Л. Л. Сознание в современной информационной среде и некоторые этические проблемы с этим связанные.	234
<i>Chekalov L. L. Consciousness in modern information environment and some ethical problems associated with it.</i>	<i>235</i>
Чернова Я. С. Нарративная идентичность в герменевтической этике П. Рикера.	235
<i>Chernova Ya. S. Narrative identity in hermeneutical ethics of P. Ricoeur.</i>	<i>236</i>
Чешев В. В. Этнос инженерного сообщества в постиндустриальный период.	237
<i>Cheshev V. V. Ethos engineering society in the post-industrial period.</i>	<i>239</i>
Шевченко А. А. Локализация справедливости: сферы и границы.	241
<i>Shevchenko A. A. Localization of justice: spheres and boundaries.</i>	<i>242</i>
Шкомова Е. М. Ценностные регулятивы развития трансплантологии.	244
<i>Shkomova E. M. Value regulators of the development of transplantology.</i>	<i>245</i>
Штарк Е. В. Ответственность в медицине как добродетель (на примере «Никомаховой этики» Аристотеля).	246
<i>Shtark E. V. Responsibility in medicine as a virtue taking Aristotle's Nicomachean Ethics as an example.</i>	<i>247</i>
Шуман А. Н. Игровые сценарии в судебной аргументации.	249
<i>Schumann A. N. Game strategies in judicial argumentation.</i>	<i>250</i>
Щекалев И. А. Сложности философской рефлексии этического понятия дискриминация.	251
<i>Shchekalev I. A. The difficulties of philosophical reflection of notion of discrimination.</i>	<i>252</i>
Щекалева О. В. Проблема осознанного и свободного выбора в экзистенциализме.	254
<i>Shchekaleva O. V. The problem of free choice in existentialism.</i>	<i>255</i>
Щербakov М. И. Понятия «дружба» в этических концепциях Аристотеля и Платона.	257
<i>Shcherbakov M. I. The concepts of «friendship» in the ethical concepts of Aristotle and Plato.</i>	<i>258</i>
Шукин Д. А. Логика этической оценки: любовь к врагу и абсолютная нетерпимость.	259
<i>Shchukin D. A. The logic of ethical evaluation: love for an enemy and absolute intolerance.</i>	<i>260</i>
Якушев Л. В. Этические аспекты преодоления последствий военных конфликтов.	261
<i>Yakushev L. V. Ethical aspects of overcoming war consequences.</i>	<i>263</i>

Hude Henri

Doctor and Habilitation, Head of the Ethics and Law Pole of the Research Center
Saint-Cyr Military Academy Research Center, France

THE ARISTOTELIAN STRUCTURE OF JUSTICE AND THE MIXED REGIME AS INVALUABLE TOOLS FOR ADEQUATE POLITICAL ANALYSIS

As a first step, I would elaborate on the parallelism and consistency between the triadic structure of a mixed regime and the tridimensional theory of justice (communicative, distributive and legal justices).

As a second step, I would analyze what I use to call the “binary bias” of political analysis. On one hand, I will show how and why analysts (not without reason) routinely stress the “binary” or “dialectic” aspects of the political reality (Left / Right, progressive / conservative, and so forth) while the triadic character of their object remains overlooked so often. On the other hand, I would give a few contemporary examples of how what appears an entangled and absolutely ambiguous situation can be enlightened and clarified by an analytical shift from dualistic to triadic thinking.

As a third step, I would like to analyze the relationship between justice and friendship. My intention is to show that any real and living and long-lasting synthesis of these three dimensions (as well those of justice as those of a mixed regime), rely on something “warmer” than mere justice, namely civic friendship.

I conclude with a few words about a new relevance of “Liberté, Egalité, Fraternité”, once this political formula is read from an Aristotelian point of view.

Leabu Mircea

Associate Professor, Deputy Director
«Victor Babes» National Institute of Pathology, Romania

THE ETHICS OF CLAIMING IN AN ARISTOTELIAN PERSPECTIVE

Aristotle teaches us that every virtue is the good balance between two vices: one of lack, the other of excess. I will ask the question: can “claiming” be a virtue? In a historical perspective, claiming has to be perceived as a necessity of the progress, especially for the social progress.

During human history, people's critical attitude has sometimes pushed to claiming. I will try to quickly argue, in the perspective of some ethical theories (virtue ethics, Kantian ethics, and utilitarianism), that claiming is ethically right, but not any form of claiming is ethical. Two cases of claiming in the academia (one involving the attitude of some undergraduate students, the other related to the behavior of an MD, working in research) will be used to assess this behavior in an ethical view. I will advocate that, in spite of claiming attitude is ethically right, some exigencies have to be followed in order to put a claiming in an ethical frame. Actually, I will address the idea of human being duty, to universalize a paraphrase of an urge of John Fitzgerald Kennedy's "[...] my fellow Americans: ask not what your country can do for you; ask what you can do for your country." worded as: "ask not what the humanity can do for you, but ask what you can do for the humanity".

Авдеева Ирина Александровна

Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

Дискуссии о правах животных и об отношении к ним занимают в современной культуре особое место в силу неоднозначности проблем, составляющих содержание этих дискуссий. Может на первый взгляд показаться, то дискуссии эти вызваны несомненной гуманизацией европейского общества и непрерывным развитием как социальных, так и правовых отношений, сопровождающих процесс гуманизации. Ведь борьба за гуманное отношение к животным, разговоры об их правовом и нравственном статусе велись практически одновременно, как бы не выглядел странно подобный контекст и соотнесение, с борьбой за права женщин, с борьбой против рабства и апартеида, с борьбой за права национальных, а затем и сексуальных меньшинств. Несмотря на то, что борьба за чьи-то права ведется практически не прекращаясь начиная с древнейших времен существования человеческого общества, все же представляется возможным говорить именно об общей тенденции социально-правовых трансформаций в отношении к животным вследствие изменения общих мировоззренческих установок

Нового времени. Однако попытки разобраться в этих установках приводят к выделению двух как взаимоисключающих, так и взаимодополняющих тенденций, составляющих общий характер развития многих социокультурных трансформаций. С одной стороны, это процессы гуманизации, составляющие суть этих трансформаций, начиная с эпохи Возрождения и заставившие сначала изменить взгляд на человека, а затем и на все живое вокруг него. Трудно не признать тот факт, что термин «гуманизм» имеет вполне конкретное значение отношения к человеку как к высшей ценности, тем не менее, весьма расширил контекст своего употребления, давно распространив его и на всех чувствующих живых существ. С другой стороны, выдвижение экспериментальной науки в качестве ведущей производительной силы и ускорение темпов промышленного развития и производства привели к тому, что ориентированная на получение практического результата и прибыли наука сделала их первостепенной ценностью, когда ради этих высоких целей-результатов под эгидой того же гуманизма (под лозунгом «наука на службе человеку») усиливается эксплуатация живых существ, главным образом, животных, задействованных, а точнее, используемых в промышленных, медицинских, научных и прочих экспериментах. Первая тенденция отчетливо демонстрирует отход от антропоцентризма к биоцентризму, составляющему основу современной биоэтики, а вторая тенденция заставляет задуматься о том, что современный антропоцентризм модифицировал и приобрел иные формы, когда благо человека (материальное и нематериальное) по-прежнему является аргументом, оправдывающим новые различные формы насилия и эксплуатации.

Идея ответственности с биоцентристских позиций придает кардинально иной смысл всей биоэтической парадигме, в которой этика животных (Сингер) является отражением единой мировоззренческой установки — идея ответственности современного человека в пространстве биоцентристских представлений связана с иным отношением к животному не как к более слабому или меньшему брату, а в отношении к тому, кто не по собственной воле оказался во власти человека. Поэтому интерпретируя одно из расхожих представлений о моральном достоинстве человека можно сказать, что это достоинство проявляется не столько в отношении человека к тому, кто слабее его, а в отношении к тому, кто оказался (случайно или нет) в его власти. Эта установка не нуждается в аргументации чьи генотипы и насколько похожи и кто более всего из животных

напоминает человека, а исходит из признания или непризнания аргумента о праве каждого живого существа на жизнь. Это признание не допускает того, что чья-то жизнь более ценна, а чья-то менее.

Avdeeva Irina

THE PHILOSOPHICAL ARGUMENTS OF A NEW ATTITUDE'S PARADIGM TOWARD ANIMALS

The debate about animal rights and the attitude towards them is occupied in modern culture a special place because of the ambiguity problems constituting the content of these discussions. It may at first sight seem that the debate caused undoubted humanization of European society and the continuous development of both social and legal relations, accompanying the process of humanization. After all, the struggle for the humane treatment of animals, talk about their legal and moral status were almost at the same time, no matter how looked strangely similar to the context and the correlation with the struggle for women's rights, the fight against slavery and apartheid, the struggle for the rights of national and then and sexual minorities. Despite the fact that the fight for someone's rights being virtually without stopping since the earliest times of human society, yet it is impossible to speak about the general trend of social and legal transformations in relation to animals due to changes in the general worldview of modern times. However, attempts to understand these facilities lead to the isolation of the two as mutually exclusive and mutually reinforcing trends that make up the general character of the development of many social and cultural transformation. On the one hand, this process of humanization, which constitute the essence of these transformations, since the Renaissance, and forced the first change the view of the person, and then to all living things around him. It's hard not to recognize the fact that the term "humanism" has a very specific importance to man as the highest value, however, highly expanded context of its use, long time extending it and all sentient beings. On the other hand, the promotion of experimental science as the leading productive force and acceleration of industrial development and production have resulted in the fact that focused on obtaining practical results and profit science has made their primary value, when for the sake of these goals, the results under the auspices of the same humanism (under the slogan "science at the service of man") intensifies the exploi-

tation of living creatures, mostly animals involved, or rather, used in industrial, medical, scientific and other experiments. The first trend is clearly a departure from anthropocentrism to biocentrism, form the basis of modern bioethics, and the second trend raises questions about what modern antropocentrizm modified and acquired other forms when human benefit (tangible and intangible) is still an argument justifying new and different forms violence and exploitation.

The idea of responsibility with biotsentristskih position gives radically different meaning all bioethical paradigm, in which the animal ethics (Singer) is a reflection of a unified worldview installation — the idea of responsibility of modern man in space biotsentristskih representations associated with a different attitude to the animal, not as to a weaker or younger brother, and in relation to those who are not on their own it is at the mercy of man. Therefore, interpreting one of the commonplaces of the moral concepts of human dignity can say that this dignity is manifested not only in the relation of man to the one who is weaker than him, and in relation to someone who turned out to be (accidentally or not) at his mercy. This setting does not need arguments whose genotypes and how similar and who are most of the animals like a man, and is based on the recognition or non-recognition of the argument about the right of every living being to life. This recognition does not allow for the fact that someone's life is more valuable, and someone less.

Азербайев Аслан Дыбысбекович

Аспирант 3 курса, докторант

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана,
Республика Казахстан

НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ АЛЬ-ФАРАБИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

Средневековый мыслитель Абу Наср аль-Фараби, последователь Аристотеля, гармонизировав греческую античную философию с исламским вероучением, заложил основы арабоязычного перипатетизма. Аль-Фараби представлял нравственность и политику в онтологическом единстве. Актуальность идей мыслителя обусловлена потребностью формирования мировой гражданственности и установления конструктивного межкультурного диалога.

По итогам проведенного исследования сформулирован вывод о том, что аль-Фараби принадлежит первенство в разработке концепции нравственной власти и политической деятельности на арабо-мусульманском Востоке. Идеи мыслителя вполне могут применяться в современной политической практике как противовес устоявшимся стереотипам, теориям о неуместности этических категорий в политике.

Философия аль-Фараби о преобразовании социально-нравственного континуума, политической обстановки без потрясений и конфликтов, представляет универсальную методологию, приемлемую в человеческом сообществе независимо от условий исторической эпохи, поскольку затрагивает этические основания.

Учение аль-Фараби о «добродетельном городе» может быть охарактеризовано как государство взаимопомощи. «Глава добродетельного города», политический лидер представляет образец идеального правителя, поскольку в политической деятельности руководствуется нравственными принципами и нормами. Стержневой особенностью понятия «власти» аль-Фараби является не навязывание воли правящих элит, а указание наиболее оптимального, гуманного пути развития личности и общества. Политический лидер указывает «путь к счастью». Итогом указанного пути должно стать построение государства, в котором наряду с взаимопомощью власти и народа, граждан между собой, личность обладает свободой воли и выбора.

Главным лейтмотивом развития социума является достижение «счастья», под которым следует понимать построение гражданского общества. Человек должен быть добродетельным. Понятие «добродетели» может означать уровень гражданской этики. Восточный мыслитель обязывает политические элиты сохранять нравственную незыблемость, поскольку только правящая элита способна быть инициатором социально-политических новшеств.

«Добродетельный город» аль-Фараби и макиавеллизм представляют два кардинально противоположных взгляда на сущность власти. Образ «Государя» Николо Макиавелли согласно воззрениям аль-Фараби является разновидностью невежества.

Сочетание гражданственности греческого античного полиса и нравственного единения мусульманской уммы — основа теории добродетельного государства. Данная модель государства — антитеза «Левиафану» Томаса Гоббса.

Аль-Фараби вводит концепт «добродетельного великого общества» как сообщества всего человечества. Данный концепт содержит понятия толерантности, взаимопонимания, межконфессионального согласия, единства человеческого рода. Вопреки активной деятельности разного уровня международных организаций, число конфликтов, терактов на религиозной и национальной основе не уменьшается. В связи с этим, концепт «добродетельного великого общества» может быть полезен в разработке новых теорий гуманизации международных отношений, становлении глобальной гражданской этики.

Azerbaijan Aslan

AL-FARABI'S MORAL IDEAL IN THE CONTEXT OF POLITICS' HUMANIZATION

Medieval philosopher Abu Nasr al-Farabi, Aristotle's follower, harmonized Greek ancient philosophy with Islamic doctrine and he laid foundations of Arabic-speaking peripatetism. Al-Farabi represented the morality and politics in the ontological unity. The relevance of thinker's ideas is caused by necessity of forming the civic consciousness and establishment of constructive intercultural dialogue.

According to the results of research, it was concluded that the priority in development of concept of moral authority and political activity in Arab-Muslim East belongs to al-Farabi. The thinker's ideas may be applied in the modern political practice as the opposition to established stereotypes, theories about inappropriateness of ethical categories in politics.

Al-Farabi's outlook on transformation of social and moral continuum, conversion of political situation without upheavals and conflicts represents a universal methodology acceptable in human community, aside from historical conditions as far as thinker's philosophy involves ethical foundations. Al-Farabi's doctrine about "virtuous city" can be characterized as a state of mutual support. "The head of virtuous city", a political leader is a model of an ideal ruler as far as in political activity the ruler is guided by ethical principles and norms. The main feature in al-Farabi's concept of "authority" is not an imposing of ruling elite's will, "authority" is an indication of the most appropriate and humane way of development of individual and society. Political leader shows "the way

to happiness.” The result of the way should be the construction of state with mutual support between authority and people, between citizens; in such state a person has free will and choice.

The main leitmotif of social development is achievement of “happiness”, in which it should be understood as the building of civil society. Man should be virtuous. The concept of “virtue” may indicate a level of civic ethics. Orient scientist oblige political elites to preserve inviolability of moral, because only ruling elite is able to be the initiator of social and political innovations.

Al-Farabi’s “virtuous city” and Machiavellianism represent two radically opposing views on essence of authority. The image of ruler in “The Prince” of Niccolò Machiavelli according to al-Farabi’s views is a kind of ignorance. The combination of Greek ancient polis citizenship and moral unity of Muslim Ummah is the basis of virtuous state’s theory. This model of state is opposed to “Leviathan” by Thomas Hobbes.

Al-Farabi introduced concept of “virtuous great society” as a society of all mankind. This concept includes the notion of tolerance, mutual understanding and interreligious harmony, unity of human race. Despite vigorous activity of international organizations on various levels, the number of conflicts, terrorist attacks on religious and national basis is not reducing. In this regard, the concept of “virtuous great society” may be valuable in the development of new theories of humanization of international relations, formation of the global civil ethics.

Ананьева Екатерина Михайловна

Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

ОДИН ПУТЬ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И КУДА ОН ВЕДЕТ:

ФР. ШЛЕЙЕРМАХЕР ТОЛКУЕТ НИКОМАХОВУ ЭТИКУ АРИСТОТЕЛЯ

В статье анализируется контекст обращения Фр. Шлейермахера к «Никомаховой этике» Аристотеля. Теоретический интерес основоположника философской герменевтики к этике Аристотеля формирует полемика с моральной философией Канта. В аристотелевой философии Шлейермахер находит вдохновляющее его отношение физики и этики, которое стремится представить в двух моделях знания — диалектике и герменевтике. Среди многочисленных современных трактовок герменевтического феномена мы обнаруживаем продолжение этой традиции в работах Мартина Зилиа.

Ananjeva Ekaterina

ONE PATH IN MORAL PHILOSOPHY AND WHERE IT LEADS:
FR. SCHLEIERMACHER INTERPRETS “NIKOMACHO ETIKA”
ARISTOTELIS

In the article is been analyzed the Scheiermacher’s appeal’s context to “Nickomach’s Ethics” of Aristotel. Theoretical interest of the author of hermeneutic philosophy towards Aristotel’s ethics is being caused by the polemic with Kant’s moral philosophy. In the Aristotel’s philosophy Schleiermacher finds his inspiring relation towards physics and ethics which he tries to represent in two models of knowledge — dialectics and hermeneutics. Among many modern approaches to hermeneutic phenomena we find its continuation of its tradition in works of Martin Heidegger.

Антипов Алексей Владимирович

Магистр 2 курса

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ВЗГЛЯД ПСИХИАТРИИ НА САМОУБИЙСТВО В 19 ВЕКЕ:
ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрение феномена самоубийства в контексте развивающейся позитивной науки становится возможным только в XIX веке. Именно в это время изменяется область знания, внутри которой самоубийство как феномен находит своих исследователей, говорящих на языке науки: из сферы абстрактных философских рассуждений суицид как проблема переходит в область обоснованных и проверяемых фактов. Человек, желающий собственноручно закончить свою жизнь, перестает рассматриваться только как нарушитель заповеди, которому отказывают в церковных обрядах при погребении, но становится объектом полноценного теоретического исследования, проводимого психиатрами. Однако важность этого перехода не только в том, что для изучения самоубийц привлекаются научные методы, но и в терапевтических практиках, которые психиатры оказываются способными осуществлять по отношению к тем суицидентам, которые по каким-либо причинам не довели начатое до конца. В связи с этим традиционный для философии и этики вопрос: является ли самоубийство

результатом свободного выбора человека? — становится вопросом о психическом здоровье: можно ли считать самоубийцу обладателем психического отклонения? В работах Пинеля и Эскироля, которые задают тон всем дальнейшим суицидологическим исследованиям XIX века, ответ на этот вопрос утвердительный. Несмотря на то, что их работы потеряли статус актуальных научных воззрений, «стигма сумасшествия» все еще применяется к самоубийцам, а бремя помощи суицидентам все еще лежит на профессиональных психиатрах.

Психопатологическая модель объяснения самоубийства на протяжении XIX столетия остается влиятельной формой анализа, в работах конца века часто встречаются не прямые отсылки к Эскиролю, но к продолжателям традиции разработки проблемы самоубийства в рамках дихотомии наличия / отсутствия психической патологии. Психопатологическая модель главенствует в медицине и формирует отношение к самоубийце как к психически больному, т. е. жертве патологии, лишённой способности понимать свою вину и ответственность. Таким образом, самоубийца выводится за рамки морали. Но самоубийство было и остается волнующим и ужасающим явлением, которое не может быть лишено моральной оценки, поскольку становится результатом свободного выбора. Отсюда могут быть сформулированы вопросы, ответы на которые явно выходят за рамки позитивистского толкования самоубийства, но должны непременно учитываться при рассмотрении данного феномена. Например, 1) должно ли государство криминализировать самоубийство? 2) должны ли другие люди пытаться оставить самоубийцу? 3) существуют ли условия, при которых самоубийца может быть морально оправдан?

Antipov Aleksei

PSYCHIATRY VIEW ON SUICIDE IN THE 19TH CENTURY: ETHICAL ANALYSIS

Consideration of phenomenon of a suicide in the context of developing positive science becomes possible only in the 19th century. Precisely in this time the field of knowledge, inside which suicide as phenomenon finds its researchers speaking in language of science, changes: from the sphere of abstract philosophical discourse the suicide as a problem is transferred to the field

of substantiated and verifiable facts. A person wishing to commit a suicide ceases to be regarded only as a violator of commandment, who is renounced a church's rites at burial, but becomes a subject of comprehensive theoretical research conducted by psychiatrists. But the importance of this transition is not only in the use of scientific methods for the study of self-murderers, but also in the therapeutic practices, which the psychiatrists become able to exercise with respect to those self-murderers, who for some reasons have not completed what they have begun. A traditional for philosophy and ethics question in this connection: is the suicide a result of a person's free choice? — becomes a question about mental health: can a self-murderer be considered having a mental abnormality? A confirmation answer in papers of Pinel and Esquirol in their works, all further suicide logic studies of the 19th century are based, give the positive answer to this question. Despite the fact that their papers have lost the status of relevant scientific views, the "stigma of madness" is still applied to self-murderers and burden of help them still lies on the professional psychiatrists.

The psychological pathology model of explanation of a suicide during the 19th century remains an influential form of analysis, in papers of the end of the century the indirect references to Esquirol are often found, but for the successors of the tradition of development of a problem of a suicide in the framework of a dichotomy — presence / absence of mental pathology. The psychological pathology model dominates medicine and shapes the attitude towards a self-murderer as towards a mentally sick patient, i. e. for a victim of pathology deprived of the ability to understand his guilt and responsibility. Thus a self-murderer is withdrawn from the framework of morality. But the suicide was and remains a worrying and horrifying phenomenon, which can not be deprived of a moral evaluation, because it becomes a result of a free choice. The questions, the answers to which clearly go beyond the positive interpretation of a suicide, can be formulated here. For example, 1) shall the state criminalize a suicide? 2) shall other people try to stop a self-murderer? 3) are there any conditions, under which a self-murderer can be morally justified?

Артемов Вячеслав Михайлович

Доктор философских наук, профессор

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
(МГЮА)

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СВОБОДЫ И НОРМАТИВНАЯ ПРИРОДА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ СВОБОД

К числу наиболее употребляемых слов относится «свобода», особенно в различных сочетаниях: «права и свободы человека», «свобода слова», «свобода совести» и т. п. Но от выпячивания формального аспекта страдает суть дела. Как преимущественно внешний регулятор отношений между индивидами и социальными группами право заинтересовано не столько в самой по себе свободе, сколько в создании неких норм как правил игры. У истоков западного стиля мышления, внимательного к отдельным (выгодным для государства) деталям политики и права, но зачастую игнорирующего дух самих основ жизнеустройства в русле должного, стоит Аристотель. Путь для проявляющейся сегодня макиавеллистской линии был проложен в своё время, скорее, Аристотелем, нежели Платоном.

Формальная обязательность нормы должна активно дополняться нравственным чувством и ответственностью, которая является оборотной стороной и показателем зрелости свободы. Важно сосредоточиться именно на человеческом измерении свободы, ведь теперь в спасении нуждается не столько природа, сколько само человечество, во многом потерявшее ценностные ориентиры и забывшее о социальном идеале. Имея множество аспектов, свобода нуждается в собственно философском рассмотрении (отличного от иных ракурсов — экономического, социологического, политического, правового и проч.). Если что-то абсолютизируется, то понимание свободы оказывается в плену односторонности. Следует подчеркнуть спасительную роль гармонизации свободы и нравственности. Именно она является надёжным гарантом ответственности. Своего рода ключом к авторской концепции свободы выступает своеобразный синтез человеко- и социоцентризма. Оправданным представляется введение понятия «социумный человек».

Единство свободы и нравственности делает бытие личности цельным, а значит и перспективным с точки зрения реального оздоровления и развития общества в целом и права, в частности. Ведь именно наличие

бескорыстных, открытых и честных отношений между людьми способствует тому, что человек максимально реализует себя в мире, исключая при этом какие-либо злые средства, преступное поведение. В этой связи определённый интерес представляет технология «золотой середины» Аристотеля. Автор «Никомаховой этики» демонстрирует установку на подчинение личностных усилий размеренной полисной жизни. Всякого рода крайности не допускаются не из-за несоответствия чего-либо морали как таковой, а по причине рациональной организации жизни.

На сегодняшнем Западе главное не отделение хорошего от плохого с нравственных позиций, а рассудочно-рациональное нахождение некоей приемлемой с точки зрения среднего обывателя линии поведения, но уже в парадигме индивидуализма. Выгодное для воспроизводства привычного порядка вещей легализуется вне зависимости от моральных оценок. Иначе говоря, дозволено всё, что это явно способствует развитию экономики, особенно индустрии развлечений. Налицо тот случай, когда экономика пытается сделать этику служанкой. Возможно, Аристотель и не согласился бы с этим, но именно этому во многом способствовала указанная выше технология.

Будучи социальной, свобода, как в воздухе, нуждается в постоянно воспроизводящихся индивидуальных и групповых контактах и взаимодействиях, которые, прежде всего, касаются организации и улучшения совместной жизни. Высокое качество последней, в свою очередь, обеспечивается лишь в том случае, если человек ответственен перед собой как личностью, перед другими и обществом в целом. В данном случае речь идет о ситуации, когда решающую роль играет внутренняя убежденность и собственная совесть. Сами по себе правовые нормы, поддерживающие цивилизационные свободы, мало что могут сделать, если отсутствует нравственность.

Artemov Viacheslav

THE HUMAN DETECTION OF FREEDOM AND NORMATIVE NATURE OF THE POLITICAL-LEGAL FREEDOMS

To the amount of mostly used words “freedom” is referred, especially in different combinations “human rights and freedoms”, “freedom of speech”, “free-

dom of worship”, etc. However, due to display of the formal aspect, the main idea is corrupted. As primary external regulator of relationships between individual and social categories, the right is interested not so in the freedom as itself, but in creating of the new standards as the function of game rules. At the origins of western thinking style, that is attentive to separate (beneficial for the government) details of politics and right, but all too often disregarding the spirit of the life organization principals in the line with the proper manner, is Aristotle. The way for the Machiavellian line, appearing nowadays, was carved in olden time rather by Aristotle, than by Plato.

The formal obligation of standard is necessary to be supplemented by moral sense and responsibility, which are the undersides and indicators of the freedom completeness. It is crucial to concentrate exactly on the human detection of freedom, because now it is not the nature is needed to be secured — it is humanity, who lost value orientation and forgot about social ideal. Having many aspects, the freedom is needed to be considered in its philosophical terms (different from other perspectives — economical, sociological, political, legal, etc.). If something is absolutized, understanding of the freedom is in thrall to one-sidedness. It is worth to emphasize the saving role of the freedom and the morality harmonization. It is the one a trustworthy guarantee of responsibility. A sort of the key to authorial conception of freedom is a peculiar synthesis of anthropocentrism and sociocentrism. It is reasonable to introduce the term “socium man”.

The unity of the freedom and the morality makes the personal existence entire, and consequently perspective from the point of view of the real enhancement and improvement of the society as a whole and the right in particular. It is presence of unselfish, open and personal relationships between people encourages the maximum realization of a person in the world, excluding any malicious means, criminal behavior. In this connection the technology of Aristotle’s “golden mean” appeal the certain interest. The author of “Nicomachean Ethics” demonstrates the orientation on the focus of the personal forces on the ordered policy life. All kinds of extremities are not allowed not because of incompliance of something with the morality, but for the reason of the ordered life organization.

In modern West the main issue is not to separate good and bad ideas from the morality point of view, but to find the abstract and reasonable line of behavior that is acceptable from the perspective of the average person, but in the individualism paradigm already. Profitable aspects for reproduction of habitual way of life are legalized regardless of the moral evaluation. Alternatively stated,

everything that contributes to the development of economics, especially entertainment industry. Obviously, it is the case when the economics tries to convert the ethics into a servant. Probably, Aristotle would not agree with this statement, but the technology mentioned above contributed to this issue in particular.

Being social, the freedom, alongside with the air, is in need of reproduced individual and group contacts and intercommunication, which are, in the first place, referred to organization and improvement of life together. High quality of the life together, in its turn, is arranged only in the case, if a man is responsible to himself as to personality, to other people and to the whole society. In this case, we speak about the situation, when the critical role is reflected in the internal conviction and personal conscience. The regulatory standards, in themselves, that support civilizational freedoms can do not so many, if there is no morality.

Артемов Георгий Петрович

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ

Моральная установка рассматривается в докладе как предрасположенность человека к определенному типу восприятию других людей — позитивному или негативному.

Предрасположенность к позитивному восприятию человеком других людей выражается в его доверительном отношении к людям, уверенности в их честности и готовности прийти на помощь. Предрасположенность к негативному восприятию человеком других людей выражается в его осторожном отношении к людям, в его уверенности в их своекорыстии и эгоизме. Позитивное отношение человека к другим людям основано на его уверенности в том, что другие люди ориентируются на ценности, совпадающие с теми ценностями, на которые ориентируется он сам. Негативное отношение человека к другим людям основано на его уверенности в том, что другие люди ориентируются на ценности, противоположные тем, на которые ориентируется он сам.

Ценность представляют собой убеждение человека в приоритетности одних жизненных целей перед другими, противоположными жизненными целями. Приверженность людей противоположным жизненным целям

связана с их предрасположенностью к противоположным типам восприятия окружающих. Противоположность моральных установок обусловлена наличием у людей различных представлений о добре и зле, хороших и плохих, правильных и неправильных поступках. Эти представления меняются в соответствии с изменением характера самого общества. На смену традиционной морали аграрного общества, имевшей религиозный характер, приходит рациональная мораль индустриального общества, имеющая светский характер. При переходе от индустриальной стадии развития общества к постиндустриальной стадии, рациональная мораль, основанная на подчинении нравственному долгу, сменяется пострациональной моралью, основанной на свободном выборе стандартов поведения.

Известные концепции и методики изучения ценностей: М. Рокича, Р. Инглхарта, Ш. Шварца, Н. И. Лапина и др., предполагают выбор между противоположными жизненными целями. Как правило, применение этих методик к изучению реального массового сознания позволяет воспроизвести инвариантные структуры ценностных ориентаций, характерные для представителей определенных национальных, региональных, этнических, профессиональных и конфессиональных сообществ. Моральные установки, преобладающие в этих сообществах, оказывают решающее влияние на идентификацию с противостоящими друг другу жизненными целями, и тем самым порождают ценностные конфликты внутри сообществ.

Для проверки этих утверждений необходимо исследовать реальные социальные практики современных обществ. Эту задачу можно решить с помощью анализа результатов реализации мониторинговых международных исследовательских проектов, в которых имеются данные, характеризующие моральные установки и ценностные ориентации населения различных стран, а также моральные установки и ценностные ориентации представителей различных социальных групп, на которые делится население этих стран.

* Выполнено в рамках гранта РФФИ № 16-03-00388.

Artemov George

MORAL ATTITUDES AND VALUE CONFLICTS

The moral attitude is considered in the report as a person's predisposition to a certain type of perception of other people — positive or negative. Predis-

position to a positive perception of the person to another people is expressed in his confidence attitude to the people, in assurance in their honesty and willingness to help. Predisposition to the negative perception of the person to another people is expressed in its cautious attitude to the people, and in assurance in his confidence in their self-interest and selfishness. Positive attitude to other people based on someone belief that the other people guided by the values coincide with the values for which he guided himself. The negative attitude to other people based on someone confidence in the fact that other people are guided by the values opposite to those on which the guided himself.

Value is a human belief in the priority of some life goals to others, the opposite life goals. The commitment of the people opposite life goals related to their susceptibility to opposite types of perception of others. The opposite of moral attitudes deals with the presence of people of different views of good and evil, good and bad, right and wrong actions. These views are changing according to the change characterized the society. On the place of the traditional agrarian society morals, which had a religious character comes rational morality of the industrial society, which has a secular character. In the transition from an industrial society to the post-industrial society, rational morality, based on the subordination of moral duty, is replaced by the post rational morality, based on the free choice of standards-behavior.

Known concepts and methods of the study of values: M. Rokeach, R. Inglehart, Sch. Schwartz, N. Lapin et al., suggest a choice between opposite life goals. As a rule, the application of these techniques to the study of real mass consciousness allows someone to play the invariant structure of value orientations that are typical representatives of certain national, regional, ethnic, professional and religious communities. Moral attitudes, prevailing in these communities, have a decisive influence on the identification with opposing life goals, and thereby generate value conflicts within communities.

To verify these claims someone need to explore the actual social practices of modern societies. This can be achieved by analyzing the results of monitoring international research projects, whose have data, characterizing the moral attitudes and values of the population in various countries, as well as the moral attitudes and values of different social groups, those are divided by the population of these countries.

* Grant of Russian Foundation for Humanities № 16-03-00388.

Артемов Тимур Мурманович

Кандидат философских наук, доцент

Северо-Западный государственный медицинский университета
им. И. И. Мечникова

О [НЕ]ПРИЕМЛИМОСТИ ЛЖИ В АНТИЧНОЙ МЕДИЦИНЕ И В СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ ВРАЧ–ПАЦИЕНТ

По Платону ложь это лекарство для людей, а лекарство должны выдавать врачи. Для Аристотеля обман заслуживает осуждения, однако следует иметь в виду уместность и своевременность правды как это требуется от искусства врача. Аристотель как и Платон допускает случаи использования врачами лжи во благо. Ложное сообщение врача на благо больного приемлемо с точки зрения теории консеквенциализма. Убеждения Платона и Аристотеля соответствуют установке патерналистской модели взаимоотношений врач-пациент, господствовавшей с античности до современности. Однако, современные врачи в развитых странах потеряли статус людей-богов. Патернализм уступил место таким моделям взаимоотношений врач-пациент, которые предполагают, что врач оказывает пациенту услугу (техническая, контрактная модели). Место доверия занял скепсис. При этом, больные ожидают честного исполнения договора от врача.

Для доверия имеет значение репутация всех врачей. Будущие медики выбирали в мысленном эксперименты:

1. Выполнить договор и легко пострадав, обогатиться.
2. Обмануть и обогатиться.
3. Отказаться от договора.

Большинство (70%) выбирают вариант 2 — обмануть и обогатиться. 1-й и 3-й варианты по 15%. Исследователи указывают на трансформацию антиценности лжи в ценность за последние полвека. Это произошло поскольку, человек умело использующий ложь — успешен. Другая причина — это мировой экономический тренд, в соответствии с которым в осуществлении профессиональной деятельности главным условием успешности является прибыль. Обманывать побуждает система, требующая всё увеличивать и увеличивать количество обслуживаемых пациентов, продаваемых лекарств и других медицинских услуг. Однако, качество системы здравоохранения от увеличения количества предоставляемых услуг за единицу времени может ухудшаться. Нравственный ущерб, нанесенный этой

тенденцией компенсировать невозможно. Однако, можно попробовать выровнять эту ситуацию ориентируясь на абсолютистский подход к проблеме правды по Канту и неукоснительному следованию долгу в соответствии с договоренностью.

Даже допуская, что принцип «не лги» предполагает разумные исключения, необходимость в выполнении договора в рамках контрактной модели для врачей остается обязательной и поэтому отношение к пациенту современного врача в контексте проблемы лжи является противоположным отношению античного врача к пациенту.

Artemjev Timur

ABOUT [NOT] THE ACCEPTABILITY OF A LIE IN ANTIQUE MEDICINE AND IN MODERN MODEL OF THE RELATIONS THE DOCTOR–PATIENT

According to Platon the lie is medicine for people, and doctors have to give medicine. For Aristotle deception deserves condemnation, however it must be kept in mind relevance and timeliness of the truth as it is required from art of the doctor. Aristotle as well as Platon allows cases of use by doctors of a lie for the good. The untrue report of the doctor for the benefit of the patient is acceptable from the point of view of the theory of a consequentialism. Platon and Aristotle's beliefs correspond to installation of the paternalistic model of relationship the doctor patient dominating from antiquity to the present. However, modern doctors in developed countries lost the status of people gods. Paternalism gave way to such models of relationship the doctor patient which assume that the doctor renders to the patient service (technical, contract models). The place of trust was taken by scepticism. At the same time, patients expect honest performance of the contract from the doctor.

For trust the reputation of all doctors matters. Future physicians chose in thought experiments:

1. To execute the contract and having easily suffered, to be enriched.
2. To deceive and be enriched.
3. To refuse the contract.

The majority (70%) choose option 2 — to deceive and be enriched, the 1st and 3rd options on 15%. Researchers point to transformation of anti-value of a lie in value for the last half a century. It occurred as, the person who is

skillfully using a lie — is successful. Other reason is a world economic trend according to which in implementation of professional activity the main condition of success is the profit. The system demanding to increase everything and to increase the number of the served patients, the sold drugs and other medical services induces to deceive. However, quality of a health care system from increase in number of the provided services for a unit of time can worsen. The moral damage caused by this tendency cannot be compensated. However, it is possible to try to level this situation being guided by absolutist approach to a truth problem according to Kant and strict following to a debt according to the arrangement.

Even assuming that the principle “do not lie” assumes reasonable exceptions, need for implementation of the contract within contract model for doctors remains obligatory and therefore the attitude towards the patient of the modern doctor in the context of a problem of a lie is opposite to the attitude of the antique doctor towards the patient.

Ахундова Севда Мамед гызы

Кандидат философских наук, доцент,

Соавтор: Амрахлы Эльмир

Бакинский Славянский Университет, г. Баку, Азербайджан

ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Мультикультурализм — это теория, практика и политика неконфликтного сосуществования в одном социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ.

Многоконфессиональный и многонациональный Азербайджан сегодня интегрируется в международное сообщество и придает большое значение межкультурному и межрелигиозному диалогу.

Традиции толерантности и мультикультурализма являются составной частью политики Азербайджана. Азербайджан имеет богатые традиции толерантности, межкультурного и межцивилизационного диалога, и поэтому организация обсуждений этих вопросов именно в Республике имеет большое значение. Уже несколько лет подряд в Баку проводятся Международные форумы, посвященные темам мультикультурализм, толерантность и т. д. Бакинские между народные форумы посвященные данной тематике

собирают ведущих деятелей, ученых, политиков, глав государств, представителей международных организации, религиозных центров.

Президент страны Ильхам Алиев в обращении к участникам проходящего в азербайджанской столице первого Бакинского международного форума «Государство и религия усиление толерантности в изменяющемся мире» отметил: «Религиозная политика азербайджанского государства является наглядным примером успешной политики отношений «государство — религия». Общественно-политическая стабильность, а также традиции мультикультурализма являются составной частью нашей политики. Хочу с удовлетворением отметить, что в Азербайджане никогда не было конфликтов на межрелигиозной почве и отношения между людьми основывались на взаимоуважении. В этом большая заслуга традиции мультикультурализма, гуманизма и взаимоуважения, присущего нашему народу».

Представители различных религиозных конфессий и многих национальностей в Азербайджане на протяжении сотни лет всегда жили в мире и согласии.

Многонациональный и многоконфессиональный состав республики является характерной особенностью Азербайджана, только в Баку функционируют свыше двадцати различных культурных обществ: болгарское, лезгинское, украинское, татарское, татское, русское, немецкое, польское, греческое и др. На протяжении веков формировались образ других культур и толерантность к другим этносам и национальным меньшинствам.

Азербайджан — одно из государств которое по праву может гордиться своей культурой, историей, обычаями.

С древности в Азербайджане проживали представители самых различных религиозных направлений: зороастризма, иудаизма, христианства и ислама.

Исторически азербайджанский народ всегда относился уважительно к другим народам и религиям. Это национальная черта азербайджанского народа, неотъемлимая часть его менталитета.

Религии в Азербайджане представлены совокупностью разных религиозных течений, распространенных среди этнических групп, проживающих на нынешней территории страны. Кроме того, в республике действует ряд религиозных общин.

POLICY OF MULTICULTURALISM IN AZERBAIJAN

Multikulturalizm — that's the theory, practice and policy of non-conflictual coexistence in the same social space of many diverse cultural communities. Multi-religious and multi-ethnic Azerbaijan is integrating into the international community attaches great importance to intercultural dialogue and menzhreli-gioznomu.

Traditions of tolerance and multiculturalism are part of the policy of Azerbaijan. Azerbaijan has a rich tradition of tolerance, inter-cultural and inter-civilization dialogue, and therefore the organization of the discussion of these questions is in the Republic of great importance. For several years in a row Baku hosts international forums on topics of multiculturalism, tolerance and so on. D. Hala between popular forums dedicated to this topic brings together leading figures, scientists, politicians, heads of states, representatives of international organizations, religious centers. President Ilham Aliyev in his address to the participants held in the Azerbaijani capital of Baku first international forum "State and Religion strengthening tolerance in a changing world", said: "The religious policy of the Azerbaijani state is a good example of a successful policy of relations" state — religion. "Social and political stability, as well as the tradition of multiculturalism are part of our policy. I want to note with appreciation that Azerbaijan has never had a conflict on religious grounds, and human relations based on mutual respect. This great achievement tradition of multiculturalism, humanism and mutual respect inherent in our people". Representatives of different religions and many nationalities in Azerbaijan for hundreds of years have always lived in peace and harmony. The multinational and multi-religious composition of the Republic of Azerbaijan is a characteristic feature, and more than twenty different cultural societies operate only in Baku: Bulgarian, Lezgin, Ukrainian, Tatar, Tat, Russian, German, Polish, Greek, etc. For centuries, formed the image of other cultures and tolerance to other ethnic groups and national minorities.

Azerbaijan — one of the countries that can be proud of their culture, history and customs. Since ancient times in Azerbaijan is home to a wide variety of denominations: Zoroastrianism, Judaism, Christianity and Islam. Historically, the people of Azerbaijan has always treated respectfully towards other peoples and religions. This national trait of Azerbaijani people, an integral part of his mentality. Religion in Azerbaijan presented a collection of various religious trends

spread among the ethnic groups living in the present territory of the country. In addition, a number of acts of religious communities in the country.

Барбашина Эвелина Владимировна

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии
ФГБОУ ВО Новосибирский государственный медицинский университет

МЕТОДЫ В БИОЭТИКЕ

Изначально решение биоэтических вопросов было связано с конкретными проблемами человеческого существования такими как граница между жизнью и смертью, воспроизводство и поддержание жизни, генетические исследования и т. д. Впоследствии актуальными стали теоретические вопросы, в том числе вопросы, связанные с методологией исследования этических проблем, принятием решения, с разработкой «Этических алгоритмов» решения биоэтических проблем. Этические методы в целом — рациональные, рефлексивные процедуры принятия решения относительно того, что следует делать, что не следует, и как делать правильно. Нормативные биоэтические методы, соответственно, ориентированы на решение вопросов о том, какое принимать решение и действовать в соответствии с ним в ситуации медицинских этических проблем. Методы биоэтики должны соответствовать критериям «ясности, последовательности, согласованности, полноты, всесторонности». Условно биоэтические методы можно разделить на методы в широком и узком смыслах. В узком смысле — это изучение логики моральных рассуждений и применения метаэтических теорий (натурализм, интуитионизм, субъективизм и т. д.) при решении конкретных ситуаций. Представляет продуктивным классификация и изучение нормативных биоэтических методов как методов-принципов (консеквенциализм, плюрализм, деонтологические принципы), метода case-study, методов этики добродетели, этики заботы и коммунитаризма.

Barbashina Evelina

METHODS OF BIOETHICS

At first solving the bioethical questions was connected to specific problems of human existence, such as the line between life and death, reproduction, life

sustenance, genetic research, etc. Later the theoretical questions had become more actual, among which questions related to methodology of ethical problem research, decision-making, development of ethical algorithms for solving bioethical problems. Ethic methods in general are rational and reflective procedures of decision making taking into regard what should be done, what should not and what to do is right. Normative bioethical methods target the questions about what decision to make and how to act in accordance with this decision in case of medical ethical problems. Methods of bioethics must correspond with the criteria of “clarity, continuity, consistency, completeness, comprehensiveness”. The bioethics methods may subjectively be divided into methods in broad and narrow senses. In the narrow sense they are the study of logic of moral reasoning and applying metaethical theories (naturalism, intuitionism, subjectivism, etc.) during resolving specific situations. A productive classification and study of normative bioethical methods may be in form of method-principles (consequentialism, pluralism, deontological principles), case-study method, methods of virtue, care ethics and communitarism

Баринаова Светлана Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Красноярский государственный аграрный университет

ИДЕИ АРИСТОТЕЛЯ О ДЕТЕРМИНИЗМЕ

Аристотель полагал, что истиной может быть только образ действительности. Он писал, что диалектики и София ты подделываются под философов. Аристотель исходя из всеобщей связи явлений признавал объективное существование материи. Аристотель утверждал что мир — космос представлен оформлениями совершенства и содержит в себе возможность возникновения многообразия вещей. Он разворачивает учение о противоречиях и противоположностях и других оформлениях космоса. Оформление космоса у него это стимул и цель, причина становления многообразных вещей.

Svetlana Barinova

ARISTOTLE'S IDEAS ABOUT DETERMINISM

Aristotle believed that truth can only be the image of reality. He wrote that the dialectics of the sophists posing as philosophers. Aristotle on the basis of the universal connection of phenomena were recognized objective the existence of matter and considered it eternal. Aristotle argued that the world space is represented by the design perfection and contains the possibility for variety of things. He deploys the doctrine of the contradictions and opposites, and other decorations of the space. The design of the space it is an incentive and a goal a reason for the formation of multiple things.

Барташевич Татьяна Юрьевна

Ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

СТРУКТУРА МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

Проблема структурирования морального сознания была в центре внимания отечественной этики в период ее теоретического становления. Стоит, прежде всего, вспомнить работы С. Ф. Анисимова, О. Г. Дробницкого, В. П. Коблякова, А. И. Титаренко.

В это же время, в период 70–80-х гг. прошлого века, моральное сознание становится предметом изучения психологов и социологов, акцентировавших внимание на исследовании отдельных структурных составляющих морального сознания — ценностях, идеалах, эмоциональной составляющей и т. д.

Актуализация данной темы в современном этическом дискурсе вызвана рядом обстоятельств:

– во-первых, необходимостью дальнейшей теоретической разработки данной проблематики и переосмысления социально-классового обоснования структуры морального сознания, предложенного отечественными авторами в 70–80-е гг. XX в.;

– во-вторых, востребованностью данных теоретических разработок в качестве методологического основания современных прикладных этических исследований;

– в-третьих, необходимостью целостного анализа морального сознания в единстве его структурных компонентов и различных уровней.

Построение целостной модели представляется возможным на основании применения структурно-функционального анализа. В рамках структурно-функционального анализа особый интерес приобретает проблема ценностно-императивного характера морального сознания, категориального строя морального сознания. Методология структурного анализа морального сознания позволяет проанализировать его категориально-понятийный строй на разных уровнях.

Разработка целостной модели структуры морального сознания представляет значимость для практики прикладных этических исследований: структура морального сознания позволит выявлять и анализировать этические проблемы на уровнях коллективного и индивидуального субъектов морали, теоретическом и обыденном уровнях, уровнях психологии и идеологии, эмоционального и рационального в сознании, анализировать проблемы, возникающие в процессе взаимодействия морального сознания с другими формами общественного сознания: политического, правового, эстетического и т. д., а также в контексте разработки проблематики общественной морали. Помимо этого разработанная целостная модель морального сознания позволяет структурировать теоретические знания студентов в процессе освоения ими образовательной программы «Прикладная этика».

Bartashevich Tatiana

THE STRUCTURE OF THE MORAL CONSCIOUSNESS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

The problem of structuring moral consciousness has been the focus of national ethics during its theoretical development. It is, above all, recall the work of SF Anisimova, OG Drobnitskii, VP Koblyakova, AI Titarenko. At the same time, in the period 70–80 in the last century, the moral consciousness becomes an object of study of psychologists and sociologists, to focus on the study of individual

structural components of the moral consciousness — the values, ideals, emotional component, etc.

The actualization of the subject in contemporary ethical discourse is caused by several factors:

– Firstly, the need for further theoretical development of this problem and a rethinking of social and class structure of the justification of moral consciousness, proposed by Russian authors in the 70–80-ies 20 century;

– Secondly, the demand for theoretical research data as a methodological foundation of modern applied ethical research;

– Thirdly, the need for a holistic analysis of moral consciousness in the unity of its structural components and at various levels.

Construction of an integrated model is possible on the basis of the application of structural-functional analysis. As part of the structural and functional analysis of particular interest is the problem of values and the imperative nature of moral consciousness, the categorical failure of moral consciousness. Methodology for structural analysis of moral consciousness allows to analyze categorical conceptual system at different levels.

Development of a holistic model of the structure of moral consciousness is the significance for the practice of applied ethics research: the structure of moral consciousness will identify and analyze ethical issues at the levels of collective and individual moral actors, theoretically and ordinary levels, levels of psychology and ideology, emotional and rational consciousness, analyze problems, arising in the course of interaction of moral consciousness with other forms of social consciousness: political, legal, aesthetic, etc., as well as in the context of the development of social morality issues. In addition, to develop a holistic model of moral consciousness allows you to structure the theoretical knowledge of students in the course of development of the educational program “Applied Ethics”.

Батальгина Юлия Александровна

Аспирант 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭТИКЕ*

Либерализация ценностей, плюрализм взглядов, изменчивость моральных норм и принципов, динамизм социальной жизни, стремительное

технологическое развитие современного информационного общества являются причинами появления и существования социальных конфликтов. Подобные конфликты являются сложным явлением и нуждаются в специальном этическом инструментарии. С целью управления конфликтом ценностей этика обладает необходимым арсеналом прикладных эффективных средств и методов.

* Выполнено в рамках гранта РГНФ №16-03-00388а.

Batalygina Julia

CONFLICTS OF VALUES IN SOCIAL ETHICS

The liberalization of values, the plurality of views, the dynamism of social life, the rapid technological development of modern information society are the reasons for the emergence and existence of social conflicts. Such conflicts are a complex phenomenon and need special ethical tools. For the purpose of conflict of values management the ethics has necessary arsenal of effective application methods.

Бескровная Анастасия Сергеевна

Студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ КОНФЛИКТА В ТРУДАХ АРИСТОТЕЛЯ

Несмотря на то, что непосредственное становление конфликтологии как науки произошло лишь в 60-е годы прошлого века, попытки осмыслить роль конфликта в жизни индивида и общества в целом были предприняты еще в эпоху Античности. Многие идеи, обозначенные в трудах того времени, актуальны и по сей день, и потому их изучением занимается огромное количество исследователей. В числе таких ученых можно выделить немецкого политолога Дольфа Штернбергера, который, в 1978 г. опубликовав свою работу «Три корня политики», в качестве одного из них выделяет антропологический — или аристотелевский. Другой ученый, Бернхард

Сутор, в своей «Малой политической этике» связывает этот подход, в первую очередь, с основанием полиса и его конституции на общественной деятельности граждан, которые стремятся к своему человеческому совершенству. Однако важно отметить, что аристотелевское понятие политического как сферы общего жизненного порядка равноправных и свободных граждан не подразумевает полной бесконфликтности и отказа от каких-либо противоречий. Напротив, конфликт по Аристотелю, — естественная сторона жизни свободных людей. Поскольку государство является продуктом естественного возникновения и принадлежит тому, что существует по природе, а в политических существах — людях природой заложено неравенство, конфликт выступает в роли неотъемлемой части существования социума. Более того, людей, согласно Аристотелю, эти различия только объединяют. Чем они крепче, тем сильнее государство. Но нельзя отрицать и тот факт, что одновременно с несомненной пользой неравенство людей (имущественное и социальное — в частности) является основной причиной конфликта. К прочим Аристотель относит наглость, страх, пренебрежение законом, несходство характеров, а также чрезмерное возвышение одних и унижение других. Мир в духе политики Аристотеля, отмечает Б. Сутор, означает урегулирование спора, так называемый конституционный мир. Конфликты должны быть разрешены по своей основе, для чего существуют моральные, политические и дискуссионные способы. При этом мирное урегулирование в рамках основанной на согласии свободлюбивой конституции является основной концепцией конфликто разрешения. Эта концепция считает людей способными разрешить возникшие противоречия, избегая применения физической силы, посредством активизации человеческих возможностей, а также грамотного проведения государственной политики, в рамках которой правитель соблюдает меру в распределении благ и почестей — особенно должностных позиций. Несомненно, это не поможет навсегда избавиться от неравенства — но подобное «приведение общества в порядок», как обозначил это Б. Сутор, и не ставится целью, ведь ее достижение невозможно. Однако именно мера, направленная в том числе и на политику, создаст необходимые для гармоничной жизни предпосылки.

Beskrovnaya Anastasia

THE CONCEPT OF CONFLICT IN ARISTOTLE'S ESSAYS

In spite of recent establishment of conflictology, it is possible to track the first attempts of understanding the role of conflict even from Antique times. Many ancient ideas are still up-to-date, that is why scientists keep doing their research works in this field. One of them is Dolf Sternberger who published the book "Drei Wurzeln der Politik" in 1978 and emphasized the anthropological origin which was based on Aristotle's thoughts. Another politologist, Bernhard Sutor in his "Kleine Politische Ethik" linked this approach to the founding of the state and constitution.

It is important to note that Aristotle didn't determine the full absence of conflicts. Moreover, it was a natural part of every human being's life. A difference in people's characters, ways of life, social and political involvement, in other words, inequality is inalienable side of the society's existence. According to Aristotle, that kind of distinction only brings people together and strengthens the state.

But, at the same time, this disparity (especially social and property aspects of it) is the main reason of conflicts. The others include impudence, fear, law neglect, dissimilarity of characters, etc. In B. Sutor's terms, Aristotle's peace means conflict settlement, so called constitutional one. Conflicts are supposed to be resolved in its essence, and there are moral, political, and debatable ways of achieving this aim. Meanwhile, the non-violent approach counts as the best one as it contains the activation of human powers and capacities. What is more, another well-working way of resolving conflicts is competent implementation of public policy, especially when it comes to the distribution of different goods.

There is no doubt that this strategy cannot help the state get rid of inequality because it is impossible. But only measure creates preconditions for the harmonious society.

Блохин Павел Дмитриевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

КАКОВО МЕСТО АНАЛОГИИ

В ОБОСНОВАНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ?

Для постановки проблемы было бы уместно привести фрагмент из сатирического романа ирландского писателя Джонатана Свифта:

«...установилось правило, что все однажды совершенное может быть законным образом совершено вновь; на этом основании судьи с великою заботливостью сохраняют все старые решения, попирающие справедливость и здравый человеческий смысл. Эти решения известны у них под именем прецедентов; на них ссылаются как на авторитет для оправдания самых несправедливых мнений, и судьи никогда не упускают случая руководствоваться этими прецедентами» (Д. Свифт. Путешествия Гулливера). Это ироничное описание заставляет задаться целым рядом вопросов: Действительно ли судебное решение может покоиться только на авторитете более раннего решения по аналогичному делу? Означает ли ссылка на такое предшествующее решение (прецедент) пример умозаключения по аналогии? Отличается ли суждение по аналогии в обосновании судебного решения от применения аналогии в научном исследовании или в быту? В отечественной правовой науке эти вопросы оказались за пределами внимания ученых и практиков, тогда как в юриспруденции американской они стали предметом серьезных дискуссий. Отчасти это можно объяснить, видимо, тем, что в странах прецедентного права — Соединенном королевстве и США принцип следовать решенному (*stare decisis*) предполагает использование техники различий (выявление в решении *ratio decidendi* / *holding* — необходимого обоснования и *obiter dictum* — попутного сказанного), техники сужения прецедента (*narrowing precedent*), что ассоциируется именно с аналогическим мышлением. Напротив, упорное отрицание в странах постсоветского пространства, в частности, в России, прецедентных начал судебного правоприменения привело к недооценке этой формы мышления как второстепенной, подчиненной дедукции. Самый цитируемый юрист в мире и апологет «экономического анализа права» судья Ричард Познер наиболее яростно доказывает бессмысленность обоснования решения по аналогии. Автор признает, что в системах прецедентного права цитирование — «заметная черта большинства судебных решений», правда, отмечает он, такое цитирование часто имеет «риторическую функцию» и используется, чтобы решение выглядело «более солидно», чем на самом деле (Р. Познер. Проблемы юриспруденции). В действительности, пишет он, разрешение конкретного дела всегда требует обращение к более общим принципам, доктринам, ценностям, политике — которые только и делают сходства или различия в двух делах относимыми, существенными (*relevant*). Так, контроль и перехват телефонных сообщений может быть оценен аналогично обыску и изъятию корреспонденции

исходя из более общего понимания того, что в обоих случаях имеет место неправомерное, с позиции конституционного законодателя, вмешательство в личное, приватное пространство человека. Не менее известный юрист и политтехнолог Касс Санстейн в своих работах обосновывает самодостаточность и самоценность аналогического способа правового обоснования, а не низводит его до «риторического приема» и не отождествляет его с метафорой. Он указывает, что обоснование по аналогии может быть наилучшим подходом, доступным для лиц, находящихся в положении «ограниченных времени и ресурсов» (К. Санстейн, Об аналогическом обосновании. Комментарий). Отталкиваясь от своей идеи «судебного минимализма» (judicial minimalism), он утверждает, что подчас люди (в том числе, юристы), не в состоянии исчерпывающе объяснить или договориться об общих теориях, принципах, обосновывающих конкретный вывод, но готовы едва ли не интуитивно принять этот вывод. Так, с его точки зрения, при устройстве на работу дискриминацию по признаку сексуальных предпочтений следует расценивать аналогично дискриминации по признаку сексуальной ориентации, при том, что может отсутствовать полная определенность в том, что такое дискриминация и в каких случаях она всегда недопустима. Эта дискуссия вносит значимый вклад в обсуждение роли аналогии в обосновании решений суда.

Blokhin Pavel

WHAT IS THE PLACE OF ANALOGY IN SUBSTANTIATION OF JUDICIAL DECISIONS?

In the present report, we are invited to consider the problem of determining the role of analogical judicial reasoning. American law is used as a basis for the study, because the problem of analogy is related to the concept of “stare decisis” and techics of “narrowing precedent”. In particular, polar views of R. Posner and C. Sunstein are compared.

Богатов Михаил Александрович

Кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

АРИСТОТЕЛЬ В МЫШЛЕНИИ ВЛАДИМИРА БИБИХИНА

Владимир Биbihин (1938-2004)– русский философ, переводчик, кандидат филологических наук. В своё время два года, с 1970 по 1972 гг., был помощником у Алексея Лосева (1893–1998) и Сергея Аверинцева (1937–2004) — оба выдающиеся знатоки античной мысли, литературы, эпохи. Интеллектуальные интересы Биbihина, знание множества европейских языков (начиная с древнегреческого и латинского), а также работа в Институте философии Российской Академии Наук всячески способствовали его обращениям к античности — в качестве редактора, комментатора, переводчика, историка мысли. Целью данного доклада не является краткий обзор жизни и мыслительного пути Владимира Биbihина; не ставим мы также задачей постановку значительной темы «Владимир Биbihин и античность». Нас в первую очередь интересует своеобразное отношение Владимира Биbihина к Аристотелю. Тот, кто возьмётся за подобную тему, будет вынужден обратить внимание на соприсутствие в её постановке как минимум двух измерений: явного (экзотерического) и неявного, сущностного (эзотерического), требующего, как минимум, погружения в своеобразие биbihинской мысли. Если в первом случае Аристотель так или иначе фигурирует в качестве самостоятельной фигуры, включаемой в диалог, то во втором следует уже говорить о том проекте философии, который предлагает Владимир Биbihин, и к которому, вероятно, мог бы примкнуть Аристотель, живи он здесь и сейчас. Ограничиваясь рамками выступления, я хотел бы лишь обозначить те контуры, путевые знаки, в пределах которых исследование влияния Аристотеля на Биbihина и творческий диалог между этими философами следовало бы раскрывать в дальнейшем.

Bogatov Mikhail

ARISTOTLE IN VLADIMIR BIBIKHIN'S THOUGHT

The report is devoted to a philosopher Vladimir Bibikhin (1938–2004) referring to Aristotle's legacy. V. Bibikhin is famous for translating many works

of modern philosophers (e.g. M. Heidegger, L. Wittgenstein) to Russian as well as for his deep knowledge of antiquity. He pointed out the importance of considering the ideas of classical philosophers while analysing works of modern philosophers (e.g. M. Heidegger, H.-G. Gadamer). The suggested approach unfolds in two ways. (1) V. Bibikhin edited and commented on translations of Aristotle's works in Russian, one of his objectives being the careful reading and interpretation of Aristotle's works in the context of modern philosophy. (2) In his works (e.g. Wood(s) (Les (hyle)), Energy (Energiya), It's Time (Pora)) he referred to Aristotle's ideas for answering modern questions. He argued that modern philosophical thought suggested less radical solutions in comparison with Aristotle. In this regard, we have to rediscover Aristotle. Bibikhin's scientific interest, his knowledge of many European languages (starting with Ancient Greek and Latin), his job as an editor, commentator, translator at the Institute of Philosophy in Russian Academy of Science account for his engagement with antiquity. The aim of this paper is neither to review the life and intellectual biography of Vladimir Bibikhin, nor to study such a wide topic as Vladimir Bibikhin and antiquity, but to discover the peculiar approach of V. Bibikhin to Aristotle. This subject exists in two dimensions: exoteric and an esoteric; the last one requires a close look at the peculiarities of V. Bibikhin's thought. In the first case, Aristotle is an independent participant of the dialogue. In the second case, we speak about the philosophical project suggested by Vladimir Bibikhin, which could be joined by Aristotle if he were alive nowadays. The aim of the paper is only to set some milestones which can help understand Aristotle's influence on V. Bibikhin and the intellectual dialogue between these two philosophers.

Бродский Александр Иосифович

Д. ф. н., профессор кафедры этики

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТЕРЕС ИЛИ ДОЛГ?

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛИЗМА

В докладе утверждается, что теоретические основания либерализма — это, во-первых, восходящая к софистам и Аристотелю идея дуализма дескриптивных и прескриптивных высказываний, отрицающая возможность характеризовать нормы и ценности как «истинные» или «ложные»

суждения, и, во-вторых, восходящая к Святому писанию идея монотеизма, запрещающая поклонение чему-либо «земному» и «тварному». Оба этих основания вызывают моральное неприятие либерализма. Либерализм отождествляют с убеждением, что человек может действовать только из своего эгоистического интереса, и что единственной основой общества является консенсус этих интересов. Исторически большинство либералов действительно исходило из идеи консенсуса интересов. Но в условиях современного мультикультурализма, когда сталкиваются не интересы, а религиозные принципы, идея консенсуса не работает. И это еще больше способствует деактуализации либерализма.

Автор, опираясь на современную аналитическую философию, и, прежде всего, на «теорию речевых актов» Дж. Остина и Дж. Серля, которая содержит принцип ответственности говорящего за соответствие между словами и миром, стремится доказать, что невозможность приписать нормам и ценностям истинность — не повод утверждать, что человек может действовать только ради своего интереса и не способен следовать долгу. В этом доказательстве автор видит возможность реактуализации либерализма. Либералам следует отказаться от постоянных поисков консенсуса с носителями несовместимых с либерализмом взглядов и начать отстаивать свои принципы с «религиозной» убежденностью.

Brodskiy Alexander

INTEREST OR DUTY?

ON THE POSSIBILITY OF REACTUALIZED LIBERALISM

The author argues that Liberalism is based on two theoretical principles: 1) the idea of the duality of descriptive and prescriptive sentences, which goes back to Sophists and Aristotle and denies the ability to characterize norms and values as “true” or “false” sentences, and 2) the idea of monotheism, which originates in the Holy Scripture and prohibits any adoration of “earthly” and “material” beings. Both ideas provoke moral disapproval of Liberalism. People tend to identify Liberalism with the belief that a person can act only proceeding from his or her egoistic interests, and the consensus of egoistic interests of different people is the only basis for society. The vast majority of liberals throughout the

history have indeed shared this idea of the unanimity of interest. But nowadays, in the situation of multiculturalism, when it is not interests, but religious beliefs what are in conflict, the idea of consensus doesn't work. And this provides another reason for deactualization of Liberalism.

The author takes modern analytical philosophy (and first and foremost "the theory of speech acts", worked out by J. Austin and J. Searle, with its principle of a speaker's responsibility for the correspondence of his or her words with the actual state of affairs) as his starting point. He tries to prove that the fact, that it is impossible to ascribe validity or falsity to norms and values, doesn't mean that all human actions are based purely on egoistic interests and not on duties. The author sees this proof as means of Liberalism's reactualization. Liberals should give up their constant search for consensus with people, whose beliefs are absolutely incompatible with Liberalism, and from now on defend their principles with "religious" zeal.

Брызгалина Елена Владимировна

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии образования философского факультета
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

БИОЭТИКА И БИОБАНКИ: ГУМАНИТАРНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В настоящее время актуально обсуждение статуса (научного, мировоззренческого, философского) биобанков, в том числе биобанков человека, как новой формы соединения научных знаний и технологий, требующей социально-гуманитарного сопровождения создания и деятельности. На сегодняшний день следует констатировать отставание социогуманитарного осмысления практики создания и функционирования биобанков (отсутствие системного, комплексного и целостного описания условий и последствий применения современных научных знаний в рамках биобанков). Биобанки, несмотря на существенную неполноту знаний о генетике человека, с одной стороны, создают базу для применения естественно-научных данных и подходов для решения широкого круга социальных задач, с другой стороны, порождают для социогуманитарного знания новые задачи, требующие пересмотра традиционных представлений о природе человека, о социальных отношениях, механизмах развития науки и технологий.

Bryzgalina Elena

BIOETHICS AND BIOBANKS:
HUMANITARIAN CHALLENGES OF MODERNITY

Today's discussion of the status (scientific, ideological, philosophical) of biobanks, including human biobanks, represents like a new form of the compound of scientific knowledge and technology, which requires social and humanitarian support of the creation and activity. For now, it should be stated retardation sociohumanitarian comprehension practice establishment and operation of biobanks (lack of a systematic, integrated and holistic description of the conditions and consequences of the use of modern scientific knowledge in the framework of biobanks). Biobanks, despite the significant incompleteness of knowledge about human genetics, on the one hand, provide the basis for the application of natural-scientific data and approaches to resolve a wide range of social problems. On the other hand, the biobanks give rise to socio-humanitarian knowledge for new challenges, requiring revision of traditional ideas about human nature, about social relations, mechanisms of development of science and technology.

Верецагина Наталья Викторовна

Аспирант 2 курса

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

СВОБОДА КАК ПОСЛЕДНИЙ КРИТЕРИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО:
РАСШИРЕННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ

Вопрос о том, что такое человек, всегда находится в центре философской проблематики. Он никогда не устаревает и никогда не приходит к окончательному ответу. Решение зависит от того, какие качества и способности приписываются человеку, поэтому понимание «человеческого» трансформируется. Традиционно в человеке обнаруживались два качества: мышление и тело.

В классической философской традиции человеческое связывалось именно с мышлением, поэтому появился концепт «бестелесного» субъекта, который и стал критерием человеческого. Мыслит, следовательно, человек.

Философская антропология XIX века реабилитировала человеческую телесность. Л. Фейербах обнаружил в теле человеческую универсальность,

что привело к переосмыслению сущности человека. Позднее антропологи показали, что тело человека уникально, оно не только социализируется (М. Мосс), но является «базовой схемой для любой символики» (М. Дуглас). Особенности устройства и функционирования человеческой телесности, таким образом, стали вторым критерием человеческого.

Сегодня традиционные критерии человеческого не всегда действенны.

1. Статус мышления в качестве критерия ставится под сомнения со стороны, как философии, так и науки. Во-первых, в работах постструктуралистов был серьезно переосмыслен концепт «бестелесного» субъекта, что привело не только к «смерти автора», но и к более фундаментальной идее деконструкции субъекта. Не все человеческое разумно. Во-вторых, в науке осуществляются попытки создания искусственного интеллекта. Сформировались две линии: искусственные нейронные сети и символичный искусственный интеллект. Первая направлена на биологическое воспроизведение устройства мозга, которое может привести к созданию автономного искусственного интеллекта, имеющего свободную волю, вторая — на создание систем, выполняющих логические интеллектуальные задачи, свойственные человеку. Таким образом, не только не все человеческое разумно, но и не все разумное — человеческое.

2. Человеческая телесность также перестает быть устойчивым критерием. Во-первых, в современных условиях происходит расширение человеческой телесности через присоединение к нему различных устройств (гаджетов), а также трансформация тела через биологические, физиологические и генетические модификации. Во-вторых, развитая индустрия по созданию роботов-помощников начала производить антропоморфные машины, имеющие почти стопроцентное сходство с человеком. Робот профессора Хироси Исигуро является максимально точной копией создателя, он способен через систему дистанционного управления воспроизводить движения, речь, мимику и произвольные движения тела профессора. Таким образом, человек утрачивает человеческие черты, а созданные им механизмы ими наделяются.

В силу указанных изменений встает вопрос о новых критериях человеческого. В современной философии этот вопрос пока не имеет однозначного ответа. Но в массовой современной культуре, схваченные тенденции трансформации человеческого, уже нашли отражение, и сформировалось некоторое обобщенное решение.

В анализе научно-фантастических киноработ последних лет (Chappie, Ex Machina, Transcendence, The Machine, Humans и др.) и компьютерных игр (серия игр BioShock) было обнаружено, что акт совершения морального выбора есть только человеческое качество. «Человеческое» стало характеристикой, получаемой за этические заслуги. Массовая культура предлагает искать критерий человеческого именно в этическом пространстве.

Vereshchagina Natalia

LIBERTY AS A LAST CRITERION OF A HUMAN: EXTENDED CORPOREITY AND ARTIFICIAL SUBJECTS

The question of what is human being is always center philosophical problem. It's never outdated and never comes to a final answer. The result depends on qualities and abilities which are attributed to human being, so an understanding of "human" is transformed. Traditionally, one finds two qualities: mind and body. Traditionally, one finds two qualities: mind and body.

In the classical philosophical tradition a human associate with a mind, so it came the concept of "bodiless" subject, which became the criterion of a human. Think, therefore, it's a person. Philosophical anthropology of the XIX century rehabilitated human corporeality. L. Feuerbach found a human universality in the body, it led to rethinking of the human essence. Later anthropologists shown that the human body is unique, it is not only socialized (M. Moss), but it is a "basic scheme for all symbolism" (M. Douglas). Thus, special aspects of the construction and function of human corporeality became the second criterion of the human.

Now the traditional criterions of the human is not always effective.

1. Status of thinking as a criterion is called into question from philosophy, and science. First in works of poststructuralists the concept of "bodiless" subject was seriously rethought, it led to the "death of the author" and to the more fundamental idea of subject deconstruction. Not all of a human is sense.

Secondly, the science makes a try create artificial intelligence. It has formed two lines: artificial neural networks and symbolic artificial intelligence. The first is directed to biological reproduction apparatus of brain, it may lead to the creation of autonomous artificial intelligence having a free will, the second — to create systems performing logical intellectual challenges which are typical to man. Thus, not only all a human is sense, but not all rational is a human.

2. The human corporeality as the criterion is not sustainable. First in modern conditions there is an expansion of human corporeality by connecting various devices (gadgets) and there is a transformation of the body through the biological, physiological and genetic modification. Second, the robotic industry produces anthropomorphic machines having almost wholly similarity with humans. Robot of professor Hiroshi Ishiguro is the most accurate copy of the creator, he is able to reproduce the movement, speech, facial expressions and involuntary body movements of professor by remote control system. Thus, man loses human characteristics and mechanisms created by man get it. Therefore the question of new criteria of the human becomes actual. Modern philosophy has no clear answer to this question. But the mass modern culture has formed a generalized solution. In the analysis of a science fiction film works of recent years (Chappie, Ex Machina, Transcendence, The Machine, Humans, and others) and computer games (series of BioShock games), it was found that the act of committing a moral choice is only human quality. "The human" is a characteristic obtained for the ethical merits. Popular culture offers to find criterion of human in ethnic space.

Винкельман Анна Михайловна

Студентка 4 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ЛОЖНЫЕ ДИЛЕММЫ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ:

О РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ»

В ходе своего доклада я буду аргументировать следующий тезис: большинство проблем, связанных с этическим выбором в моральной философии, являются псевдопроблемами. Это можно показать на примере романа У. Стайрона «Выбор Софи». Героиня романа (Софи) при селекции в Освенциме должна сделать выбор: решить, кого из двух двоих детей она спасёт, а кого отправят в газовую камеру. На первый взгляд, речь тут идёт об этическом выборе, однако, никакого этического выбора в подлинном смысле слова тут нет.

Этика Канта, в попытках прояснить эту ситуацию, первая не выдерживает критики. Добрая воля как основание этического выбора попадает в тупик: в царстве свободы нет иерархии ценностных альтернатив, нам

нечем руководствоваться при принятии решения. Рассуждения об этическом выборе можно найти у Шеллинга, который определяет свободу как возможность выбора между добром и злом. Казалось бы, тут перед нами ценностные альтернативы. Однако в ситуации Софи (как и в нашумевшей проблеме вагонеток) речь не идёт о выборе между добром и злом. Не поможет и гегелевская система: реализовать свою свободу и сделать выбор, по Гегелю, в этой ситуации, можно совершив самоубийство, что, конечно, не является удовлетворительным ответом.

Ближе всех к решению проблемы, на наш взгляд, подошёл ранний Витгенштейн. В его этике возможны ценностные альтернативы в том смысле, в каком они невозможны у Канта. Ценность имеющая ценность [ЛФТ; 6.41], по Витгенштейну, является не чем-то находящимся в мире, а трансценденталией. Этика и логика — два условия существования того мира, который нам понятен. Если мы отрицаем ценность (т. е. смысл своего мира), понимание исчезает. В такой ситуации и оказывается Софи. В романе ясно видно, что проблема состоит не в том, что она рефлексирует по поводу неправильного выбора, но по поводу самого выбора.

Отсюда следует, что все попытки найти философское решение проблемы выбора между двумя ценностными альтернативами заведомо безнадежны. В таком случае, мы либо вынуждены вывести эту проблему из компетенции философии и передать в руки другой области знания (например, эволюционная психология объяснит выбор Софи через теорию Дарвина), либо признать бессилие разума и назначить проблеме статус регулятивной, т. е. указывающей на границы того, что мы можем знать в области моральной философии.

Winkelman Anna

THE FALSE DILEMMAS OF MORAL PHILOSOPHY: ON THE WILLIAM STYRON'S NOVEL "SOPHIE'S CHOICE"

In my report I propose the following thesis: most of the problems related to the ethical choices in moral philosophy are false. This thesis might be illustrated with an example of the novel "Sophie's Choice" by William Styron.

The main character of the novel (Sophie) faces a difficult choice being held in Auschwitz: she has to decide which of her two children to save; the other one

will be sent to the gas chamber. At first sight, the question here is about ethical choices; however, there is no ethical choice in an authentic sense.

Kant's ethics, in an attempt to clarify this situation does not withstand criticism. Good will as the basis of ethical choices comes to a dead end: in the realm of freedom there is no hierarchy of value alternatives; consequently, we have nothing to help us in the decision-making process. We can also find reasoning on ethical choices in Schelling's philosophy. He defines freedom as the choice between the good and the evil. It seems that what we have here are alternatives of the values. However, in a Sophie's situation (as in the popular problem of trolleys) we are not talking about the choice between good and evil. Hegel's system also cannot help.

Realization of our freedom in this kind of situation, according to Hegel, is a suicide. So, this answer cannot satisfy us. We believe that the person closest to solving this problem was Ludwig Wittgenstein in his early works. In his ethics, it is possible to talk about value alternatives in the sense in which it is impossible in Kant's ethics. The value which is of value [LFT; 6.41], according to Wittgenstein, cannot be located in the World, but it has a transcendental status. Ethics and logic are two conditions for the existence of the world that I can understand [LFT; 5.62]. If we deny the value (i.e. the meaning of my World), the understanding disappears. Sophie is definitely in such situation. It is clear from the novel that the problem is not about Sophie's reflections on the wrong choice, but about the choice itself.

Hence, all attempts to find a philosophical solution to the problem of choosing between two valuable alternatives are obviously hopeless. In this case, we either have to withdraw this issue from the purview of philosophy and bring it to the other fields of knowledge (e.g., evolutionary psychology explains Sophie's choice, using Darwin's theory), or to recognize the impotence of the Reason and assign the problem a regulatory status, as if it indicates the boundaries of what we can know in the field of moral philosophy.

Грачева Мария Витальевна

Магистр 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

ИГРОВЫЕ МОДЕЛИ В ЭТОСЕ ВОСПИТАНИИ

Человек с самого раннего детства получает через игровые модели определенные поведенческие клише, способствующие его дальнейшей

социализации. Игра сопровождает человека всю его жизнь. Эрик Берн в своей книге «Игры, в которые играют люди» пишет о том, даже во взрослом возрасте человек выстраивает себе различные игровые модели поведения, в которых соблюдаются свои определенные правила, а игроки выполняют каждый свою роль.

Йохан Хейзинга с одной стороны, смотрит на игру с точки зрения ее присущности всем формам живых существ, не только человеку, но и животным. В такой интерпретации игра становится чем-то вроде инстинкта.

Данное предположение также находит подтверждение в исследованиях Филиппа Арьеса, который, изучая открытие мира детства, приводит в своей книге «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» пример с воспитанием Людовика XIII.

Йохан Хейзинга относит игру к явлению, которое определяет культуру человека. Игра — то, что появляется даже до культуры.

Изначально, игра не носила характер исключительно детской забавы. В прошлом игра, конечно, восходит к культуре и ритуалу. То же самое касается и игрушек. Игра служила как бы своего рода постоянным повторением и фиксированием какой-то традиции или явления.

В настоящее время, игра является важным элементом социализации и воспитания. Ведь именно через нее ребенку транслируются взрослые модели поведения.

Игровая модель — определенный набор символов и символических действий, которые отражают какое-то реальное действие. Игровая модель является активным инструментом воспитательного этоса. Так как она, в отличие от ценности, не просто фиксируется в этосе, а постоянно воспроизводится.

Игрушки отражают зачастую уменьшенные копии предметов взрослой жизни — машины, кухни, косметику, дома и т. д. Как правило, это те вещи, которые на данный момент находятся в обиходе, которые популярны в обществе, а, следовательно, которыми должен научиться пользоваться ребенок, чтобы стать полноправным членом общества. Иначе смысл социализации исчезает, ведь ребенок должен получить модели, соответствующие его будущей взрослой жизни.

Тем не менее, в играх также присутствуют вещи, отражающие те модели поведения, которые уже ушли в прошлое — например, игрушечные лошадки. Арьес приводит в пример вертушки, отражающие механизм

ветряных мельниц, с которыми дети до сих пор играю, несмотря на то, что ветряные мельницы ушли в прошлое.

Игра сохраняет в себе на уровне почти инстинктивном и подсознательном традиции культуры и предметы быта. Игра становится не только активным элементом воспитательного этоса, но и культуры в целом.

Gracheva Maria

GAME MODELS IN THE ETHOS OF THE UPBRINGING

Person from early childhood through play model gets a certain behavioral cliches, promoting its further socialization. The game accompanies a person all his life. Eric Berne in his book “Games People Play” writes that even as an adult man builds different gaming behaviors for himself that are respected its specific rules and the players perform each role.

Johan Huizinga one hand, looking at the game from the point of view of its inherence all forms of living beings, not only humans but also animals. In this interpretation, the game becomes a kind of instinct.

This assumption also is confirmed by Philippe Ariès’s research, which studied the opening of the world of childhood, writes in his book “Child and family life under the old order,” the example of the education of Louis XIII.

Johan Huizinga refers the game to the phenomenon that determines a person’s culture. Game is something that appears even before the culture.

Initially, the game wasn’t characterized by extremely child’s play. In the last game, of course, goes back to the cult and ritual. The same applies to toys. The game served as a kind of constant repetition and fixing some tradition or phenomenon.

Currently, the game is an important element of socialization and education. It is through it, adult’s behavior models are broadcast to child.

Game model is defined set of symbols and symbolic actions that reflect some real action. Game model is an active tool for educational ethos. Since it is, in contrast to the values fixed by not just in the ethos and continuously reproduced.

Toys often reflect the reduced copies of objects of adult life — cars, food, cosmetics, home, etc. As a rule, these are the things that are currently in use, which are popular in society and, therefore, must learn to use that child to become a full member of society. Otherwise, the meaning of socialization

disappears, because the child must receive the models corresponding to its future adult life.

However, in games there are also things that reflect those behavior models that have already gone into the past — for example, toy horses. Ariès gives the example of turntables, reflecting the mechanism of windmills with which children still play, despite the fact that windmills are gone.

The game keeps a level almost instinctive and subconscious traditions of culture and household articles. The game is not only an active part of the educational ethos, but also culture in general.

Гуров Олег Николаевич

Аспирант

Российский Государственный Гуманитарный Университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА
И СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ:
ПРОЧТЕНИЕ ГОЛЛИВУДСКИХ КИНОФИЛЬМОВ

В статье рассматриваются различные проявления изменения природы человека, обусловленные научно-техническим прогрессом и глобализации. Кардинальное изменение глубинных основ человека не может не оказывать влияние и на социальную структуру и систему социальных отношений. Распад традиционных представлений о то, кем является человек и каково его место в мире, в последние годы является частой темой голливудских фильмов, что подтверждает актуальность данного явления для современного общества.

Gurov Oleg

TRANSFORMATION OF HUMAN NATURE AND SOCIAL RELATIONSHIP:
READING THROUGH HOLLYWOOD MOVIES

The article examines various manifestations of changes in human nature caused by technological progress and globalization. Fundamental changes of underlying fundamentals of human cannot help but provide an impact on the social structure and system of social relations. The collapse of traditional concepts

of what a human is, and what is his / her place in the world has been a frequent topic of Hollywood films, which confirms the actuality of the phenomenon for the modern society.

Давыдов Олег Борисович

Кандидат философских наук, научный сотрудник
Дальневосточный федеральный университет

СООБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ЭТИКИ ОБЩЕГО БЛАГА

В соответствии с аристотелевской философской установкой, человек является социальным и политическим существом. Онтологический и практический смысл этого утверждения заключается в том, что человек есть существо, которое возникает, реализует свой экзистенциальный, социальный и морально-этический потенциал исключительно во взаимодействии с другими людьми. Таким образом, сообщество является не дополнением к изначально асоциальному человеку, а базовым и нередуцируемым условием его возникновения и существования. В этическом измерении сообщество является воплощением конкретной концепции общего блага, являющегося одновременно и условием каждого индивидуального действия и целью этого действия. Таким образом, онтология человека не как индивидуально- или коллективного, а как коммунитарного существа является одновременно и этикой общего блага. Среди современных философских стратегий наиболее плодотворной с позиции разработки указанных идей является коммунитаризм. Среди его важнейших представителей: А. Макинтайр, Ч. Тейлор, А.Этциони, М.Уолцер, Р.Сэндел. С позиции указанных философов (опуская значимые различия между ними), понимание человека как автономного индивидуума, первичного по отношению к его социальным взаимосвязям и коммунитарной ответственности не может быть признано удовлетворительным в рамках классической модели. Тем не менее, в современной философии, в противоположность античной и средневековой, именно идея автономии стала одной из ключевых как в онтологическом, так и в морально-этическом плане. Не смотря на всю проблематичность соотнесения такого рода метафизики с повседневной социальной практикой, идея моральной автономии глубинным образом была усвоена индивидуальным и массовым сознанием. Попытка преодоления социального и морального

релятивизма на основании постулирования универсальных моральных принципов, которые должны разделяться всеми разумными существами и тем самым регулировать их поведение, остается весьма актуальной и влиятельной в моральной философии. Кантианский проект рационалистического обоснования морали при условии отказа от концепции онтологически фундированного аристотелевского блага и соответствующей ей практико-ориентированной этики добродетелей, является наиболее ярким примером данной философской стратегии. Ключевой проблемой для практической реализации данной стратегии в условиях конкретной социальной реальности является культурно-историческое разнообразие, которое невозможно редуцировать к базовому набору принципов без того, чтобы не нанести ему ущерб. Проблематичный социально-антропологический для данной философской стратегии факт состоит в том, что, кроме того, что индивидум по своей природе является рациональным существом, он также является представителем сообщества, которое обладает определенными, отличающимися от иных сообществ морально-ценностной системой, концепцией общего блага, традициями, обычаями, поощряемыми и осуждаемыми образцами поведения и т. д. В этих условиях возникает вопрос о верификации того, какие из моральных принципов являются универсальными (и, соответственно, более важными), а какие ими не являются и каким образом разрешать неизбежно возникающие между ними конфликты. Очевидно, что невозможно дать удовлетворительный ответ на этот вопрос исходя из сугубо спекулятивных оснований. Итак, коммунитарно обусловленное фактическое существование человека подразумевает его этическую ориентацию в направлении «сильной» концепции общего блага. В свою очередь, реализация данного рода этики есть практика добродетели, которая реализуется исключительно в сообществе, а не в индивидуальном действии или путем подчинения универсальным принципам.

Davydov Oleg

THE COMMUNITY AS A SOCIAL-ONTOLOGICAL PREMISE OF ETHICS OF THE COMMON GOOD

According to famous Aristotle's idea, human is a social and political animal. The ontological and practical meaning of this statement lies in the fact that man realizes his existential, social, moral and ethical capacity only in interactions

with others. Thus, the community is not an addition to the original non-social person, but irreducible condition of human existence. The ethical dimension of community is the embodiment of a specific conception of the common good, which is simultaneously include the condition of each individual action. Such ontology is not individual as well as collective, it is communitarian which presupposes the ethics of the common Good. Communitarianism is most fruitful among philosophical strategies from the perspective of the development of these ideas. Among its most important representatives: A. Mackintayr, C. Taylor, A. Etzioni, M. Waltser, R. Sendel. From the viewpoint of these philosophers (omitting the significant differences between them), the understanding of the person as the autonomous subject, which exists primary to social relationships and communitarian responsibility, can not be considered satisfactory in the classical ontology. However, in Modern philosophy, as opposed to the ancient and medieval, that the idea of autonomy has become one of the key in the ontological, moral and ethical senses. In spite of all the difficulties of correlating this kind of metaphysics with everyday social practice, the idea of moral autonomy was adopted by the individual and the mass consciousness. Attempt of overcome the social and moral relativisms was developed through the postulation of universal moral principles. The most striking example of this philosophical strategy is Kantian project of rationalistic moral justification. First problem for the practical implementation of this strategy is a cultural and historical diversity, which can not be fully reduced to a set of basic principles. Other problem is that the individual is not only rational being, but he is also a representative of the community, which has a specific value system, conception of common Good, traditions, customs etc. In these circumstances, raises the next question: which of the moral principles are universal and which are not, and how to resolve inevitable conflicts between them? Obviously, it is impossible to give a satisfactory answer to this question is based on purely speculative grounds. So, communitarian due to actual human existence assumes its ethical orientation in the direction of “strong” conception of the common Good. In turn, the implementation of this kind of ethics is the practice of virtues realized only in the community rather than in an individual action by or subordination of behavior to the universal rational principles.

Данилова Юлиана Николаевна

Кандидат философских наук, научный сотрудник, методист
Курганский областной краеведческий музей

ЯПОНСКАЯ КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Со второй половины XX в. весь мир говорит о японском экономическом чуде — из отсталой в социальном и экономическом плане страны Япония за двадцать лет превратилась в одну из ведущих индустриальных стран мира. Во многом этому страна обязана действующей корпоративной этике, в которой есть свои достоинства и недостатки.

Danilova Yuliana

THE JAPANESE CORPORATE ETHICS: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Since the second half of the 20th century, the whole world is talking about the Japanese economic miracle — for 20 years Japan turned into one of the leading industrial states of the world from a socially and economically backward country. Largely this country position is due to the Japanese corporate ethics, which has its advantages and disadvantages.

Данько Софья Владимировна

Кандидат философских наук, доцент
Научно-исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»

АНАЛИЗ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕДРАССУДКОВ

В докладе обсуждаются онтологические основания предрассудков. Показывается, что основанием предрассудка является допущение участия «Высших сил» в том, что происходит в мире. Производится критика предрассудка с опорой на исследования Л. Витгенштейна. Показывается, что то единственное, что может полагаться «Высшей силой», не может и не должно проявляться на уровне того, что происходит в мире. Также показывается, что Высшее может проявляться на уровне этического отношения к миру.

Danko Sofya

ANALYSIS OF THE ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF PREJUDICE

In the present message the ontological foundations of prejudice are discussed. It is demonstrated that the foundation of prejudice is based on allowing the “Ultimate power” to participate in the world. The criticism of prejudice is based on L. Wittgenstein’s studies. There the “Ultimate power” has no abilities to occur itself in the “level of the facts”. It is also shown that the Ultimate may manifest itself at the level of an ethical relationship to the world.

Денисенко Владислав Валерьевич

Кандидат юридических наук, доцент

Воронежский государственный университет

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

В современной правовой науке идеи Аристотеля посвященные этике остаются актуальными. В условиях глобализации национального законодательства вопросы этики, морали и справедливости являются предметом дискуссий Конституционного права в России и Международного права в целом. В последней четверти XX века в Европейской политической и философской мысли была весьма популярна идеология мультикультурализма, который «подвергает сомнению такие сакральные для философии понятия, как «всеобщность» и «универсальность», утверждая, что культурные различия имеют статус онтологических, то есть «последних» различий и не могут быть преодолены без уничтожения носителя этих различий — конкретного народа или социальной группы». В отечественном правоведении так же популярны идеи мультикультурности, антропологического и социокультурного подхода, в частности И. Л. Честнов пишет: «рационально обосновать такие морально окрашенные категории, как формальное равенство, свобода (мера свободы), справедливость, народовластие и т. д., понимаемые даже формально юридически невозможно. Справедливым в этой связи представляется утверждение А. Макинтайра, по мнению которого «для окончательного разрешения рационального спора потребовалось бы обращение к такой норме или совокупности норм, чьего авторитета ни одна мыслящая личность не могла бы признать». Ссылка

на А. Макинтайра сторонников антропологического подхода к праву не случайна ибо главный его тезис этого философа-коммунитариста состоит в следующем: «Невозможно обосновать мораль вне исторического и культурного контекста». Иными словами философия коммунитаризма обосновывает признание большего значения локальных ценностей над ценностями универсальными. Как указывает С. Г. Чукин, — коммунитаристы идеям Просвещения и универсальной этике либерализма противопоставляют внимание к традиции добродетелей и партикулярную этику локальных социальных групп; вместо безликих принципов и ни к чему не обязывающих обязанностей они предлагают личную добродетель, а вместо свободы выбирать ту или иную форму справедливости — групповые проекты счастливой жизни; вместо большого гетерогенного общества — гомогенное и свободное от господства сообщество. В основе своих взглядов коммунитаристы используют взгляды Аристотеля о солидарности как самой главной добродетели среди других. Но насколько перспективна такая философско-методологическая основа для правовой политике во внутригосударственных и международных отношениях? Можно выдвинуть ряд вопросов, но, прежде всего — стоим ли мы на позициях Аристотеля либо поддерживаем иной взгляд на общество? У Аристотеля существовала категория фронезис (благоразумие, рассудительность), который заключался в познании, основанном на человеческом опыте, конкретной ситуации. Фронезис Аристотель отличал от теоретического познания (эпистемэ), Фронезис формируется у индивида при участии в совместной форме жизни сообщества. Но в таком случае коммунитаристы, использующие позиции Аристотеля должны как он отстаивать один, привилегированный образ жизни, как и греки которые отказывали в понимании блага варварам. В современном толерантном обществе, где есть разные понимания благ, теория фронезиса Аристотеля, вряд ли перспективна, ибо солидарность в трактовке коммунитаристов достижима только «...в локальных культурах, базирующихся на общей истории, языке, жизненных практиках. ...Апология «перспективы родного болота», к которой, по сути, сводится мораль коммунитаризма, делают его бесполезным при обосновании этики большого общества». Неизбежным выводом из работ А. Макинтайра, М. Сэндела и М. Тейлора становится вывод о кризисе универсальных норм и призыв к традициям и обычному праву Поэтому можно сделать вывод о универсальности правовых ценностей применительно к современному праву.

THE ETHICS OF ARISTOTLE AND THE LEGITIMACY OF MODERN LAW

In modern legal science ideas of Aristotle's ethics is devoted to remain relevant. In the context of globalization of national legislation, the ethics, morality and justice are a matter of debate constitutional law in Russia and International law in General .In the last quarter of the twentieth century European political and philosophical thought were quite popular ideology of multiculturalism, which "casts doubt on such a sacred philosophy of the concept as "universality" and "uni-versalist", arguing that cultural differences have an ontological status, that is, the "last" of the differences can not be overcome without destroying the carrier of these differences — a particular nation or social group". In the domestic jurisprudence as popular ideas of multiculturalism, anthropological and socio-cultural approach, in particular I. L. Chestnov writes: "to rationalize such morally colored categories like formal equality, freedom (freedom), justice, democracy, etc., understand even technically legally impossible. Fair in this regard, the adoption of A. MacIntyre, in whose opinion "for the ultimate resolution of rational dispute would require an appeal to such a norm or set of norms whose authority no thinking person would recognize." Link to A. MacIntyre, the supporters of the anthropological approach to law is not accidental because the main thesis of this philosopher-communitarist is as follows: "it is impossible to justify a morality outside of the historical and cultural context." In other words, the philosophy of communitarianism justifies the recognition of most values to local values over universal values. As pointed out by S. G. Chukin, — communitarians the ideas of the Enlightenment and the universal ethics of liberalism contrasted with attention to the tradition of the virtues and the particularistic ethics of the local social groups; instead of an impersonal principles, and not binding obligations, they offer a personal virtue, and instead of freedom to choose one or the other form of equity — group projects happy life; instead of a large heterogeneous society homogeneous and free from the domination of the community. The basis of their views communitarians use the views of Aristotle of solidarity as the most fundamental virtue among others. But how promising is this philosophical and methodological basis for legal policy in the domestic and international relations? You can nominate a number of questions, but first of all — if we stand on the positions of Aristotle, or supported a different view of society? For Aristotle, there was a category *phronesis* (prudence, discretion),

which consisted in knowledge, based on human experience, specific situation. Phronesis Aristotle distinguishes from theoretical knowledge (episteme), Phronesis is formed by the individual while participating in a joint form of life of the community. But in this case, the communitarians who use the position of Aristotle as he needs to defend the single, privileged way of life, like the Greeks which were denied good understanding barbarians. In a modern tolerant society, where there is different understanding of wealth, theory of phronesis of Aristotle, is hardly promising, for solidarity in the interpretation of communitarists achievable only “...in local cultures based on common history, language, and living practices. ...Apologia “perspectives of native swamp”, which essentially boils down the morality of communitarianism, making it useless in the justification of the ethics of the great society.” The inevitable conclusion from the work of A. MacIntyre, M. Sandell and M. Taylor becomes the conclusion about the crisis of universal norms and appeal to traditions and customary law Therefore, we can conclude that the universality of legal values in relation to modern law.

Держивицкий Евгений Викторович

Кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛИТИКА, ЭТИКА И АКТУАЛЬНОСТЬ АРИСТОТЕЛЯ*

Проблеме понимания политики и морали в практической части философии Аристотеля посвящено огромное количество исследований и публикаций. Однако, несмотря на это, современные исследователи продолжают к ней возвращаться. К числу относительно недавних можно отнести работу «Три корня политики», опубликованную в 1978 г. Дольфом Штернбергером (Dolf Sternberger), который выделяет в качестве одного из них антропологический, восходящий к учению Аристотеля. Другой немецкий философ, Бернхард Сутор (Bernhard Sutor), в своей «Малой политической этике» понимает это как то, что политика, как высшее измерение деятельности людей, неизбежно ставит перед ними общие цели или — в терминологии Аристотеля — преследует общее благо. При этом, замечает Сутор, «греческая философия различает три типа или формы, в которых люди относятся к миру: теория, практика и поэзия». Несмотря на то, что этика и политика относились к практике, они становились объектом теоретических

исследований и даже понимались как «поэзия» — то есть техника, ремесло. Последнее справедливо в отношении современной политики, что, в отличие от единичного греческого термина «πολιτική», понимаемого как государственная деятельность во всей своей совокупности (и что идентично русскоязычному его пониманию), не исчерпывает всю его глубину. Поэтому Сутор считает, что сферу как политики, так и политической этики охватывают следующие: проблемы оправдания целей и программ (policy); проблемы оправдания средств, представленных институтами, правилами и законами политического порядка (polity); проблемы политического действия политиков и граждан в их взаимодействии (politics). Очевидно, что то, что Аристотель понимал под практической философией, можно отнести только к politics — той части политики, в которой политики и граждане в пределах одного политического союза, государства, взаимодействуют в виду достижения общезначимых целей. Их осознание, выраженное в абстрактной форме «общего блага», со времен Аристотеля не претерпело существенной модификации, и в той или иной форме по-прежнему выражается в универсальных, базовых стремлениях людей, независимо от того, в какой мере они вовлечены в политику. При этом «общее благо» выступает, скорее, в качестве цели, достижение которой зависит от такого количества условий, полное выполнение которых попросту невозможно. Но последнее обстоятельство не должно его дискредитировать, ибо таково свойство всех конечных целей. Вместе с тем, благо находится в поле зрения как политики, так и этики, и не может достигаться только средствами какой-то одной из этих практик. Понимание этого все чаще встречается в современных исследованиях, в том числе неолиберального характера. И, как это ни покажется парадоксальным, но индивидуальные права и свободы не противостоят в них больше коллективному или общенациональному интересу. Как замечал Сутор, «гражданин должен быть большим, чем представителем частных интересов; гражданские инициативы и гражданские общества заслуживают свои имена только тогда, когда восприятие интересов связано со смыслом порядка всеобщего блага». Это практически идентично соответствующим рассуждениям Аристотеля, а также другим представителям западноевропейской философии, которые стремились рассуждать в рамках антропологического «корня», т. е. ставя в центр политики и этики человека. Очевидно, что в условиях

глобализации, одним из принципов которой является гуманизация отношений во всех сферах жизни социума и мирового общества, «общее благо» нуждается в своем переосмыслении и развитии.

* Грант РГНФ №16-03-00388а.

Derzhivitckiy Evgeniy

THE POLITICS, ETHICS AND URGENCY OF ARISTOTLE*

There are a lot of essays and research works dedicated to the issue of understanding of politics and morality in the practical part of Aristotle's philosophy. Nevertheless, modern scientists keep working on this topic. The main idea of one of the recent works, called "Drei Wurzeln der Politik" by Dolf Sternberger, written in 1978, is to show the importance of anthropological theory, connecting to Aristotle's statements. What is more, Aristotle's term "the common good" is represented in another German philosopher Bernhard Sutor's work "Kleine Politische Ethik". According to B. Sutor, politics as the essential intuition sets common goals for people. B. Sutor distinguishes "polity", "policy" and "politics", and highlights its crucial characteristics. It is obvious that Aristotle's «πολιτική» can be related only to "politics" — the part of political existence, where politicians and citizens cooperate with each other to achieve their common goals within the political alliance, the state. Their awareness, expressed as an abstract form of "the common good", has not changed since Aristotle's times. Regardless of the degree of people's involvement in politics, it is still reflected in universal, fundamental ambitions. Herewith "the common good" serves as the goal which is impossible to achieve because of the huge amount of conditions people cannot deal with. Along with that, both ethics and politics scrutinize good as its object, so it cannot be attained by only one of these practices. Understanding of it has become widespread nowadays, even in neoliberal essays. Although it seems paradoxical, individual rights and freedom do not oppose to collective and nationwide interest anymore. It is almost similar to appropriate Aristotle's and other West-european philosophers' propositions in terms of anthropological base, under which the man is supposed to be the centre of politics and ethics. Undoubtedly, it is necessary to reconsider the notion of "the common good",

especially in the context of globalization, which main principle is humanization of relations, during all spheres of society and global community.

* Grant of Russian Foundation for Humanities №16-03-00388a.

Добродеева Ирина Юрьевна

Кандидат философских наук, профессор, заведующая
кафедрой философии и религиоведения
Шуйский филиал Ивановского государственного университета

АРИСТОТЕЛЬ В КУЛЬТУРНОМ АРЕАЛЕ ХРИСТИАНСТВА

Для христианства первых веков актуальнейшей проблемой была проблема отношения становящейся религии Христа к античной философии. Нарождающееся богословие никак не могло не заметить античный философский дискурс, составляющий основу культуры и образования того времени. Культурная элита начала первого тысячелетия была воспитана диалектическим духом сократовско — платоновско — аристотелевского мышления. Античная мировоззренческая глубина, творческие импульсы безграничности философской культуры были органичны мировому интеллектуальному пространству.

Мужи Апостольские и первые Учителя Церкви должны были определить отношение веры в Христа к вершине языческой мудрости. Татиан — христианский писатель второго века, говоривший о себе как о весьма славящимся «в языческой мудрости», убедившись в истинности христианства, укрепил заявленную апостолом Павлом критическую позицию по отношению к «афинскому плетению» и яростно сражался с интеллектуальными и моральными ценностями греческой культуры, доказывая превосходство христианства перед язычеством по веро — и нравоучению. Истина единого Бога, воплотившегося в земной истории, допускала для первых защитников христианства резкие полемические высказывания, поскольку апологетический период христианства актуальным считал не богословский дискурс, а нравственное, во многом страстное противопоставление и возвышение «новой» добродели христиан над обычаями, принятыми в «языческой культуре». В связи с чем аристотелевская этика естественно

подвергалась критическому анализу с позиций сакральной нравственности как лестнице добра, ведущей к достижению божественного созерцания — вечной благой цели человеческой жизни.

Климент Александрийский — богослов — апологет второй половины II века. Это первый период становления богословской науки. По происхождению являясь представителем высших слоев знати, он был воспитан блестящей эллинской культурой: Платоном, Аристотелем, Зеноном; был посвящен в тайны греческих мистерий. Интеллектуальные, духовные возможности образования и воспитания Климента Александрийского привели его к поиску истины в христианстве. Но стремление к знаниям другого порядка, чем предлагаемые духовным реализмом Аристотеля, не уничтожило на пути к истине Климента Александрийского памяти о роли Аристотеля в достижении высших знаний. Климентом Александрийским были заложены иные принципы отношения к эллинской мудрости. Климент Александрийский говорит о греческой философии как о важнейшем моменте в христианской науке: «мудрость века сего» не может быть отвергаема, она и в эпоху христианства необходима для защиты и понимания христианского учения.

Dobrodeeva Irina

ARISTOTLE IN CULTURAL AREA OF CHRISTIANITY

For Christianity of the first centuries the urgent problem was a problem of the relationship between the appearing religion of Christ and the ancient philosophy. The emerging theology could not possibly fail to notice the antique philosophical discourse, which presented the basis of culture and education of that time. The cultural elite of the first millennium was raised by the dialectical spirit of Socratic-Platonic-Aristotelian thinking. The antique ideological depth, creative impulses of the infinity of philosophical culture were not accessible for the world intellectual space.

Долоцкая Наталия Алексеевна

Магистр 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ НАСИЛИЯ

Анализ коммуникативной функции насилия построен на функциональном разделении актов речевого общения (коммуникации), введенном Романом Якобсоном. Возможность разделения функций внутри самой языковой коммуникации (речевого поведения) исходит из тезиса о целенаправленности данного акта. На основании компонентов коммуникации выделяются следующие функции: референтивная (контекст), эмотивная (адресант), конативная (адресат), фатическая (контакт), метаязыковая (код), поэтическая (сообщение). Легитимность применения такого подхода как транспонирование функций языковой коммуникации в поле насилия объясняется всеобъемлющим характером коммуникации, междисциплинарностью данного концепта, а также наличием общих компонентов. Наиболее распространенной представляется трактовка насилия в качестве средства для достижения (удержания) цели (власти), то есть рассмотрение данного феномена в его конативной функции. Однако целе-средственный (телеологический) уровень не способствует системному (многоаспектному и многостороннему) анализу исследуемого феномена. В связи с этим предлагается рассмотрение насилия в его метаязыковой функции, (в основании которой лежит код, благодаря которому становится возможным прояснение тех или иных значений), что не представляется возможным без введения термина «символическое насилие». К концепту символического насилия, понимаемому как властные отношения, где навязанное значение (означаемое) считается легитимным с точки зрения не только адресанта, но и адресата, и не классифицируется самим адресатом как насильственное, обращались многие теоретики постмодерна. П. Бурдье, Ж. Рансьер, С. Жижек, М. Фуко, Ж. Деррида рассматривают символическое насилие в различных проявлениях, где агрегирующим является наличие «насильственной» знаковой системы (культура, язык, дискурс). В символическом насилии «жертва» не осознает своего собственного положения и посредством этого принимает его. Избавление же от какой-либо символической системы (вне рассмотрения вопроса существования такой

возможности), осуществляющей подобное насилие, приведет не только требуемому результату, но и к утрате кода, правил игры, в которых нуждается любая ситуация коммуникации. Потеря кодифицирующего канала негативно сказывается не только на возможности коммуникации, но и ставит под угрозу существование этического поля, которое возникает только при существовании символического порядка (непрерывным условием которого является насильственная составляющая). Одним из примеров связи символического и этического может служить насилие языка (где язык предстает как упрощающий само означаемое). Следует учитывать, что язык также создает Другого в его дружности, являясь одним из оснований символического поля. Таким образом, метаязыковая функция насилия, под которой понимается существование определенного канала связи (также как и его проверка), имеет прямым следствием некую дискурсивную однопорядковость, выражающуюся в кодификации всех сообщений.

Dolotskaya Nataliya

METALINGUISTIC ASPECT OF COMMUNICATIVE FUNCTION OF VIOLENCE

Analysis of the communicative function of violence is built on functional separation of acts of verbal communication, introduced by Roman Jakobson. Possibility of function separation within the language communication (verbal behavior) based on the thesis of the purposefulness of the act. The following functions are allocated on the basis of communication components: cognitive (context), emotive (sender), conative (addressee), phatic (contact), metalinguistic (code), poetic (message). The legitimacy of such an approach as a transposing language communication functions in the field of violence is due to the comprehensive nature of the communication, the concept of interdisciplinary, as well as the presence of shared components. The interpretation of violence as means of attainment (retention) of the power, that is consideration of this phenomenon in its conative function, is represented to the most widespread. However, purposeful (teleological) level is not conducive to the system (multilateral and multidimensional) analysis of the investigated phenomenon. In this regard, it is proposed that consideration of violence in its metalinguistic function (which lies at the base of the code that may clarify certain meanings), which is not

possible without the introduction of the term “symbolic violence”. The concept of symbolic violence understood as power relations, where an imposed meaning considered legitimate from the point of view both: the sender and the addressee, and is not classified as violent by the addressee. Pierre Bourdieu, Jacques Rancière, Slavoj Žižek, Michel Foucault, Jacques Derrida examine the symbolic violence in different forms, where aggregational is the presence of “violent” sign system (culture, language, discourse). In symbolic violence the “victim” is not aware of its own position and thereby taking it. Getting rid of any symbolic system, carrying out such violence, will lead not only to the required result, but also to loss of a code, rules of the game which any situation of communication needs. Loss of the codifying channel negatively affects not only a possibility of communication, but also threatens existence of the ethical field which arises only at existence of a symbolical order (which indispensable condition the violent component is). To one of examples of relations between symbolical and ethical field can serve violence of language (where language appears as simplifying the signified itself). It is necessary to consider that that the language also creates the Other in his otherness, being one of the bases of the symbolic field. Thus, the metalinguistic function of violence, which is understood as the existence of a specific communication channel (as well as its verification), is a direct consequence of a certain discourse of the same order, which is expressed in the codification of all messages.

Дорохина Римма Викторовна

Кандидат философских наук, доцент

Воронежский государственный технический университет

ЗЛО КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

В докладе разбирается тема зла, его привлекательность как источник свободы. Зло и добро рассматриваются в контексте человеческих поступков, как проявление чьей-то воли направленной на передел мира под себя и свои потребности. В настоящее время существует проблема эстетизации зла, что также делает его особо привлекательным. Проанализированы поступки злодеев и героев, их личностные черты. Поставлен вопрос, почему именно зло служит источником вдохновения. Рассуждая над которым,

автор приходит к выводу, что именно из проявлений зла герои и злодеи черпают вдохновение, одни с ним борясь, другие творя его.

Dorokhina Rimma

EVIL AS A SOURCE OF INSPIRATION

The report examines the theme of evil, its attractiveness as a source of freedom. Good and evil are discussed in the context of human acts as an expression of someone's will, aimed at the world redivision for themselves and their needs. At the present time there is a problem of evil aesthetization, which also makes it especially attractive. The actions of villains and heroes, their personality traits have been analysed. The question why evil is a source of inspiration is raised. Considering the topic the author concludes that heroes and villains are inspired by an evil: some are fighting with it, the other ones create it.

Еременко Татьяна Вадимовна

Доктор педагогических наук, профессор

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

«НАИВНЫЙ ПЛАГИАТ» СТУДЕНТОВ КАК ПРОБЛЕМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВУЗОВСКОГО СООБЩЕСТВА

О серьезности проблемы плагиата в студенческих работах свидетельствуют данные опросов, мнения экспертов, растущий поток научных публикаций по теме. Явление «студенческого плагиата» характерно как для российского, так и для западного вузовского сообщества. В российских вузах масштабы этого бедствия намного больше, что негативно сказывается на качестве высшего образования. Однозначно квалифицируя плагиат как нарушение норм академической этики, необходимо при нравственной оценке конкретных случаев учитывать особенности субъекта, в чьих работах был допущен плагиат. И здесь мы сталкиваемся с явлением студенческого «наивного плагиата». Следует согласиться с О. Р. Демидовой в том, что границы феномена плагиата очерчиваются осознанностью

и намеренностью. «Наивный плагиат» — это слабое осознание студентами норм академической этики при использовании информации и, как следствие, низкая степень намеренности при нарушении данных норм в студенческой учебной и научной работе. Почему явление «наивного плагиата» характерно для российских студентов? Во-первых, нормы академической этики в российских вузах размыты и девальвированы. Е. Д. Шмелева со ссылкой на результаты зарубежных исследователей указывает, что недобросовестное поведение студентов в значительной степени детерминируется не их персональными особенностями, а образовательной средой, в которой они развиваются. Каким образом студенты российских вузов могут усваивать и применять этические нормы вузовского сообщества, если само сообщество систему таких норм еще не выработало и регулируется в большей степени сложившимися традициями? Среди таких традиций, к примеру, толерантное отношение многих преподавателей к плагиату и взаимопомощь студентов в академическом обмане (подсказки, списывание, шпаргалки и т. п.). Ключевая особенность этической ситуации — это наличие нравственного выбора, т. е. выбора, соотнесенного с известными морально-этическими нормами и личными представлениями человека о том, что нравственно и что безнравственно. Явно, что российские студенты не поставлены в условия, полностью удовлетворяющие понятию такого выбора. Апробированная многолетней практикой западного высшего образования кодификация норм академической этики в российской высшей школе только начинается. Во-вторых, «наивный плагиат» обуславливается свойственным целому ряду студентов «социальным инфантилизмом», проявляющемся в разрыве между биологическим и социокультурным взрослением. Для него, как пишет Г. З. Ефимова, свойственны незрелость, неподготовленности личности к совершению осознанных социальных действий; отсутствие самостоятельности в принятии каких-либо решений и совершении действий; неспособность взять на себя ответственность. Опираясь на типологию уровней морального сознания американского психолога Л. Кольберга, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что значительная часть российских студентов находится либо на элементарном (доморальном) уровне, присущем детям и инфантильным личностям, либо на уровне конвенциональной морали, основанном на внешней моральной регуляции. На данных уровнях поведение индивида регулируется не внутренней системой принципов, а страхом, боязнью наказания, стыдом

перед осуждением со стороны окружающих. Необходимо подчеркнуть, что отсутствие кодексов академической этики для студентов российских вузов еще более осложняет ситуацию, т. к. лишает студентов, находящихся на уровне конвенциональной морали, правильных внешних ориентиров. Феномен «наивного плагиата» российского студенчества, несомненно, актуальный предмет для научного анализа. В то же время это явление, которое требует принятия стратегических управленческих решений в масштабе всей системы отечественного высшего образования для того, чтобы обеспечить качество подготовки студентов.

Yeryomenko Tatyana

“NAIVE PLAGIARISM” OF STUDENTS AS A PROBLEM OF ACADEMIC ETHICS OF MODERN RUSSIAN UNIVERSITY COMMUNITY

The problem of plagiarism in student papers is evident through survey data, experts' opinions, an array of research publications on the topic. The phenomenon of “student plagiarism” is typical both for Russia as well as for the Western university community. However, in Russian universities the scale of this disaster is much greater, which negatively affects the quality of higher education. This article deals with the phenomenon of students' “naive plagiarism”. “Naive plagiarism” is a weak awareness of the standards of academic ethics when using information and, consequently, a low degree of intentionality in violation of these rules in student papers. Why is the phenomenon of “naive plagiarism” is typical for Russian students? First, the norms of academic ethics in Russian universities are blurred and devalued. According to the results of some studies the unscrupulous behavior of students is largely determined not by their personal characteristics but by educational environment in which they have been developing. How Russian students can assimilate and apply ethical standards of university community if such rules have not yet developed? Practice of codification of academic ethical standards that has existed in Western higher education for many years is just starting to be implemented at Russian universities. Second, the “naive plagiarism” is determined by students' social infantilism which is the gap between biological and socio-cultural maturation. It is characterized by immaturity, lack of training of the person to commit a conscious social action; lack of independence in making any decisions and actions of the commission;

the inability to take responsibility. Based on the stages of moral development by Lawrence Kohlberg, we can assume with a high degree of certainty that a considerable part of Russian students are either at the elementary stage inherent in children and infantile personalities, or at the stage of conventional morality based on the external moral regulation. It must be emphasized that the lack of academic codes of ethics for students at Russian universities creates an even more difficult situation because the students who are at the level of conventional morality do not even have the correct external benchmarks. Thus, the phenomenon of “naive plagiarism” of Russian students is an interesting topic for scientific analysis. At the same time it is clear that strategic management decisions should be made to deal with this phenomenon in order to provide the quality of national higher education.

*Ерофеев Николай Павлович, Захарова Лидия Борисовна,
Ковалева Татьяна Викторовна, Парижская Елена Николаевна*
Санкт-Петербургский государственный университет

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СТРАТЕГИИ В РАЗРАБОТКЕ БИОМЕДИЦИНСКИХ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В РАМКАХ ТРАНСЛЯЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ

Трансляционная медицина — это междисциплинарная область знаний, определяющая оптимальные механизмы внедрения в клиническую практику наиболее значимых достижений фундаментальной науки, для быстрого разрешения актуальных проблем, возникающих в клинической и профилактической медицине [1]. Термин трансляционная медицина введен в 1986 году. Трансляционная медицина, создана для обеспечения высокой эффективности клинической деятельности врачей на основе достижений физиологии и других теоретических дисциплин [2]. Основателем этого направления в России можно считать С. П. Боткина (1832–1889). С именем С. П. Боткина началось формирование физиологического направления в медицине — союза клинической медицины и фундаментальных наук [3]. При клинике он организовал экспериментальную (физиологическую) лабораторию, руководителем которой был назначен И. П. Павлов. Таким образом, впервые в России клиника и лаборатории составили единое целое:

врач-клиницист ставит вопросы, лаборатория в меру своих возможностей их решает, или наоборот, лабораторные исследования обогащают клиническую мысль. Система трансляционной медицины должна выстраиваться на базе фундаментальных знаний в области физиологии с учетом мощного влияния генетики, молекулярной биологии, биохимии, биофизики на практическую медицину. Трансляционная медицина способствует переносу открытий, сделанных в результате фундаментальных исследований в биомедицине, в медицинскую практику. В основе развития трансляционной медицины лежат принципы персонифицированной медицины: профилактика патологического состояния, диагностика и лечение в случае его возникновения с помощью самых передовых технологий [4]. За основу был взят принцип М. Я. Мудрова «лечить больного, а не болезнь». Началом становления персонифицированной медицины считается 1998 год, когда термин «personalized medicine» впервые появился в названии монографии американского исследователя Кевала Джейна. В настоящее время система здравоохранения и общие подходы в медицине рассматривают человека как некий обезличенный среднестатистический образ, вместо реального страдающего человека. Поскольку трансляционная медицина нацелена на персонализацию, существующая модель организации медицинской помощи не соответствует тенденциям ее развития. Поэтому необходимо разрабатывать новые подходы в области организации медицинской науки, медицинского образования и практической медицины, модели взаимоотношений врача и пациента, этические принципы и т. д. Начинать движение в таком направлении необходимо с подготовки специалистов, сочетающих в себе профессиональную компетенцию «врача-клинициста» и «врача — исследователя» в отличие от классической модели медицинского образования, которая концентрировала ресурсы на обучении без признания существенной роли интегрированного междисциплинарного подхода [5].

Литература:

1. Центр стратегических разработок «Трансляционная медицина: понятие и тенденции развития».
2. Введение в молекулярную медицину / под ред. М. А. Пальцева. М.: Медицина, 2004. 496с.
3. Абаев Ю. К. С. П. Боткин и становление научной клинической медицины в России // Здравоохранение. 2012. № 9. С. 69–76.

4. <http://www.sciencemag.org/site/marketing/stm/definition.xhtml>
5. Aronson J. K., Cohen A., Lewis L. D. Clinical pharmacology — providing tools and expertise for translational medicine. *Brit. J. Clin. Pharmacol.* 2008; 65 (2): 154–157.

Ершов Глеб Олегович

Магистр 2 курса

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ЭТИКА АРТ-РЫНКА И ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВА В ЭКОНОМИКЕ

Говоря об арт-рынке, в первую очередь, имеют в виду именно его бизнес составляющую. Если взглянуть на процесс купли-продажи произведений искусства — это, на первый взгляд, выглядит весьма просто: посоветоваться со специалистом, приобрести произведение искусства и затем произвести максимально выгодную сделку по его продаже. Произведение искусства здесь выступает просто как некая инвестиция, товар. Однако, как показывает практика, товар этот не совсем обычен, он имеет художественную ценность, а это значит, что его продажа и приобретение лежат не только в сфере экономической — на этот процесс также влияют эстетическая и этическая составляющая. Так, показательным примером может служить появление на арт-рынке фальсификата. Если в рамках рынка, не связанного с искусством, появление подделки сразу влечет за собой судебные разбирательства, скандалы и разоблачения, то на арт-рынке дело обстоит иначе. В качестве наиболее показательных можно привести два всем известных примера. Первый связан с именем фальсификатора Герта Ян Янсена. В 1994 году он был арестован при попытке продать подделку. Полиция попросила всех, кто имел с ним дело выступить в качестве свидетелей, однако ни один арт-диллер, коллекционер и ни одна галерея не желали огласки того, что возможно они приобрели подделку. Подобный этому эпизод связан с арестом Вольфганга Бельтракки в 2006 году. Сторонней обвинения были заявлены 160 свидетелей, но никто из них так и не дал показаний. Как отмечалось в фильме о самом фальсификаторе «Бельтракки: искусство подделки» — арт-рынку не выгодно обнаружение подделок. Такие ситуации являются яркой иллюстрацией того, что этика играет в арт-бизнесе важную роль. Должен ли владелец произведения искусства,

узнавший, что он купил подделку, сообщить об этом для восстановления справедливости, для наказания фальсификатора, для сохранения доброго имени художника и для того, чтобы больше никто не попался на эту уловку. Этично ли будет перепродать произведение искусства, если владелец только догадывается о его не подлинности. В статье «Фальшивки массового поражения» предлагается довольно разумный выход из этой ситуации: «Место подделки — в чулане. В каком-то смысле это плата за науку». Но разве с точки зрения экономики это не неверный шаг — когда вы приобрели товар, он оказался ненадлежащего качества, а вы не можете ни наказать виновных в этом, ни вернуть деньги. В статье Т. В. Шоломовой «Основные проблемы этики арт-бизнеса» автором выделены пять причин, «по которым арт-рынок странным образом игнорирует общее положение дел в экономике». Одной из основных причин выделяется «Фактор престижа». В связи с этим становится понятно, чем именно рискует обладатель подделки. В арт-бизнесе очень важное значение имеет «имя» коллекционера или арт-диллера. Признание в покупке фальсификата подорвет репутацию продавца не только для ведения будущего бизнеса, но и поставит под сомнение все его прошлые сделки. Таким образом для арт-рынка подходят не все приемы и законы экономики, действующие в сфере, не связанной с искусством. Также не подойдут и моральные нормы, там действующие. Для каждого участника арт-рынка, будь то коллекционер, арт-диллер, куратор и, возможно, даже художник, необходимо выработать свой этический кодекс, который отвечал бы требованиям именно арт-рынка в условиях современной экономики.

Ershov Gleb

ETHICS OF ART MARKET AND SPECIAL ASPECTS OF ART IN THE ECONOMY

When we speak about art market, first of all, we mean business component. At first sight the buy and sell process of art works looks very simple: to consult with a specialist, to buy a art work and then to make the most remunerative sale business of it. A art work acts as investment, commodity. However, this product is not very common, it has artistic value, which means that its sale and purchase are situated not only in the economic sphere, this process is also influenced

by aesthetic and ethical component. The appearance of art fake on the art market of is an example. On the market, which is unrelated to art, the appearance of art fake causes lawsuits, scandals and revelations, but it is not the case on the art market. Two examples are the most revealing. The first is connected with the name of the forger Geert Jan Jansen. In 1994, he was arrested when tried to sell a art fake. Police asked anyone who had dealings with him to act as witnesses, but art dealer, collector and gallery shunned publicity because they could buy an art fake. The second episode is connected with the arrest of Wolfgang Beltracchi in 2006. The prosecution had claimed 160 witnesses, but none of them did not give evidence. In the film about the forger “Beltracchi: art of fake” it’s noted that fakes are not profitable to the detection of counterfeits. Such situations are a vivid illustration of the fact that ethics plays an important role in the art business. Should the owner of a work of art, who have known that he bought a fake, report it to restore justice, to punish the counterfeiter, to save the good name of the artist and to no one else caught this trick? Is it ethical to resell a work of art, if the owner can only guess about its inauthenticity? In the article “Fake of mass destruction” there is provided a reasonable way out of this situation: “Place of fake — in the closet. In a sense, it is a payment for the lesson”. C point of view of the economy is not a wrong move — when you got the goods, he was poor quality, and you cannot either punish those responsible for this, nor to return the money. In the T. V. Sholomovov article “The main problems of the art business ethics” the author identified five reasons, “in which the art market ignores the overall situation in the economy”. The prestige factor is one of the main reasons. In this regard, it becomes clear what exactly holder counterfeiting risks. The “name” of collector or art dealer is very important in the art business. Recognition of buying counterfeit undermine the reputation of the seller is not only for the conduct of future business, but also call into question all his previous deal. The art fake undermines the reputation of the seller it is not only for the conduct of future business, but also call into question all his previous deal. Thus for the art market are not suitable all the tricks and laws of economy, which function in the field is not related to art. For each member of the art market, whether it is a collector, art dealer, curator, and perhaps even the artist, it is necessary to develop a code of ethics, which would meet the requirements of the art market in today’s economy.

Жадунова Наталья Владимировна

Кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева»

Коваль Екатерина Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности
и исполнительного производства

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г.Саранск

ВОЗМОЖНО ЛИ СЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПАМ *JUS IN BELLO* В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ? *

Масштабная информационная война является атрибутом современности, и потому трансформации применения известных с древности принципов ведения войны *jus in bello* представляют проблемное поле исследования. В информационной войне доминирование одной из сторон в медиапространстве практически обеспечивает победу. Побеждает не сила и оружие, а способы ведения войны: хорошая информационная стратегия, финансирование медийной сферы, идеологически выверенный, вовремя поданный нарратив, воздействующий на сознание всего населения, не только комбатантов. Таким образом, принципы *jus in bello* — избирательности и соразмерности, согласно которым гражданское население должно обладать правом неприкосновенности, а по отношению к противнику допустимо лишь пропорциональное использование насилия, приобретают иное содержательное наполнение, поскольку каждый человек, воспринимающий, осмысливающий и транслирующий информацию становится участником военных действий, даже если он стремится к миру. В целом устремленность к миру в информационной войне становится причиной ее продолжения: желание выразить несогласие, протест, неприятие информационного послания (демонстрация публичной казни террористами заложников, провокационный пост в социальных сетях) провоцирует человека, излагать свою позицию, позволяя категоричные оценочные суждения, искать сторонников, увеличивая тем самым «зону поражения». Следование принципу соразмерности в ситуации информационной войны, на первый взгляд, является абсолютным, так как никакого физического уничтожения не происходит, но стремление осуществить информационную

экспансию таким образом, чтобы у оппонентов не было возможности контраргументации, делает его бессмысленным. Принцип избирательности предполагает четкое различие объектов информационного воздействия, что в современных условиях затруднительно, точечность воздействия на целевую аудиторию не гарантирует, что информация будет направлена только на нее и не повлечет за собой непредсказуемых последствий для некомбатантов. Рассуждения в духе Аристотеля, что жертвы войны от природы предназначены к подчинению (манипулированию), а потому информационную войну можно считать справедливой (манипулированию, информационному уничтожению подвержены те, кто не способен сопротивляться, опираться на разум, критическое восприятие и оценку информации), представляются бесосновательными, хотя активно используются идеологами информационной войны. Инструменты информационного воздействия, несмотря на их кажущуюся избирательность, тем не менее, оказывают влияние на всех, формируя пассивность и латентную агрессивность в оценках происходящего и будущего, как заранее кем-то определенного, продуманного, не допускающего возможности влиять на принятие решений, кроме молчаливого или активного согласия. Реализация принципов избирательности и соразмерности *jus in bello* в контексте информационной войны возможна только на личностном уровне, когда каждый несет ответственность за транслируемую и оцениваемую информацию, максимально определяет ее воздействие на других и последствия.

* При финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00414.

Zhadunova Natalia, Koval Ekaterina

IS IT POSSIBLE TO FOLLOW THE PRINCIPLES *JUS IN BELLO* IN THE INFORMATION WAR?*

Large-scale information war is an attribute of our time. Therefore transformation of application of principles *jus in bello*, that known from ancient times, are problematic field of study. In condition of informational war the domination of one party in the media space is practically ensures victory. The winner is not a force or arms, but the ways of warfare: a good information strategy, financing of media sphere, ideologically verified, timely submitted a narrative,

acting on the consciousness of the entire population, not only combatants. Thus, the principles of *jus in bello* (the principle of distinction and principle of proportionality) acquire a different substantive content, because every person who receives, interprets and translates information becomes a participant of military actions, even if he is committed to peace. According to the analyzed principles, the civilian population should have the right to immunity, and in relation to the enemy is permissible only proportionate the use of violence. In general, aspiration for peace in the information war becomes the reason of its continuation: the desire to express dissent, protest, rejection of information messages (demonstration of the public execution of hostages, provocative post on social networks) provokes a person to express his position using a categorical value judgments, to seek supporters increasing thereby “kill zone”. Adherence to the principle of proportionality in the situation of the information war, at first glance, is absolute, since no physical destruction does not happen. However, the desire to implement the expansion of the information so that the opponents have not been able to find counterargument, making it pointless. Selectivity principle requires a clear distinction between the objects of information impact, which is difficult in the present conditions. Point impact on the target audience does not guarantee that the information will be sent only to it and would not entail unpredictable consequences for non-combatants. The arguments in the spirit of Aristotle, that the victims of war are meant to obey (manipulation), and therefore the information war can be considered fair (manipulation, information destruction are subject to those who can not resist, based on the mind critical perception and evaluation of information), presented unfounded, although actively used by the ideologists of the information war. Tools of information impact, despite their apparent selectivity, however, affect for all. These tools are form a passive and latent aggressiveness at people who evaluate what is happening and the future. The future appears as a pre-thought out by someone that does not allow the possibility to formulate other decisions, except the tacit or active consent. Implementation of the principles of distinction and proportionality *jus in bello* in the context of information war is only possible on a personal level, when everyone is responsible for the information and, if possible, determine its impact on others and the consequences.

* With the financial support of RFH, project № 15-03-00414.

Завалий Андрей Геннадьевич
Ph.D., Associate Professor of Philosophy
American University of Kuwait, Kuwait

ЦЕЛЬ МУЖЕСТВЕННОГО ПОСТУПКА В «НИКОМАХОВОЙ ЭТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ

«Мужество» — одна из классических добродетелей Древнего мира, и Аристотель посвящает анализу этой черты характера несколько важных глав в третьей книге Никомаховой этики. Исследователи всегда отмечали проблематичный, и в чем-то даже парадоксальный характер этого анализа, который оставляет множество нерешенных вопросов, и, на первый взгляд, плохо согласуется с общей теорией добродетели у Аристотеля. В своём докладе я бы хотел подробно остановиться лишь на одном из необходимых условий мужественного поступка, которое Аристотель оставляет без должного объяснения, но без понимания которого невозможно вынести суждение о наличии или отсутствии добродетели мужества у конкретного человека. Речь идет об известном утверждении Аристотеля, что бесстрашный поступок является воистину мужественным только если он совершается ради «прекрасной цели». Будет показано, что предъявление чисто дескриптивных критериев к поведению и психологическому состоянию человека, о котором можно сказать, что он поступает отважно, без оценочного указания на его осознанные намерения, ведет к неприемлимым выводам. Дальнейшей целью данной работы является прояснение смыслового содержания «прекрасной цели» поступка у Аристотеля и попытка соотнесения нормативной составляющей в определении мужества в Никомаховой этике с современным пониманием этой добродетели. В частности, будет предложено возможное толкование той легитимной цели, ради которой, согласно Аристотелю, мужественному воину стоит жертвовать своей жизнью в битве. В отличие от других добродетелей, совершенствование в которых ведёт в конечном итоге к личному благополучию в этой жизни, цель мужественного поступка по необходимости должна основываться на понятии общего блага, которое достигается, порой, ценой самопожертвования отдельного человека. В этой связи, мотивация к мужественному действию в минуту смертельной опасности будет сильно отличаться от обычной мотивации к добродетельному поведению. Таким образом, мужество оказывается во многом уникальным нравственным качеством в списке

аристотелевских добродетелей, и может быть предъявлено как очевидное опровержение расхожего обвинения Аристотеля в этическом эгоизме. Кроме того, в докладе указывается на полемический характер соответствующей дискуссии в Никомаховой этике, где Аристотель намеренно возвращается к традиционному, узко-милитаристскому пониманию мужества противопоставляя его платоновской тенденции расширительного толкования мужественного поведения.

Zavaliy Andrei

THE NOBLE GOAL OF A COURAGEOUS ACTION IN ARISTOTLE AND THE PROBLEM OF MOTIVATION

The proximate purpose of this paper is to clarify the ancient virtue of courage, as presented by Aristotle, and to suggest a reasonable interpretation of one of the necessary conditions for acting courageously. The initial thesis that courage consists in overcoming the fear of death for a worthy or noble cause will be further modified by exploring the implications of such “overcoming,” as well as the psychological and cognitive resources which would allow one to counter this powerful primordial instinct. The normative aspect of the present study aims at making sense of what could qualify as a worthy or a noble goal of a fearless action both for the Aristotelian model of the ethical world, and for our times. Reference to the intended proper goal of a courageous behavior is one of the constitutive features of the Aristotelian holistic account of this virtue. It will be argued that this normative provision is the most challenging aspect of the Aristotelian view, but that the correct understanding of what type of noble goals can properly ‘ground’ a courageous action holds the key to preserving the meaningfulness of this cardinal virtue for us today. Despite Aristotle’s silence on the semantic content of the ‘noble goal’ of action, it seems reasonable to suggest that the common good of the polis, rather than one’s own happiness, should be the aim that justifies the ultimate sacrifice, which a courageous warrior must often make. This, in turn, raises the question of motivation for a courageous behavior, which will be of necessity different from the traditional incentives for virtuous living. It will also be observed that pointing to courage as a constitutive trait of character of a virtuous agent may deflate the common charge of ethical egoism that is often raised against Aristotelian virtue-ethics.

Заворотний Олег Олегович

Студент 5 курса

Соавторы: Алексеенкова Елена Николаевна, Ахметгареева Алина Робертовна
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На сегодняшний день остро стоит вопрос об отношении общества к медицинской сфере деятельности и, в частности, к ее сотрудникам. Актуальность проблемы обусловлена тем, что СМИ оказываются заинтересованными в освещении конфликтных ситуаций и зачастую преподносят новости в негативном ключе, не анализируя действия пациентов и медицинского персонала объективно. Медицинская сфера деятельности затрагивает всех членов общества, поэтому всегда привлекает крайне обширную аудиторию. Сегодня нам доступно большое количество материала, свидетельствующего о неэтичном поведении врачей, их коррумпированности, врачебных ошибках и прочих негативных аспектах поведения медицинского персонала. Благодаря этому общество формирует стереотипы в отношении работников медицинской сферы, например, «врачу нужны только деньги», «молодой врач не может иметь опыта и образования», «лучше лечиться самому, чем попасть в руки к убийце». Социальный опрос по поводу сложного медицинского случая показал, что большинство людей в неоднозначной ситуации в первую очередь винят врачей и оказываются не заинтересованы выслушать альтернативную версию и задуматься о другой стороне проблемы. Разработка новых лекарственных средств и методов лечения, успешное проведение сложнейшей операции не пробуждает среди широкой аудитории столь бурного обсуждения, как действия медицинского персонала, приведшие к исходу, которого не ожидал или не хотел пациент, даже если эти действия были совершены в соответствии со всеми стандартами оказания медицинских услуг. Тем более, не обсуждаются в СМИ рядовые случаи из повседневной медицинской практики, каждый из которых можно преподнести как маленький подвиг. Эффективность работы медицинского персонала в значительной степени зависит от уровня доверия пациента к врачу. Существующие в обществе негативные стереотипы относительно сотрудников медицинской сферы могут приводить к тому, что пациент длительное время не обращается к врачам по поводу

своих жалоб, не соблюдает или отказывается от необходимого ему лечения. И тогда проблема отношения СМИ к работникам медицинской сферы деятельности ставит под удар не только медицинский персонал, но и здоровье и жизнь пациента.

Zavorotniy Oleg

THE IMPACT OF MASS MEDIA ON PUBLIC ATTITUDE TO THE MEDICAL FIELD

Among the many issues of current interest involving the media is a problem of its influence on the attitude of society to the medical field and, particularly, to its professionals. Mass media are interested in discussing conflicts and accidents but the daily activities of medical staff. That is the reason of the news are often presented the in the negative, without objective analysis of actions of patients and healthcare workers. Medical field of activity affects all the society and always attracts a broad audience. There is a lot of material showing the unethical behavior of doctors, corruption in medicine, medical malpractice and other negative aspects. Due to this, stereotypes about medical staff appear in society, such as “all a doctor needs is money”, “a young doctor has no experience”, “treat yourself better, but visit a killer.” A survey about a medical case revealed that the majority of people are prone to blame doctors in ambiguous situations and are not interested in analyzing the other side of the issue. Creation of new drugs and treatments, successfully conducted complicated surgery is not awakening such a heat discussion as actions of medical staff that led to an unexpected outcome, even if these actions were committed according all the standards of medical treatment. The efficiency of the medical treatment essentially depends on the level of confidence of a patient to a doctor. Negative stereotypes about healthcare workers may make a patient to refuse a necessary treatment. The issue appears to be urgent, because the attitude of mass media to medical staff endangers not only the staff itself but also the health and life of patient.

Зимбули Андрей Евгеньевич

Доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ПРИКЛАДНАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭТИКА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аристотель в «Никомаховой этике» когда-то охарактеризовал создаваемую им науку как науку однозначно практическую. Причём сам-то он выступал преимущественно как теоретик. В позднейшие времена картина значительно усложнилась. Попробуем всмотреться в то, что роднит и что разъединяет теоретическую и прикладную этику. Предмет прикладной этики очевиден и для непосвящённых — это конкретные злободневные сюжеты, возникающие на пересечениях этики и экологии, политики, искусства, педагогики, религии, бизнеса, медицины, спорта и т. п. В то же время для разрешения коллизий, возникающих в этой сфере, обыденного здравого смысла оказывается недостаточно, потому-то сталкивающиеся с подобными проблемами обычные люди вынуждены обращаться к носителям профессионально-этического знания. Что касается предмета теоретической этики — он неохватно обширен. Это и история (в именах, сочинениях, культуре непохожих сообществ), и категориальный аппарат, и природа добродетелей-пороков, счастья-несчастья, любви-ненависти, долга-безответственности, их соотношений друг с другом; это содержание нравственных предписаний / запретов, механизмы нравственного долженствования; столкновение интересов индивида, группы, сообщества; взаимопроникновение ценностей разных культур; психология нравственных переживаний — таких как вина, эмпатия, раскаяние, великодушие, малодушие и многое другое. Условно говоря, если в каком-то сборнике статей помещён текст про конкретную этическую категорию, этот текст, видимо, с достаточной строгостью можно считать теоретическим (ну, скажем скромнее: умозрительным) до тех пор, пока он не стал достоянием практиков, пока его не использовали где-то в этической экспертизе. Или, по крайней мере, не пересказали сжатым образом в учебном курсе. Предельно коротко говоря, теоретическая наука изучает всеобщее, прикладная наука — особенное и единичное. Теоретическую этику можно было бы сопоставить с метеорологией, а прикладную — с прогнозом погоды. Помимо сравнений и метафор важно отметить следующее. Учёный, серьёзно занимающийся

теоретической наукой, воспринимает её как самоценность. Тогда как для прикладной этики все наработки мировой этической мысли — это лишь инструмент. Средство решения очередных конкретных задач. В указанном смысле — это моё личное убеждение — про научные гранты можно сказать, что они в гораздо большей степени выступают стимулом для развития прикладной, нежели теоретической науки. Грант помогает добыть денег, обеспечивает нужные в наши дни статус, баллы для всё усложняющейся отчётности. Диплом, магистерская и кандидатская диссертация — тем более прагматичны. Теоретическая и прикладная этика призваны сугубо внимательно всматриваться в нравственно-психологическое содержание процессов своего функционирования. Наука этика в целом сможет успешно развиваться и выполнять свою культуротворческую миссию только тогда, когда теоретическая и прикладная этика будут действовать взаимодополняюще и помогать, по замыслу Аристотеля, людям не только познать, что такое добродетель, но и стать добродетельными.

Zimbuly Andrey

THEORETICAL AND APPLIED ETHICS: DIMENSIONS OF COOPERATION

Aristotle in his “Nicomachean Ethics” unambiguously described ethics as a practical science. At the same time he worked primarily as a theorist. In later times, the picture is much more complex. Let’s try to peer into what unites and what divides theoretical and applied ethics. Subject of the Applied Ethics is obvious for those who are not initiated into the intricacies of science ethics — this specific topical themes arising at the intersection of ethics and ecology, politics, art, pedagogy, religion, business, medicine, sports, etc. At the same time to resolve the conflicts that arise in this sphere, the ordinary common sense is not enough, therefore, faced with similar problems ordinary people are forced to turn to the media professional and ethical knowledge. As for the subject of theoretical ethics — it is wide, so that it does not cover. There are — the history (names, works, culture, diverse communities), and categorical apparatus, and the nature of virtues / vices, happiness / unhappiness, love / hate, debt / irresponsibility, their relations with each other. There are the content of moral requirements / restrictions, the mechanisms of moral obligation; clash of interests of the individual, group, community. There are interpenetration of the values

of different cultures, psychology of moral emotions — such as guilt, empathy, remorse, generosity, cowardice, and more. Relatively speaking, if some collection of articles placed text of a specific ethical category, this text apparently with sufficient rigor can be considered theoretical (or let us say more modestly: speculative) as long as it does not become the property of practice — until it will be used somewhere in the ethical expertise. Or at least, not rehearsed a compressed image in the training course. Extremely short, theoretical science studies general, applied science — particular and individual. Theoretical ethics could be compared to meteorology, and applied one — to the weather forecast. In addition to comparisons and metaphors it is important to note the following. The scientist seriously engaged in theoretical science, perceives it as a value in itself. Whereas for Applied Ethics all the achievements of the world of ethical thought — this is just a tool. Means for solving the next specific tasks. In this sense — it is my personal belief — about scientific grants we can say that they are much more incentive to favor the development of the application, rather than theoretical science. Grant helps us to raise money, provides the desired nowadays status, scores for all the increasingly complex reporting. Diploma, Master's and PhD thesis — the more are pragmatic texts. Theoretical and applied ethics are designed especially carefully scrutinize the moral-psychological content of the processes of their functioning. Science ethics as a whole will be able to successfully develop and execute its mission to create the culture only when the theoretical and applied ethics will act agreed and assist, on a plan of Aristotle, for us people not only to know what virtue is, but also to become virtuous.

Золотков Григорий Алексеевич

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПРОЕКТ НЕГАТИВНОЙ МЕТАФИЗИКИ НРАВСТВЕННОСТИ В РАБОТАХ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Может ли содержание сферы этики быть выражено какой-либо позитивной теорией? Нет. Теоретическая рациональность, отвечающая за построение теорий, является принципиально иным типом рациональности, нежели этическая, отвечающая за совершение поступков. Из последнего следует, что любой проект метафизики нравственности, предназначенный

к отражению позитивного содержания сферы этики, заведомо обречён на провал. Теоретическая рациональность, однако, не является вовсе бесполезной для прояснения этического. Последнее означало бы полный выход сферы этики за пределы языковой артикуляции, и, следовательно, отсутствия чёткой фиксации её содержания. В качестве выхода из данного положения может быть предложен отказ от бесплодных и, в определённом смысле, инородных попыток вторжения теории в сферу этики. И, наоборот, в качестве позитивной задачи в деле теоретического постижения нравственности, может быть предложено, установить её внешние границы. Иными, словами, должен быть предложен проект негативной метафизики нравственности, позитивно устанавливающий границу между выразимым в языке миром теории и невыразимым в языке миром поступка. Последнее может быть осуществлено с помощью теории языка. Именно теория языка способна определить, что имеет смысл, а что его не имеет, что может быть сказано, а о чём лучше молчать. В качестве основания данной теории могут быть использованы идеи «Логико-философский трактат» и «Лекции об этике» Людвиг Витгенштейна, и, также, следы и эволюция этих идей в его более поздних текстах «Культура и ценность» и «Философские исследования». Характерной чертой взглядов Витгенштейна на этику, сохраняющейся на протяжении всей его творческой деятельности, является убеждение в непригодности языка для сущностного описания, как самой этой сферы, так и её феноменов. Единственное, что, по его мнению, может быть описано с достаточной степенью достоверности — это пределы, вне которых она находится. Этика Витгенштейна дистанцируется от классической программы «Основ метафизики нравственности» Канта, по двум основным положениям. Первое это негативность способа описания этики. Второе это разработка данного вопроса средствами только эпистемологических теорий. Оба они связаны между собой и направлены на преодоление определённого недостатка традиционных этических систем. Недостаток этот заключается в том, что рациональность нравственности, основанная, например, на требовании следования долгу, противоречит вопрошанию об метафизических основаниях долга, какому-либо анализу предписаний; в данной системе всё необходимо является предельно ясным и не требует доказательства своих постановлений. Витгенштейн, выстраивая свою этическую позицию, не только обходит это противоречие, но и принимает невыразимость как характерную особенность этики. Если, однако, язык

является неподходящим способом для выражения этики, то не является ли единственным возможным здесь вариантом — отказ от осмысления этики; последовать собственному императиву и промолчать о ней? Витгенштейн предлагает иной выход: если ничего не может быть сказано позитивно, то следует говорить негативно. В отличие от Канта Витгенштейн обращает внимание на то, что теории, могут быть построены лишь до тех пор, пока это позволяет язык. В отличие от Канта у Витгенштейна эпистемологические взгляды служат основой взглядов на этику. Если задача философии морали состоит в рациональном исследовании морали, то именно теория языка позволяет это сделать непротиворечивым образом.

Zolotkov Grigory

WITTGENSTEIN'S PROJECT OF NEGATIVE METAPHYSICS OF MORALS

Could the essence of the ethical be described by positive theory? This paper inclined to show that it isn't. The main argument for it is the idea that the theory-making could be provided only by the theoretical rationality. That kind of rationality seems to be opposite to the rationality that constitutes the ethical. This means that all projects of the metaphysics of morals, which are issued to provide positive descriptions of the ethical, are wrong in their basis. Also, theoretical rationality is not absolutely useless for the goal of clarifying the nature of ethics. If it would be so, than the ethics would be wholly irrational, what means, that there is absolutely nothing distinctive about it. The way out of that dead-end could be found in the studies of language, which can reject the efforts to investigate the nature of ethics with the theory. That rejection could be called negative goal. On the contrary, the positive goal of the investigation of the ethics could be found in showing the boundaries of the ethical. In other words, it could be proposed something like project of negative metaphysics of morals, by means of which it could be show the limits between expressible world of the theory and inexpressible world of actions. The project of negative metaphysics of morals could be achieved by a theory of language. This program could be used for drawing the line between what has a sense and what doesn't, something that should remain in silence. The basis of such a project could be found in Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus" and "The Lecture on Ethics" and also in his "Culture and Value « and «Philosophical Investigations». One of the most

significant features of Wittgenstein ethics is that the essence of ethical could not be clearly expressed in language. Nevertheless its limits could. Wittgenstein's view of ethics could in two main aspects be deferred from Kant's view expressed in "Groundwork of the Metaphysic of Morals". The first aspect is the negative character of Wittgenstein's ethics. The second is that Wittgenstein speaks about ethics only by matters of epistemology. Both aspects are interconnected and overcome logical incoherence of the majority of traditional ethical systems. That incoherence could be best shown by the fact that nor ethical reason nor theoretical are suitable for making a positive theory of ethical. Thus, if there is nothing that could be said about ethics, isn't it would be the right way of to quit attempts to do philosophy of morals, to pass over in silence? Wittgenstein could be read as proposed another way, negative way. It follows that the ethics must concentrate over drawing the boundaries of ethical by means of language theory.

Игнатьева Софья Валерьевна

Магистр 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛИЗМА

КАК ПРИМЕР КОНКРЕТИЗАЦИИ МОРАЛИ

В настоящее время мы можем наблюдать острый кризис политики мультикультурализма и стремительно теряющий свою популярность этический релятивизм. Такое положение вещей прямо указывает на падение актуальности идей терпимости, а все развивающиеся идеи либерализма вступают в конфликт с «низовыми» тенденциями. Сформированный таким образом дискурс обуславливает поле этических проблем. Национальный вопрос, скорее, относится к области проблем прикладной этики, т. к. имеет ярко выраженный аппликативный характер. В. И. Бакштановский предлагает пять парадигм прикладной этики, постепенно оспаривая первые четыре, он приходит к выводу, что прикладная этика должна развиваться «с одной стороны, как нормативно-ценностные подсистемы, конкретизирующие мораль; с другой — теорию конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения». Проблема национализма имеет два полюса, которые при взаимодействии образуют дилемму: концепция «я-другой» или «свой-чужой» и идея

«равенства и братства». Рассматривая проблему национализма как частный случай данных парадигм, мы неизбежно приходим к конкретизации морали на примере национального вопроса. Национализм плотно закрепился в сознании людей, несмотря на широкое распространение либеральных идей, именно потому, что его идея выстраивается по аналогии с архетипическим, биполярным мышлением, делением мира на черное и белое, добро и зло, сакральное и профанное, свое и чужое. В сказках «чужое» выступает в двух ипостасях: соседи — дураки, которые не умеют ни землю пахать, ни корову доить, и — «чудесный лес», полный волшебных вещей и друзей-трикстеров. Национализм, обычно, воплощает собой первый вариант. Данный сценарий усугубляется стереотипами. Стереотипы, как характеристики абстрактные и возведенные в Абсолют, приводят к полному культурному неприятию и ощущению противоположности другой культуры нашей. Такой сценарий вызывает понятное отторжение. Данный механизм достаточно устойчив и психологически прост, однако национализм остается моральной дилеммой. Антонимичная позиция выражена в религиозной идее креации всех людей Богом; советской догме «братства народов»; идее глобализма, которая заключается в создании единой планетарной культуры, на основании национальных. Кроме того, эта идея нашла свое выражение в декларации ООН о «правах человека»: «все люди признаются равными в своих правах». Человек, исходя из этой позиции, должен перейти от восприятия группы, к восприятию личности и перестать отождествлять конкретного человека с группой. Что достаточно тяжело, т. к. привычка «классификации» и разделения людей на группы есть защитная реакция мозга, попытка предсказать последующие действия собеседника. Таким образом, возникает когнитивный диссонанс между концепцией «чужого» и «равного», между либеральными ценностями и вниманием к опыту предков — что и обуславливает моральную дилемму. В конечном итоге, человек, сталкиваясь с каждым конкретным представителем другой национальности встает перед выбором между двумя этими позициями. И каждый раз, осуществляя свой выбор, конкретизирует моральные нормы относительно отдельно взятого случая.

NATIONALISM AS EXAMPLE OF CONCRETE DEFINITION OF MORALITY

Nowadays there is acute crisis of multicultural policy and ethical relativism, which indicates low actuality of tolerance ideas. That's why liberal concepts are in conflict with downstream ideas. So we can observe wide verity of ethical problems. National question is more actual in applied ethics sphere, because of its applicative nature. Bakshtanovsky V. submit five concepts of applied ethics, gradually refusing first four ideas he identified applied ethics "from one hand, as normative value subsystem, which concretes definition of morality; from the other hand, as theory of concrete definition of morality, project oriented knowledges and fronesyical technologies of application". Problem of nationalism has two aspects, which cause specific ethical dilemma: concept "friend-or-foe" or "us-them" — on one side and idea "equality and fraternity" — on the other. Considering the problem of nationalism as special case these aspects we will come to concrete definition of morality. Nationalism firmly entrenched in human's consequences, because its idea is building in the same way as archetypical mythological world view and bipolar thinking. Humans consequences use to divide the world on black and white, good and evil, sacred and secular, friend and foe. In fairy tails "foes" usually are or fools, who cannot keep there one house or "wonderful wood" with magic things and friends-tricksters. Nationalism view usually show us the first picture. This picture becomes worth because of stereotypes. Stereotypes as abstract and coming to ideal characteristics causes cultural intolerance and sensation of opposites. This continuity inducting clear rejection. Psychological mechanism of this induct is very simple, but nationalism is steel be a moral dilemma. Antonymous position lying in religious idea of creation all people by God, in soviet concept of "equality and fraternity", in fundamental ideas of liberalism and globalism; and, for the more, this aspect UN put at "human's rights": "all people are equal in their rights". Person should come from vision of hole-group to perception of personality. Which is difficult, as habit of classification and dividing is defense reaction of human's brain and try to predict next actions of companion. That's how appears cognitive dissonance between concept of "foe" and "equal", — which determines morals dilemma. Ultimately, person run into choice between these two aspects every time, when it came with each other person different nationality. And every time people specifies moral normatives with respect to individual cases.

Илюхина Евгения Олеговна

Студент 4 курса

ФГОУ ВО Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОФИЛОСОФСКИХ МЕТОДОВ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ТЕХНИКАМ МАНИПУЛЯЦИИ

Современная психология развита на основе манипуляции и управления субъектами. Есть люди, использующие техники манипуляции, которые не знают физиологические, психические и социальные характеристики человека и действуют по наитию, есть много психологов, являющихся в своей же сфере некомпетентными. Психологи — «специалисты» не желают зайти в самую суть, посмотреть в основу психики человека. Они смотрят только на поверхность своих клиентов / пациентов, которая обусловлена социальным влиянием, влиянием СМИ, религии и других структур, которые задают темп жизни и мыслительную деятельность людей. Одно из определений манипуляции, более подходящий на наш взгляд, что манипуляция — это исходный, фундаментальный вариант взаимодействия, при котором один участник жизненной драмы заставляет других действовать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления, как говорит в своей книге Кара-Мурза «Манипуляция сознанием». Возможны три гипотезы, почему многие психологи могут вести свою деятельность таким способом. 1. Базовым препятствием для решения проблем, раздирающих современный российский социум, является нарастающий антагонизм всех основных социальных страт, идентифицирующих себя в критериях различия по признакам дохода, статуса, возраста, пола, этноса и вообще наличия или отсутствия квалифицирующих признаков. Это характерно даже для высокоинтеллектуальных отраслей, в том числе такой антагонизм может проявляться и внутри одной из них. А если посмотреть с нейрофизиологической стороны? Есть зеркальные нейроны зоны Брока в связке с зеркальными нейронами мозжечковой миндалины, которые обеспечивают уникальную особенность человеческого сознания — автоматического сочувствия находящимся в зоне аудиовизуального восприятия живым существам. И гипервозбуждение зеркальных нейронов при одновременном отказе от движения на помощь, в конце концов, формирует рефлекс отказа от сочувствия. Это один из важнейших факторов

дегуманизации современного общества. 2. Еще со времен Фрейда и его последователей обострилась, началась массовая реализация специальной программы манипуляции людьми, восходящая к софистам, чтобы они поступали так, как выгодно манипулятору, даже если это выглядит безумно, или приводит к глобальным общественным катастрофам. 3. Психологи сами в неведении о том, как ведут свою деятельность, т. е. являются вторичными манипуляторами, которым так же суггестивно включили в голову ту самую программу, о которой говорилось выше. Нейрофилософия может быть в этом теоретически компетентна, так как может опираться на результаты экспериментальных исследований с применением современных аппаратурных средств неинвазивного анализа психических процессов, свойств и состояний центральной нервной системы. Нейрофилософская программа предлагает методы ликвидации погрешности работы и деятельности психологов, психотерапевтов, клинических психологов, возможно даже профессионально аберрированных психиатров и всех, кто занимается данной тонкой деятельностью, такой как интроспекция хрупкой человеческой психики. Достигнутые на данный момент результаты нейрофилософских исследований показывают, что нейрофилософия имеет несколько базовых преимуществ перед манипулятивными технологиями: опережающее отражение как неотъемлемое свойство сознания; континуальность сознания как условие гносеологической адекватности универсуму; сочувствие, укоренённое в структуре мозга на базе зеркальных нейронов. Однако у исследовательской программы нейрофилософии, как социального института ещё не выстроена защита на этическом уровне, тем более что необходимо не искусственное встраивание, которое будет размыто в современных условиях, а выявление имманентно присущих этических компонент сознания и их экспликация в широкую исследовательскую практику. В кластере философии науки, социальных наук и организационных технологий необходимо выявить и доконструировать социальные технологии защиты как собственно нейрофилософии, так и смежных отраслей знания, от манипулятора.

Ilyukhina Evgeniya

USE OF NEUROPHILOSOPHICAL METHODS IN OPPOSITION TO TECHNIQUES OF MANIPULATION

The modern psychology is developed on the basis of manipulation and management of subjects. There are people using technology of manipulation who do not know physiological, mental and social characteristics of the person and act instinctively, there are many psychologists who are in the sphere incompetent. Psychologists — “experts” do not wish to come into the essence, to look in fundamentals of mentality of the person. They look only at a surface of the clients / patients which is caused by social influence, influence of media, religion and other structures which set rate of life and ideational activity of people.

One of manipulation definitions, more suitable in our opinion that manipulation is an initial, fundamental option of interaction at which one participant of the biotic drama forces others to act in his interests and according to his program so that it will not be recognized by the victims and does not cause in them resistance as Kara-Murza “Manipulation with consciousness” speaks in the book.

Three hypotheses why many psychologists can conduct the activity in such a way are possible.

1. A basic obstacle for the solution of the problems which are tearing the modern Russian society is the increasing antagonism of all main social strata identifying themselves in criteria of distinction on signs of the income, status, age, sex, ethnos and in general existence or lack of the qualifying signs. It is characteristic even of highly intellectual branches, including such antagonism can be shown also in one of them.

And if to look from the neurophysiological party? There are reflecting neurones of a zone of Brock together with reflecting neurones of a cerebellar tonsil which provide unique feature of human consciousness — automatic sympathy to the living beings who are in a zone of audiovisual perception. And hyper exaltation of reflecting neurones at simultaneous refusal of driving to the aid, eventually, forms a reflex of refusal of sympathy. It is one of the most important factors of a dehumanization of the modern society.

2. Since the time of Freud and his followers the mass implementation of the express program of manipulation with people which is going back to sophists that they entered as it is favorable to the manipulator became aggravated, began even if it looks madly, or leads to global public disasters.

3. Psychologists in ignorance how conduct the activity, i.e. are secondary manipulators to which also suggestion included that program about which it was told above in the head. The neurophilosophy can be theoretically competent of it as it can rely on results of the pilot studies with application of the modern instrument means of the noninvasive analysis of mental processes, properties and conditions of the central nervous system.

The neurophilosophical program offers methods of elimination of an error of work and activity of psychologists, psychotherapists, clinical psychologists, perhaps even professionally the aberration of psychiatrists and all who are engaged in this thin activity, such as an introspection of friable human mentality.

The results of neurophilosophical researches achieved at the moment show that the neurophilosophy has several basic advantages before manipulative technologies: the advancing reflection as the integral property of consciousness; consciousness continualnost as condition of gnoseological adequacy to a universe; the sympathy implanted in structure of a brain on the basis of reflecting neurones. However at the research program of neurophilosophy as social institute protection at the ethical level especially as not simulated embedding which will be washed away in the modern conditions, and identification of immanently inherent ethical components of consciousness and their explication in broad research practice is necessary is not built yet. In a cluster of philosophy of science, social sciences and organizational technologies it is necessary to reveal and design social technologies of protection as actually neurophilosophies, and allied industries of knowledge, from the manipulator.

Караулова Анастасия Викторовна

Студент 3 курса

Кутузова Анна Олеговна

Студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

**ФЕНОМЕН ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В РАМКАХ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ
И РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Предложения, в которых фигурируют слова «справедливость», «справедливо» и прочие однокоренные слова, встречаются людям день ото дня,

и далеко не каждый задумывается об их значении и корректной трактовке. В современном обществе дискриминация по какому бы то ни было признаку, будь то гендерный, религиозный, этнический или любой другой, считается чистой воды несправедливостью. В попытке улучшить качество жизни человека, укрепить гарантию его прав и свобод, защитить тех из них, кто является угнетённым в современном обществе, мы сталкиваемся с проблемой ущемления большинства в пользу группы людей, выделяющейся по какому-либо особому признаку. Это практика получила название положительной дискриминации и вызывает большие дискуссии в общественной жизни, в правовой сфере, в профессиональных областях — это объясняет актуальность выбранной тематики. Об аффирмативных действиях — понятии, синонимичном «позитивной несправедливости» — стало известно совсем недавно — появление их программ было инициировано законом о гражданских правах 1964 г. Статья VI закона запретила дискриминацию по любой программе, получившей федеральную финансовую поддержку, а статьей VII была поставлена вне закона дискриминация в сфере занятости. Аффирмативные действия имеют перед собой конкретную задачу создания режима наибольшего благоприятствования в отношении определенных групп, которые традиционно вследствие дискриминации находятся в невыгодном положении. Речь идет не только о расовых меньшинствах, но и об инвалидах, сексуальных меньшинствах и о прочих. Влияние такой защиты особенных слоёв населения имеет двойственный эффект как для «жертв», так и для тех, от кого государство пытается их защитить. Аффирмативные действия такого характера порождают большое количество вопросов, связанных со степенью внедрения квот и льгот, как средства осуществления такой политики государством, того как не превратить их в привилегии, какова мера применения таких действий и на какой срок они нужны, в каком случае они необходимы. Сферы проявления такого типа дискриминации разнообразны и имеют широкую географию от стран Европы и Америки до представителей стран азиатского региона. В зависимости от региона положительная дискриминация имеет свои особенности, и чтобы представить более подробную картину для исследования, была выбрана Россия. Для России, страны с советским прошлым, не будет стоять так остро вопрос положительной дискриминации по гендерному признаку в сфере образования — именно эта область общественной жизни была выбрана для иллюстрирования вышеуказанной проблемы. Исторически сложился опыт всеобщего права получать доступное среднее и высшее

образование независимо от пола в XX веке, но при этом на сегодняшний день есть много заслуживающих внимания кейсов, связанных с положительной дискриминацией по гендерному, этническому и религиозному признакам. Проблема подобного рода дискриминации важна для такой многонациональной страны, как Россия. Целью данного исследования является рассмотрение типов аффирмативных действий в рамках аристотелевской концепции справедливости и анализ (этнической) положительной дискриминации в российской системе образования как проявления политики использования аффирмативных действий. Данная тема исследования представляет большой интерес для этики, т. к. все эти действия связаны с важнейшей ценностной категорией справедливости, выделяющейся философами с древнейших времён развития этических учений. Справедливость в получении равных возможностей. Чтобы определить справедливость или несправедливость тех или иных действий, для начала необходимо обратиться к истокам философской мысли, античным мыслителям, одним из которых является Аристотель, считавший справедливость особой, «совершенной добродетелью». Этапы исследования предполагают: • Знакомство с документами, положившими начало такому концепту, как «аффирмативное действие» и последующее их изучение. • Изучение законодательства РФ, касающихся политики в отношении различных этнических групп и наличия форм позитивной дискриминации, касающихся сферы образования • Определение концепта «справедливость» по Аристотелю и анализ типов справедливости. • Сопоставление различных кейсов по данной тематике и типов аристотелевской справедливости. • Проведение социологического исследования по выбранной тематике, приведение соответствующих выводов об этой проблеме, исходя из результатов практического исследования.

Karaulova Anastasia, Kutuzova Anna

THE PHENOMENON OF POSITIVE DISCRIMINATION IN THE FIELD OF EDUCATION OF THE ARISTOTEL CONCEPT OF JUSTICE AND THE RUSSIAN REALITY

Proposals, which involve the word “justice”, “fair” and other cognate words, there are people every day, and not everyone thinks about their meaning and correct interpretation. In modern society, any discrimination on whatever

grounds, whether it be gender, religious, ethnic or any other, is considered pure injustice. In an attempt to improve a person's quality of life, strengthen the guarantee of rights and freedoms, to defend those who are oppressed in modern society, we are faced with the problem of infringement of the majority in favor of the group of people released on any special grounds. This practice is called positive discrimination and causes great debate in society, in the legal field, in professional areas — this explains the relevance of the chosen theme. On affirmative deystviyah- concept, synonymous of “positive injustice” — became known quite nedavno- appearance of their program was initiated by the Civil Rights Act of 1964 Article VI of the law prohibition of discrimination on any program that received federal financial assistance, and article VII was outlawed discrimination in employment. Affirmative action has a specific task to create the most favored regime for certain groups that have traditionally been due to discrimination are at a disadvantage. It is not just about racial minorities, but also on persons with disabilities, sexual minorities and others. The impact of such special protection segments of the population has the dual effect of both “victims” and to those from whom the state is trying to protect them. this nature Affirmative action generate a large number of issues related to the degree of implementation of quotas and benefits, as a means of implementing a state policy that it does not turn them into a franchise, what is the measure of the use of such acts and for how long they are needed, in which case they are needed. Areas of manifestations of this type of discrimination are diverse and have a wide geography of the countries of Europe and America to the representatives of the countries of the Asian region. The positive discrimination depending on the region has its own characteristics, and to provide a more detailed picture for the investigation, Russia has been chosen. For Russia, the country with the Soviet past, will not be so acutely the question of positive gender discrimination in obrazovaniya — it is this area of public life has been chosen to illustrate the above problem. Historically the experience of the universal right to obtain access to secondary and higher education, regardless of gender in the XX century, but today there are many noteworthy cases of positive discrimination on gender, ethnic and religious grounds. The problem of this kind of discrimination is important for such a multinational country as Russia. The aim of this study is to examine the types of affirmative action in the framework of the Aristotelian concept of justice and the analysis of (ethnic) positive discrimination in the Russian system of education as a manifestation of the use of affirmative action policies. This research

topic is of great interest for ethics, because all these actions are connected with the most important categories of values of justice, released by philosophers since ancient times the development of ethical teachings. Fairness in obtaining equal opportunities. To determine the validity or invalidity of certain actions, to begin to address the sources of philosophy, ancient thinkers, one of which is Aristotle, who believed a special justice, “perfect virtue.” Stages of studies suggest: • Familiarity with the documents, marked the beginning of such a concept as “affirmative action” and their subsequent study. • Study of the RF legislation on policies in respect of the various ethnic groups and the availability of forms of positive discrimination relating to education • Defining the concept of “justice” according to Aristotle and equity analysis types. • A comparison of the various case studies on the subject and type of Aristotelian justice. • Carrying out sociological studies on selected topics, bringing relevant conclusions on this issue, based on the results of practical research.

Карчагин Евгений Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
социологии и психологии

Волгоградский государственный технический университет

УТОПИЯ И МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ТЕОРЕТИЗИРОВАНИИ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Можно выделить два способа мышления о справедливости. Справедливость в самом общем смысле — это социокультурная ценность, означающая меру должного распределения благ и тягот среди индивидов и социальных групп различного масштаба (включая малые группы, городские сообщества, этносы, государства и т. д.). При этом мера представляет собой отношение между наличной действительностью и образцом должного социального порядка циркуляции благ. Соответственно, справедливость — это мера, размечающая топос социального бытия, то есть определяющая качество, количество, пропорции, адресата распределения различных благ и тягот. В основе утопии лежит операция сравнения данной реальности и реальности желаемой, точнее, сравниваются два образа — образ наличного и образ должного. В результате сравнения выносится нечто вроде вердикта образу наличной действительности. Дальнейший ход действий

может проходить по двум направлениям: мы позитивно даем образ должного, тот самый, на основе которого мы и сравнивали, либо мы даем намеренно утрированный образ наличной действительности, доводя до предела гротеска и отталкивающей эстетики. С помощью двух этих возможных способов — утопия и антиутопия (или, иначе, дистопия) — наличная действительность, точнее, ее образ, критикуется в своей принципиальной основе. Deskриптивно-прескриптивная сущность справедливости проявляется в таком описании справедливого положения вещей, которое предписывает реальности, требует от нее соответствовать этому описанию. Альтернативой утопизму является мысленный эксперимент. Действительно, одним из ведущих способов исследования сущности справедливости в XX веке был мысленный эксперимент, яркие образцы которого продемонстрировали американские философы Дж. Ролз и Р. Нозик. Мысленный эксперимент может быть определен как вид познания, в котором исследователь контролирует и ограничивает обстоятельства и условия испытаний, так что выбирает только одну переменную или одно неизвестное, при этом ситуация разыгрывается не в реальных условиях, а в воображении. Получение выводов в мысленном эксперименте должно удовлетворять пяти критериям: ясность, связность, релевантность, информативность, проективность (П. Свирски). Утопический дискурс и дискурс мысленного эксперимента в применении к теоретизированию о справедливости могут применяться в равной степени. Мысленный эксперимент — это проблемный подход, направленный на прояснение и оптимизацию теории справедливости, повышение ее когерентности, в то время как утопический дискурс ориентирован на изменение действительности, это программный, содержательный и оценочный дискурс. Утопический дискурс принадлежит художественному воображению, мысленный эксперимент — логическому мышлению. В истории мысли оба дискурса находили свое применение (классическая утопическая литература и классические концепции справедливости), при этом, по-видимому, каждый из дискурсов сохраняет своего «оппонента» в качестве фона. Утопическое мышление строится полностью или в некоторых своих элементах на мысленном эксперименте. Не продумав в какой-то степени проблему справедливости, нельзя построить картину желаемой социальной действительности, в свою очередь, мысленный эксперимент может быть понят как выжимка рационалистического потенциала утопического мышления.

Karchagin Evgeniy

UTOPIA AND THOUGHT EXPERIMENT
IN THEORIZING ABOUT JUSTICE

It is possible to allocate two ways of thinking about justice. In general sense justice is a sociocultural value that denotes a measure of the proper distribution of benefits and burdens among individuals and social groups of various sizes (including small groups, urban communities, ethnic groups, States, etc.). The measure is the ratio between reality and a model of proper social order of circulation of goods. Thus, justice is the measure, marking topos of social being, that is, defining quality, quantity, proportions, the addressee of the distribution of various benefits and burdens. At the core of utopia is the operation of comparing the given reality and the desired reality, more precisely, comparing of two images — the image of «is» and the image of «ought». The result of the comparison is a some kind of verdict to the given reality. The further step of utopia thinking can take place in two directions: we positively give the proper image, the same one, on the basis of which we compared, or we deliberately give an exaggerated image of given reality, with the grotesque and repulsive aesthetics. With these two possible ways — utopia and anti-utopia (or dystopia) — given reality, or rather its image, is criticized in its fundamental basis. The descriptive-prescriptive nature of justice is manifested in this description of a just status quo, which requires of reality to correspond to this description. The alternative to utopianism is a thought experiment. One of the leading ways to study the nature of justice in the twentieth century was a thought experiment, vivid examples of which were demonstrated by J. Rawls and R. Nozick. A thought experiment can be defined as a form of cognition in which the researcher controls and limits the circumstances and conditions of testing, which selects only one variable or one unknown. And the situation is not in reality, but is in imagination. Making inferences in a thought experiment must satisfy five criteria: clarity, coherence, relevance, informativeness, projectivity (P. Svirsky). Utopian discourse and the discourse of a thought experiment as applied to theorizing about justice can be applied equally. A thought experiment is a problem-based approach aimed at clarifying and optimization of a theory of justice, enhancing its coherence. While utopian discourse is focused on changing reality, it is a programming, informative and evaluative discourse. Utopian discourse belongs to the artistic imagination, a thought experiment belongs to logical thinking. In the history of thought

both discourses has found its application (classic utopian literature and the classical concept of justice), while, apparently, each discourse retains its “opponent” in the background. Utopian thinking is built entirely or in some of its elements on a thought experiment. Without examining to some extent the problem of justice, it is impossible to build a picture of the desired social reality. And, in turn, a thought experiment can be understood as quintessence of the rational potential of utopian thinking.

Кашников Борис Николаевич

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ АРИСТОТЕЛЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Теория справедливости Аристотеля по-прежнему приковывает к себе внимание благодаря своей простоте и прозрачности. Что же касается практического дискурса справедливости, особенно в нашей стране, то он по-прежнему испытывает значительные трудности, связанные главным образом с тремя обстоятельствами. 1. В термин «справедливость» вкладывают различный смысл. Произнося этот термин, мало кто поднимается до уровня обобщений, но судит почти исключительно о своем собственном положении. 2. Этот смысл часто не имеет отношения к морали. 3. Отдельные высказывания о справедливости не связаны между собой логической или преемственной связью. В этой связи существующий у Аристотеля концепт справедливости обладает не только теоретической, но и моральной значимостью, образуя ядро возможного глобального дискурса. Я предлагаю следующее понимание концепта справедливости Аристотеля. Прежде всего, следует провести различие между тем, что Аристотель именовал общей и частной справедливостью. Первое еще не отличает его собственную концепцию от концепции Платона. Специфика Аристотеля заключается в создании им концепции частной справедливости, которая предполагает самостоятельное выстраивание отношения равных и свободных граждан. Вот почему частная справедливость есть справедливость по выражению Дж. Ролза «как честность». В качестве разновидностей такой

справедливости можно обозначить справедливость распределительную, воздающую и меновую. В отличие от общей справедливости, частная справедливость не только определяется самими участниками общественных взаимодействий, самими гражданами, вступающими в частные взаимоотношения, но и не зависит напрямую от отвлеченных идеалов и задач. Частная справедливость не всегда эгалитарна, ее участники часто не равны между собой, как могут быть не равны господин и раб. Но в своей парадигмальной форме частная справедливость характерна именно для эгалитарного общества и знаменует собой частные взаимоотношения между равными. Вопрос о дальнейшем развитии теории справедливости имеет две составные части: А нужна ли вообще этическая теория? Какая именно, если нужна? современная аналитическая этика вовсе не склоняется однозначно в пользу теории. Многие из современных авторов не без основания утверждают, что наша склонность к научно-теоретическому мышлению главным образом и мешает нам в решении проблем морали. Вопрос, тесно связанный с первым, это вопрос «какая именно теория?». В настоящее время нет такой однозначной теории справедливости. Есть теории Нозика, Ролза, Готиера и многих других. При этом только Ролз называет свою теорию теорией справедливости, да и то без больших оснований. Авторы этих теорий создают сложный теоретический аппарат для решения некоторых этических проблем, и этот аппарат действительно работает для решения отдельных проблем справедливости. Но самое главное, даже если и назвать это условно теориями справедливости, все вместе это все равно не дает нам одну теорию, но множество не сопоставимых теорий, число которых продолжает угрожающе расти. Проблема заключается в том, возможна ли единая практика справедливости при принципиальной несопоставимости теорий.

Kashnikov Boris

THE ARISTOTELIAN THEORY OF JUSTICE
AND THE POSSIBILITY OF THE FURTHER DEVELOPMENT
OF THE THEORY AND PRACTICE OF JUSTICE

Aristotelian theory of justice still fascinates mostly due to its clarity and simplicity. When it comes to the practical discourse on justice, especially

in Russia, it still in the majority of cases doesn't take off the ground mostly because of the three obstacles. 1. The very term "Justice" may have incompatible meanings. Even when we pronounce the word, we rarely ascend the necessary level of abstraction, but mostly stick to our own situation. 2. This term very often has nothing to do with morality. 3. The particular utterings related to justice are hardly competent and are lacking any common logic. In such circumstances, the Aristotelian concept of justice should be regarded as having not only theoretical but also moral significance, as the possible framework for the oncoming global discourse on justice. The general tenets of the Aristotelian concept of justice may be understood as the following: First of all, we have to discriminate what Aristotle called general and particular justice. The first is still by and large the concept of Plato. The specificity of Aristotle is in coining the concept of particular justice, which presupposes the relations of free and equal citizens. Which is why, the particular justice is predominantly justice as fairness, according to Rawls. The major subgroups of such justice are distributive justice, retributive justice and justice of exchange. Unlike the general justice, particular justice is constantly forged by the free participants of the constant interactions and does not depend on any abstract ideals or distant goals. Particular justice may not necessary be egalitarian since the interactors are not necessary equal, like master and slave are unequal. Still in its paradigmatic form it is about the relations of equals at least in terms of the equality as citizens. When we contemplate on the possible development of the contemporary theory of justice, we have to separate two questions: Do we really need any? Which theory, if any? The contemporary analytic tradition does not necessary stick to theory. Many contemporary authors claim that our propensity for science and theory prevents us from finding the proper decisions in the sphere of morality. The second question, merging with the first one, is the question "Which theory?" We have no such a theory, which could be shared without reservation. We have a multiplicity of theories, like the theory of Nozic, Rawls, Gouthier, and many other. The authors of such theories create rather complicated theories for solving some particular ethical problems and often even succeed. The problem remains; even if all that should count as the theories of justice we are still lacking the general theory of justice. The constellation of different incompatible theories, the number of which grows exponentially, still does not make such a theory, comparable to the theory of Aristotle.

Кведерене Ирина Ивановна

Кандидат наук, докторант

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Целью написания данной статьи явилось желание применить аксиологический потенциал русской дворянской культуры для решения современных проблем российского общества, в первую очередь, для решения такой важной проблемы как формирование нравственных ориентиров у современной девочки, девушки, женщины. В этой связи использовались различные методы — сравнительный анализ документальных источников, системно-генетический метод, метод абстрагирования, сопоставительный анализ, метод ретроспективного моделирования, интегративный метод, метод экстраполяции. К результатам можно отнести выводы о необходимости утверждения ценности института брака и материнства в современной практике обучения и воспитания девочек в семье и школе для сохранения всего российского общества, а также содержательное наполнение нравственных основ формирования женского облика и методические аспекты выстраивания этого процесса. Опираясь на вышеуказанные выводы, можно утверждать, что сегодня религиозно-этические понятия должны занимать центральное место среди женских добродетелей в силу того, что православие является культуuroобразующей религией в России. Преподавание Закона Божия может быть возложено исключительно на священника, «уважаемого по христианскому благочестию и годам». Признавая важность развития ума и талантов необходимо признать главенствующее положение таких ценностей как образование сердца и воспитание семейных добродетелей. В начале XIX века восхищались призванием женщины быть верной супругой, матерью, дочерью, вкладывая в эти понятия огромное количество добродетелей — это не только достойно подражания сегодня, но необходимо для сохранения нации. Вежливое и ласковое обращение к детям; веселость; доброе сердце; кротость; мягкость характера; любовь к труду, порядку и экономии; облегчение забот супруга; осторожность в воспитании религиозных чувств; поддержание атмосферы нравственной чистоты; понимание таинственности природы человека; почтительность; простосердечие; разнообразие сведений; старательность о пользе и чести

своих мужей; уважение к институту брака; уважение к простому труду; удовольствие своих родителей; умение нести семейные хлопоты; хороший характер; целомудрие — это далеко не полный перечень тех качеств, которыми должна была обладать русская женщина начала XIX века.

Kvederene Irina

THE MORAL IDEAL OF WOMAN IN RUSSIAN NOBILITY'S CULTURE

The purpose of this writing is the desire to apply the axiological potential of the Russian aristocratic culture to solve modern problems of Russian society in the first place, to address such an important issue as the formation of moral guidelines in modern girls, lasses, women. In this connection, various methods — a comparative analysis of documentary sources, system-genetic method, the method of abstraction, a comparative analysis of the retrospective method of modeling, integrative method, extrapolation method. By the results of the findings can be attributed to the need for the approval of the institution of marriage and the value of motherhood in modern practice training and education of girls in the family and the school to save the whole of Russian society, as well as the substantive content of the moral foundations of the formation of the female shape and methodological aspects of the building process. Based on the above findings, we can say that today the religious and ethical concepts should be central to women's virtues due to the fact that Orthodoxy is a culture-religion in Russia. Teaching God's Law can be imposed solely on the priest, "distinguished by the Christian piety and years of teaching." Recognizing the importance of the development of the mind and talents necessary to recognize the dominant position of such values as education of the heart and nurturing family virtues. At the beginning of the XIX century admired calling women to be faithful to his wife, mother, daughter, putting in a huge amount of these concepts of virtue — is not only a worthy role model today, but it is necessary to save the nation. Polite and gentle treatment of children; gaiety; kind heart; meekness; softness; love of work, order and economy; relief spouse worries; care in the education of religious feelings; maintaining an atmosphere of moral purity; understanding of the mystery of human nature; respectfulness; prostoserdechie; a variety of information; diligence on the benefits and honor their husbands; respect for the institution of marriage; respect to unskilled labor; the pleasure of his parents;

ability to carry the family chores; good character; chastity — it is not a complete list of the qualities that should have a Russian woman the beginning of the XIX century.

Кириллов Герман Михайлович

Кандидат философских наук, доцент

Пензенский государственный университет

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

В настоящем докладе рассматривается корреляция таких понятий, как «традиция» и «инновация», на примере «Топики» Аристотеля. Рассмотрены инновационные возможности диалога как универсальной формы диалектической дискуссии, выступающей в качестве медиационного поля поиска новых смыслов. Среди возможных причин так называемого «греческого чуда» выделены талассократия, как форма владычества на море, способствующая развитию межкультурных коммуникаций с остальным цивилизованным миром, утверждение демократической формы государственного устройства, стимулирующего социальную мобильность, формирование особой социальной группы «античной интеллигенции» — софистов, наконец, агональный, соревновательный тип древнегреческой культуры. Автор склонен видеть развивающуюся традицию диалектической дискуссии в русле агонального соревновательного духа греческой культуры. Делается акцент на бескорыстный незаинтересованный характер подобного агона, нашедший своё отражение в «дружеской беседе» Платона, нормативные основы такой беседы были впоследствии закреплены в анонимных пролегаменах к платоновской философии. Отмечается вклад Сократа как основоположника «майевтического» метода, деятельность Платона, работавшего оригинальный жанр письменного диалога, и Аристотеля, закрепившего нормативную основу диалога в ожесточённой полемике с софистами и развившего диалогическую традицию. Опираясь на аристотелевскую «Топику», «Софистические опровержения» и «Риторику», проанализирована и обоснована аргументационная структура идеальной дискуссии, определяющая роли основных её участников: вопрошающего, отвечающего, аудитории. Выделены основные типы диалектики

по Аристотелю и их специфика. Кратко обозначены в диахронической перспективе основные этапы в развитии диалектической традиции в период Средневековья, эпохи Возрождения, Нового времени. Отмечается важность существования этических рамок как условия уважения позиций всех участников дискуссии. Автор приходит к выводу, что диалектическая дискуссия в её аристотелевской форме не теряет своей актуальности в качестве нормативной основы для коммуникации современного информационного общества. Выделение такой рамки могло бы способствовать отделению диалога от его эрзацев и девиаций, в том числе квази-диалогов, диалогов — симулякров и прочих форм коммуникационной «мимикрии». По мнению автора, диалектическая дискуссия в качестве нормативной модели могла бы найти своё применение в этике техногенной цивилизации («этике Дальнего») Х. Йонаса, став основой для экологии коммуникации. В политическом дискурсе в качестве нормативной рамки для ведения парламентских дискуссий, а также основой «новой риторики», находящей применение в современной теории аргументации.

Kirillov German

ARISTOTELIAN DIALECTIC DISCUSSION: TRADITION AND INNOVATION

In the report the correlation of such concepts as “tradition” and “innovation” taking “Topics” as an example is discussed. Innovative opportunities of dialogue are considered as a universal form of dialectic debate, serving as the mediation of the field of searching for new meanings. Among the possible causes of the so-called “Greek miracle” Thalassocracy is highlighted, as a form of domination in the sea, contributing to the development of intercultural communication with the rest of the civilized world, the approval of a democratic form of government, stimulating social mobility, the formation of a particular social group “ancient intellectuals” — the Sophists and finally, agonistic, competitive type of ancient Greek culture. The author is inclined to see the developing tradition of dialectical discussions in line with agonistic competitive spirit of Greek culture. An emphasis on unselfish disinterested character of such agony, has found its reflection in regulatory framework of Plato’s “friendly conversation” for these discussions were subsequently enshrined in anonymous prolegomena to the Platonic

philosophy. The contribution of Socrates as the founder of “maieutic” method, Plato’s work, developing the original genre of written dialogue, and Aristotle’s fixing of a regulatory framework of dialogue in a fierce debate with the Sophists and development dialogic tradition are noted. Basing on the Aristotelian “Topics”, “The Sophistical Refutations” and “Rhetoric” substantiated argumentation structure of the ideal discussion is analyzed and substantiated argumentation structure of the ideal discussion, defining the role of its main participants: the questioner, the recipient, the audience. In diachronic perspective the main types of dialectics according to Aristotle are distinguished and their specificity are briefly outlined. The main stages in the development of dialectical tradition in the Middle Ages, Renaissance, Modern Times are defined. The importance of an ethical framework is noted as a condition of respect for the views of all participants in the dialectical discussion. The author comes to the conclusion that the dialectical discussion in its Aristotelian form does not lose its relevance as a regulatory framework for communication of the modern information society. Defining of such a framework could facilitate the separation of the dialogue from his ersatz and deviations, including a quasi — dialogue, dialogue — simulacra and other forms of communication “mimicry”. According to the author, the dialectic debate as a normative model would find its application in the ethics of technological civilization (“Ethics of the Far One”) of H. Jonas, becoming the basis for environmental communication. In political discourse it could be used as a normative framework for the conducting of parliamentary debates, as well as the basis for a “new rhetoric”, which finds application in the modern theory of argumentation. It is noted that the importance of an ethical framework as a condition of respect for the views of all participants in the dialectical discussion. The innovative opportunities of dialogue as the field of mediation in searching for new meanings is considered.

Китаев Дмитрий Геннадьевич

Магистр 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

СПЕЦИФИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЭТИКИ

Понятие «университетская этика» сегодня органично связано с такими дефинициями как: профессиональная этика профессорско-преподава-

тельского состава, этические кодексы ВУЗов, университетская корпоративная культура и университет, как образовательная корпорация и т. д.

Задача данных тезисов определить содержание и структуру университетской этики, место в высшем профессиональном образования. Отличие университетской этики от корпоративной культуры заключается в том, что корпоративная культура формально затрагивает всю жизнедеятельность организации, не выделяя особой специфики университета, как социального института, научной и образовательной организации. Университетская этика, наоборот, выделяет особую специфику и предмет взаимоотношений между субъектами морального выбора внутри образовательной структуры, там, где невозможна четкая регламентация.

Этический кодекс, являясь частью корпоративной культуры, имеет рекомендательный характер, но не учитывает возможные проблемные ситуации, в которых оказываются обе стороны образовательного процесса. В затруднительной ситуации оказываются обе стороны: студент и преподаватель, когда образование превращается в услугу, тогда один из субъекта образовательного процесса превращается в объект, что в корне меняет логику трансляции образования. Насколько, например, сегодня уместен компетентностный подход в высшем образовании? Возникает вопрос оценки компетенций, а также качества знаний, например, исходя из их стремительного устаревания. Актуальным сегодня являются ряд вопросов в связи с ориентацией образования на рыночную систему и введения конкуренции, как базового принципа повышения качества образования и т. д. Все это указывает на существующее сегодня этическое проблемное поле в высшем образовании, которое можно соотнести с парадигмами прикладной этики В. И. Бакштановского: «практико-ориентированной этикой» (потому что образование не может существовать отдельно от общественной практики, оно само, в свою очередь, — общественная практика), «организационной этикой» (так как университет, помимо всего прочего, — это организация), «апликативная этика» (ввиду того, что образование сегодня и всегда будет актуально).

Отдельно необходимо отметить невозможность отождествления университета, как структуры, с образовательной бизнес-корпорацией, потому что у них принципиально разные задачи ввиду того, что университет выступает как социальный и культурный институт, и как научное и образовательное учреждение. Университет не только создает новые и транслирует уже существующие знания, установки, нормы, ценности, но сам принцип

развертывания образования не может приравниваться к услуге или к извлечению нормы прибыли, что лежит в основе бизнес-корпорации. Даже структурно в корпорации основополагающим принципом является вертикальное выстраивание отношений, а в университете — горизонтальное.

Университетская этика с одной стороны необходимо связана с профессиональной этикой, этическими кодексами и корпоративной культурой, но не исчерпывается ими. У нее свой особый предмет и специфика, которая заключаются в принципах развертывания знаний, норм и ценностей внутри образовательной структуры. Их можно обозначить как круговая взаимозависимость, принципиальный открытый характер и преобладающая горизонтальная организация, принцип передачи знаний и информации «от равного — к равному», диалог поколений и преемственность развития (когда абитуриент приходит из школы или колледжа). Университет не выпускает «готовый продукт», он закладывает базовые принципы дальнейшего развития, самый главный — это «научиться учиться».

Kitaev Dmitriy

CHARACTERISTIC OF THE UNIVERSITY ETHICS

The concept “university ethics” is organically connected with such definitions: professional ethics, ethical code in university, corporate culture in educational corporation, etc.

The problem of these article it's determinate content and structure of university ethics, in educations. Difference of university ethics from a corporate culture in formally affects all activity of the organization, without distinguishing special parts of university as social institute, the scientific and educational organization. University ethics choose special parts of relations between subjects of the moral choice in education, when the regulation is impossible.

The ethical code it is a part of a corporate culture. Ethical code has recommendatory specific, but doesn't consider possible problem situations when there are both parties of educational process. The teacher and the student are interchanged the position in educational process. Now it isn't clear — who an object and who the subject? What is competences of education? What is competences of education? How to estimate them? Social time accelerates and knowledge becomes too old. The market and education — where communication, similarities and distinctions? All this speaks about the problem field in ethics of education.

University ethics correspond to Bakshtanovsky paradigms: practical ethics, organizational ethics, applied ethics.

University and corporation: similarity and distinctions today? They are not contrast. The business purpose — profit, a intention of university — education. These are so different. The university is a social institute, scientific institution, cultural establishment. The university creates and pass knowledge, values, norms — is not profit, not money. It something else, something ideal. The corporation is a vertical structure, education — horizontal structure of life and management.

University ethics as part of professional ethics, codes, corporate culture, mission, but it's something more. University ethics has some specific subject of study. It is values and flowing knowledge, total correlation, public formation etc.

The University doesn't make a finished product. University builds the fundamental principles of human formation and growth, and the most important — is "learning to learn" in all human life.

Коваль Екатерина Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры
правоохранительной деятельности и исполнительного производства
Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

«ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО» КАК ОБЩЕСТВО МЕНЬШЕГО ЗЛА

«Хорошее общество» является перспективным вариантом социального воображаемого. Достижимое, пригодное для проживания (в отличие от пригодного для выживания) общество с четким ценностно-нормативным каркасом — насущная социальная потребность. В западной научной литературе атрибутивные характеристики «хорошего общества» формулируются в рамках дискуссии либералистов и коммунитаристов. Либералистская модель (Дж. К. Гэлбрейт, У. Липпман) ориентирована на такие параметры, как соблюдение прав и свобод человека, социальная поддержка незащищенных слоев населения, защита окружающей среды, материальное благосостояние граждан и др.; в коммунитаристской модели (А. Этциони, Д. Бок, А. Эренхальт, К. Вольф) акцент делается на высоком уровне социального доверия, общности ключевых социальных ценностей и норм, звучании «голоса морали», моральном мужестве. Отечественная модель В. Федотовой выполнена с учетом специфики российских социальных реалий. В данной модели «хорошее общество» является стабильным,

безопасным, обеспечивающим возможности развития своим членам. Наличие в наименовании концепта понятия «хорошее» свидетельствует о том, что анализ обозначенной проблематики выходит за рамки социологии, социальной философии, политологии и может быть предметом исследования этического характера. Можно предположить, что универсализуемым этико-нормативным измерением «хорошего общества» может выступить меньшее зло. «Хорошее общество» не идеально. Оно не может состоять исключительно из хороших людей, так же, как и не может в условиях глобального мира инкапсулироваться и отгородиться от «плохих обществ». «Хорошее общество» — это честное общество. Публичный дискурс о содержании социальных норм в таком обществе исключает апеллирование к максимизации общего блага любыми средствами. Исследование нормативного содержания понятия «меньшее зло» предпринято в ряде работ А. В. Прокофьева, при этом логика «меньшего зла» изучалась в контексте индивидуального морального выбора. Д. Копп в работе «Мораль, нормативность и общество» доказывает, что возможен и социальный выбор. Способность выбирать собственный моральный код — одна из атрибутивных характеристик общества. Социальный моральный код, в котором содержится норма необходимости признания «злости» поступка, совершенного в ситуации выбора меньшего зла (запрет на самооправдание), представляется соответствующим ценностно-нормативным параметрам «хорошего общества». Аристотель, рассматривая проблему справедливости (правосудности), акцентирует внимание на том, что меньшее зло в определенном контексте считается благом (оно предпочтительно, а что предпочтительно, то и благо). При этом выбор в пользу меньшего зла не оправдывает несправедливого, поскольку, выбирая меньшее, а не большее зло, он выбирает благо, а значит, является своекорыстным. Мысль о том, что меньшее зло может выступать как общее благо, или, по крайней мере, как нормативное основание социального действия, на первый взгляд, вызывает отторжение и неприятие. Однако логика меньшего зла может быть той отправной ступенью, с которой начинается преобразование существующего общества в хорошее. Эта логика не предполагает смирения перед социальной несправедливостью, но она исключает толерантность к злу, использование свободы для оправдания зла. Она требует четкой расстановки ценностно-нормативных акцентов, т. е. именованного зла — злом, а блага — благом.

* При финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № МК-5295.2016.6.

“GOOD SOCIETY” AS A SOCIETY OF LESSER EVIL*

“Good Society” is an advanced version of social imaginaries. The actual social need is achievable, suitable for life (unlike suitable for survival) Society with a clear value-normative framework.

Attribute characteristics of a “good society” are formulated in the framework of the dispute of liberalists and communitarians. The liberalist model (J. Galbraith, W. Lippmann) is focused on such parameters as the observance of human rights and freedoms, social support for disadvantaged groups, environmental protection, material welfare of citizens, etc. In the communitarian model (A. Etzioni, E. Bock, A. Erenhalt, K. Wolff) the emphasis is on a high level of social trust, identity of key social values and norms, the sounding of the “voice of morality,” moral courage. The model of V. Fedotova takes into account the specifics of Russian social realities. In this model the “good society” is stable, secure, providing opportunities for the development to its members.

The presence in the name of “good society” the notion of “good” indicates that the analysis of this problem is beyond the scope of sociology, social philosophy, political science, and can be subject to ethical research. One can assume that universalized ethical and normative dimension of “good society” may be the lesser evil. “Good Society” is not ideal. It can’t consist exclusively of good people, as well as can’t be encapsulated or dissociate itself from “bad societies” in a global world. “Good Society” is an honest society. Public discourse about the content of social norms in such society excludes appeals to maximization of the common good by any means.

Study the normative content of the concept of “the lesser evil” is set out in a number of papers of A. Prokofiev, and the logic of the “lesser evil” has been studied in the context of individual moral choice. D. Kopp in “Morality, Normativity and Society” proves that the is social choice is possible. The ability to choose its own moral code is one of the attributive characteristics of society. The social moral code is corresponding to the value-normative parameters of “good society” if it contains the norm of the need to recognize “malice” of act, committed by in a situation of choice of lesser evil (prohibition of self-justification). Aristotle, considering the problem of justice, focuses attention on such fact: the lesser evil in a certain context is considered to be good (it is preferred, but if something

is preferred, it is good). The choice in favor of the lesser evil does not justify the unjust man, because choosing the lesser rather than greater evil, he chooses the good, which means that he is the self-serving.

* With the financial support of Council for Grants of Russian Federation President, project № МК 5295.2016.6.

Кожевникова Магдалена

Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

БИОЭТИКА: ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ

Биоэтика как современная прикладная дисциплина возникла в 60-х гг. XX века для того, чтобы дать ответы на волнующие сообщество медиков и пациентов новые медицинские вопросы, возникшие в результате развития технологий. Вопросы, которые не имели стрикте медицинского характера, но без ответа на которые добросовестное проведение медицинских процедур (речь идет, в первую очередь, о регламентации новых видов лечения и устройств, спасающих жизнь) было невозможно.

На сегодняшний день ситуация очень похожа: развитие биоэтики определяется развитием новых технологий и возникновением новых вопросов, требующих ответа. Поскольку современные технологии выходят далеко за рамки терапевтической практики и касаются более широкого спектра проблем, биоэтика расширяется. Это движение, однако, не является чем-то новым, скорее — это возвращение к истокам, поскольку биоэтику изначально понимали как «этику жизни»: в 1927 немецкий ученый Фриц Яр впервые использовал термин «биоэтика» и аналогично императиву Канта ввел т.н. «биоэтический императив», требующий отношения как к цели не только к человеку, но также к растениям и животным. Также Ван Ренесслер Поттер, который в 1970 году употребил термин «биоэтика», позиционировал новую дисциплину как экологическую этику, которая рассматривает человека в контексте его глубоких связей с окружением.

Сейчас можно говорить о двух значениях биоэтики: в узком значении биоэтика регулирует проблемы, связанные со здоровьем человека, спорные ситуации во взаимодействии врача и пациента, ученого

и подопытного, а также прочие проблемы, вытекающие из бурного развития медицины и биотехнологии. В таком понимании биоэтика касается пограничных ситуаций в жизненном цикле человека, сосредоточенных вокруг рождения, болезни и смерти. К ее ключевым интересам будут относиться, например, вопросы допустимости абортов, вспомогательно-репродуктивных технологий и исследований на эмбрионах, трансплантации органов и ксенотрансплантации, медицинских экспериментов и политики крупных фармацевтических компаний, клонирования, и, в конце концов, эвтаназии, прекращения лечения и определения смерти человека.

В своем широком значении биоэтика понимается как этика жизни не только человека, но и других живых организмов, рефлектирующая проблемы экологического характера и вопросы ценности биоразнообразия. Данное понимание биоэтики не исключает первого, а строится над ним, охватывая медицинские и биологические проблемы с более высокой перспективой и в более широком контексте. Однако, это определение биоэтики встречается реже, чем ее более узкая дефиниция.

В связи со стремительным развитием биотехнологий, а также с новыми открытиями в фундаментальной науке, которые указывают на наличие сознания и морали среди других видов, предлагается рассматривать биоэтику в ее широком значении и с акцентом на уважение интересов живых существ. Уместно даже утверждение, что мы живем на пороге новой парадигмы, в которой человек будет рассматриваться как существо, гораздо ближе связанное с остальными животными, а многие животные будут включены в круг существ, обладающих моральным статусом, чему будет способствовать развитие биотехнологий и стирание границ между видами.

Kozhevnikova Magdalena

THE MEANING AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF BIOETHICS

Bioethics as a modern applied discipline emerged in the 60th of the XX century to answer medicine related questions posed by medical and patient society in the view of rapid technological development. Those were issues of no strict medical character, yet diligent medical procedures (the talk is primarily about

regulation in the sphere of new types of lifesaving therapies and devices) couldn't be applied without answering the latter.

At the moment the situation is pretty similar to that described above: development of bioethics is defined by the development of new technologies and appearance of new questions calling for urgent answers. Since new technologies go far beyond therapeutical practice and deal with a wider spectrum of problems, bioethics is expanding.

Yet, this movement is not anything new, it is rather "back to basics" since initially bioethics was perceived as an "ethics of life". In 1927 the German scientist Fritz Jahr was the first to use the term "bioethics" and similar to Kant's imperative he introduced a so called "bioethical imperative" requiring to treat not only human as an end, but apply the same principle to animals and plants as well. Likewise Van Rensselaer Potter who used the term "bioethics" in 1970, positioned the new discipline as an ecological ethics which views the human in the context of his deep ties with the environment.

Now we can talk about two meanings of bioethics: in its narrow meaning bioethics regulates issues related to human health, disputable issues in the patient-doctor and scientist-subject relations and other problems rising in the course of medicine and biotechnologies rapid development. In such a meaning bioethics deals with border situations in the human life cycle focusing on birth, morbidity and death. Its main concern is, for example, allowability of abortions, assisted reproductive treatment and embryo experiments, transplantation of organs and xenotransplantation, medical experiments and policies of major pharmaceuticals companies, cloning and, finally, euthanasia, cessation of treatment and definition of the human death.

In its broad meaning bioethics is understood as ethics of life of not only human but also of other human organisms reflecting problems of ecological character and issues of biodiversity significance. Such a meaning of bioethics doesn't exclude the one described above, yet it is built upon it, covering medical and biological issues from a wider perspective and in a more broad context. However, this definition of bioethics is less common compared to its narrow definition.

Due to the onrush development of biotechnologies and new discoveries in fundamental sciences which point to presence of conscious and moral in other species, it is suggested that bioethics should be used in its broad meaning with the focus on respect for the interests of living beings. It is even appropriate to state that we live on the verge of a new paradigm where a human would be treated

as a being more close to other animals while other animals would be included into the circle of beings enjoying a moral status which will be endorsed by the development of biotechnologies and blurring of distinctions between species.

Косорукова Александра Андреевна

Ассистент

Российский университет дружбы народов

ПОНЯТИЕ ЦЕННОСТИ У Ф. НИЦШЕ КАК ВОПРОС ОБ АВТОНОМИИ МОРАЛИ

Одно из важнейших толкований понятия ценности в философии высказывает Ф. Ницше. Это понятие оказывается связанным с признанием чего-то как значимого, волевого утверждения чего-либо. Понятие переоценки всех ценностей ключевым образом определяется через описание воли как воли к власти /могуществу.

В контексте данного определения ценности, до сих пор обсуждаемым вопросом является вопрос о то, что есть мораль, моральное сознание в ситуации принципиальной конструируемости ценностей.

Обобщая кружение ницшевской мысли вокруг темы переоценки ценностей, можно сказать, что ценности есть такое утверждение феномена, которое отвечает критерию роста, увеличения силы и мощи, то есть расцвета, а также 2) самопреодоления, а также 3) вечного возвращения того же самого, 4) целостности человека.

Связь ценности и роста воли к власти, как и само понятие воли к власти, произрастают в ницшевской мысли в контексте проблемы истоков нигилизма, который как страшный гость стоит перед человечеством. Видя корни нигилистического умонастроения современного человечества в особенностях развития исторического христианства и сократического способа мышления, Ницше развивает идею ценности иррационального, витального, дионисийского начала, которое во многом отождествляется с волей к власти-могуществу жизни.

Самопреодоление воли должно пониматься в разговоре об аксиологии Ницше как важнейшая черта и смысл воли к власти. Возвышение понимается здесь как рост над самим собой.

Ницше раскрывает главную особенность ценности в морали: она не может быть рядоположенной обычным стратегическим / прагматическим целям, так же как и понятие Бога.

Интересно, что с точки зрения для классической рационалистской традиции в этике здесь сразу бросается в глаза проблема — отсутствие целеполагания вообще устраняет наши привычные возможности мыслить мораль как моральное целеполагание. Следует подчеркнуть, что идея конструирования (переоценки) ценностей у Ницше должна с нашей точки зрения пониматься именно в контексте идеи автономности морального субъекта, предполагающей его опору только на собственную / личную ответственность по отношению к вопросу о ценном. Контекст Ницше задает следующее понимание: если главная идея — тема автономии субъекта, то вопрос переоценки ценностей — это вопрос о форме воления, в которой проявляется субъект ценностного целеполагания («субъект морали»).

Kosorukova Alexandra

F. NIETZSCHE' THE NOTION OF VALUE AS THE QUESTION OF THE AUTONOMY OF MORALITY

One of the most important interpretations of the values was expressed in the philosophy of F. Nietzsche. This concept is associated with the acceptance of something as meaningful, volitional approval of something. The concept of reevaluation of all values is determined through the description of the will as the will to power / strength.

The context of this definition of values provides the question of what is morality, moral consciousness in a situation of designing values. Summing up F. Nietzsche' thoughts over the theme of reevaluation of values, we can say that values have such an approval of the phenomenon which meets the criteria of growth, increase strength and power, that is, of prosperity, and 2) self-overcoming, and 3) the eternal return of the same, 4) integrity of the person.

The relationship between values and growth of the will to power as well as the notion of the will to power grows in F. Nietzsche' about the origins of nihilism, which is called in his works a terrible guest standing in front of humanity. Seeing the roots of the nihilistic mindset of modern humanity in the development of historical Christianity and the Socratic way of thinking, Nietzsche

develops the idea of the value of the irrational, vital, Dionysian principle, which is largely identified with will to power—the power of life.

Self-overcoming should be understood in a conversation about the axiology of Nietzsche as a major feature of the will to power. The growth is understood here as the growth over himself. Nietzsche reveals the main feature of the values in morals: it may not be similar to conventional strategic / pragmatic goals, as well as the concept of God.

From the point of view from the classical rationalist tradition in ethics there is a problem: morality as a moral goal-setting is unsustainable without goals. It should be emphasized that the idea of constructing (revaluation) of values must be understood in the context of the idea of moral autonomy of the subject, including its reliance only on one's own / personal responsibility to the issue of values. The context of Nietzsche's philosophy asks for the following understanding: if the main idea is the theme of the autonomy of the subject, the question of the revaluation of values is the question of the form of willing, which clearly shows the subject of values and goal-setting ("subject of morality").

Кузнецов Никита Всеволодович

Доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИОСОФИИ ЕВРАЗИЙСТВА*

Может показаться странным сопоставление понятий «нравственности» и «историософии». В самом деле историософия предполагает объективистскую, а, скорее, даже абсолютистскую точку зрения на порядок вещей. В то время как понятие «нравственности» задано межличностным горизонтом человеческого мировосприятия. Между тем, нельзя упускать из виду, что подобная демаркация, методологически правомерна только в рамках позитивистского знания в духе современной, утилитарно-прагматической учености. В горизонте же религиозной философии знание имеет принципиально иную картину очевидности. Истории западной мысли дает пример не только немецких мистиков «опоздавшего средневековья», но и «томлении» йенских романтиков, чье настроение было подхвачено Кьеркегором и воспроизведено в размышлениях представителей религиозного экзистенциализма.

Русская философия изначально включает в себя наряду с религиозно-антропологическим историософский аспект. «Слово о Законе и Благодати» Иллариона Киевского, учения старца Филофея, наконец, искания П. Я. Чаадаева и прозрения К. Н. Леонтьева могут быть поняты как предвосхищение цивилизационной перспективы истории России.

Катастрофический поворот нашей истории в начале двадцатого столетия, усугубившийся трагическим надломом в его середине и политической драмой в самом его конце устремляли русскую мысль к теме не только личной ответственности за постигшие народ испытания, но и к теме неизбежности, оправданности и очистительной силе этих испытаний. И. А. Ильин, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др. много писали об этом.

Несколько в стороне, кажется, остается одно из самых значительных философских течений послереволюционной России: евразийство. Между тем, их историософские идеи по охвату сюжетных линий, масштабу, глубине и отчетливости поставленных задач вполне могут претендовать на место наиболее перспективных в плане конструктивной интерпретации новейшей истории России. Кроме того, для нас сегодня может представлять интерес основания мотивации их исследовательской деятельности, сближавшей их с практическими предприятиями социалистического строительства в России. Сегодня трудно представить, каким мужеством (в подлинно платоновском смысле) надо было обладать Н. С. Трубецкому, П. Н. Савицкому, Л. П. Карсавину, Г. В. Вернадскому, чтобы последовательно противостоять и либеральным, и консервативным истолкованиям «смысла» русской революции и перспективы ее преодоления.

Как известно в поисках единой научно-философской методологии, способной дать универсальное обоснование цивилизационной перспективы России, и Н. С. Трубецкой, и П. Н. Савицкий и др. исходили из очевидной для них и потому имеющей аксиоматический статус интуиции «целостности Евразии». Знания подобного рода подкрепляется преимущественно опытом личного переживания, обостренного в эпоху катастрофических потрясений. Систематическое эмпирическое и теоретическое определение такого знания может формироваться на протяжении жизни несколько следующих поколений. Следовательно, в данном случае речь идет о нравственном выборе, предполагающим теоретические построения. Тем более, что этот выбор не только влечет идейное противостояние внутри революционной оппозиции, но и претендует на выработку универсальное

теории, претендующий на приближение к универсальной точке зрения, примиряющей противоборствующие стороны внутрироссийского миро-воззренческого раскола.

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ: «Историософия социальных преобразований в России», №14-03-00361.

Kuznetsov Nikita

MORAL CONDITIONS HISTORIOSOPHY EURASIANISM

It may seem strange comparison of the concepts of “morality” and “philosophy of history”. In fact historiosophy suggests objectivist, but rather, even absolutist view of the order of things. While the concept of “morality” is set interpersonal horizon of human perception of the world. Meanwhile, one can not overlook the fact that such a demarcation, methodologically justified only within the limits of the positivist knowledge in the spirit of the modern, utilitarian and pragmatic learning. In the horizon of the religious philosophy of knowledge is fundamentally different picture of the evidence. History of Western thought, is an example of not only the German mystics “latecomer Middle Ages”, but “longing” Jena romantics, whose mood was picked up by Kierkegaard and Playback plagued in the thinking of representatives of religious existentialism.

Russian philosophy initially includes, along with religious and anthropological aspect of historiosophy. “Word on Law and Grace” Hilarion of Kiev, the teaching elder Philotheus finally Hunt PY Chaadaeva KN Leontiev and insight can be understood as an anticipation of civilizational prospects of Russian history.

The catastrophic turn of our history in the early twentieth century, exacerbating-shiysya tragic bruises in the middle and the political drama at the very end rushes Russian thought to the subject of not only individual responsibility for befell testing people, but also to the theme of the inevitability, the justification and the cleansing power of these tests. IA Ilyin, S. Bulgakov, NA Berdyayev and others. Wrote about this a lot.

Several in the side, it seems, it is one of the most important philosophical currents of post-revolutionary Russia: Eurasianism. Meanwhile, their historiosophical ideas for storylines coverage, scope, depth and clarity of tasks

may well claim to be the most promising in terms of constructive interpretation of the recent history of Russia. In addition, for us today may be of interest motivation base their research activities, brings them closer to the practical enterprises of socialist construction in Russia. Today it is difficult to imagine what courage (in a truly Platonic sense) it was necessary to have NS Trubetsomu, PN Savitsky, LP Karsavina, GV Vernadsky to consistently confront and whether liberal and conservative interpretation of the “meaning” of the Russian Revolution and the Prospects of its overcoming.

As it is well known in the search for a unified scientific and philosophical methodology that can provide a universal justification tsivilizatsionnooy prospects of Russia, and NS Troubetzkoy, and PN Sawicki et al. Started from the obvious to them, and therefore has the status of axiomatic intuition “Eurasia integrity.” Knowledge of this kind is supported by the primarily tively experience personal experience, in an era of heightened catastrophic shocks. Systematic empirical and theoretical determination of this knowledge can be generated over the life of the next several generations. Therefore, in this case we are talking about moral choices, implying theoretical constructs. Moreover, this choice not only involves ideological confrontation within the revolutionary opposition, but also claims to be the production of a universal theory, applying the approach to a universal point of view, reconciling the warring parties Russian domestic ideological split.

Кузнецов Николай Степанович

Кандидат философских наук, доцент

Уральский федеральный университет им. первого президента России

Б. Н. Ельцина

АРИСТОТЕЛЬ: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ

Как известно, научная рациональность предполагает поиск объективных причин и законов действительности, а в современной науке просматривается тенденция учитывать и аксиологические компоненты. В этом плане «Этика» и «Политика» Аристотеля уникальное творение древнегреческой философии, где общественная жизнь, социальные институты рассматриваются в неразрывной связи с этикой, общественным идеалом, а последний — со спецификой человека.

Аристотель показывает обусловленность государства, собственности, семьи определенными потребностями совместной жизни людей, что необходимо учитывать и сегодня в социальных и политических науках. То, что целью правильно устроенного государства является общая польза, общее благо, пользование свободой, и, в конечном счете — счастье, позволяет увидеть в Аристотеле предшественника идей гуманизма эпохи Возрождения, где развивались идеи об уникальности и ценности человека. Отмечается также ограниченность аристотелевского гуманизма и демократизма. Одновременно показывается, что Аристотель понимал функциональное и ценностное значение гражданской свободы, ее связь с идеалом правильного государственного устройства.

В свете социальных экспериментов и трагедий XX века связь учения Аристотеля с этикой и антропологией придает его работам актуальность несмотря на многие антигуманные стороны современной жизни.

Ключевые слова: научная рациональность, этика, антропология, аксиология, свобода, благо, добродетель, счастье.

Kuznesov Nikolay

ARISTOTEL: RATIONAL FOUNDATION OF FREEDOM

As is well known, scientific rationality presupposes quest objective reasons and laws of objectivity, and in modern science we can see tendency of registration axiology components. In this aspect “Ethics” and “Politics” by Aristotel are unic creations of ancient greece philosophy, were social institutes are researche indissoluble with ethic, social ideal, and last with the specific nature of man.

Aristotel demonstrate to lead the state, private and family depend from needs of joint life of people. It is necessary to take into account in social and political sciences. Because THE AID OF state is common benefit, using of freedom, and in final — happiness, permit to see that Aristotel is a previous of ideas of humanism of Renaissance, where developed the ideas of unic and value of human.

Кулакова Анастасия Борисовна
Магистр 1 курса
Воронежский государственный университет

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА: ПОСТРОЕНИЕ НОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ЗАПРОС НОВОЙ ЭТИКИ

В данной статье рассматриваются влияния открытий квантовой механики и философия постмодерна, которые дают нам повод усомниться в однозначности имеющихся представлений об устройстве мира, его законах и сложившихся в отношении мира / существования этических нормах. В работе мы стремимся выявить предпосылки и основания, благодаря которым оформляются новые способы понимания различных сфер действительности, в частности, новая этика.

Картина мира противоречива, и это обусловлено: 1) неполнотой знаний о мире, которые мы сейчас имеем; 2) субъективностью восприятия мира. Так, квантовая механика сегодня претендует на позицию единственного объективного знания об основаниях мироздания. А постмодерн, говоря о герменевтике бытия, утверждает вседозволенность интерпретирующего / воспринимающего субъекта и отсутствие каких-либо общезначимых истин. Таким образом, мы видим, как квантовая механика ставит под сомнение восприятие реальности / фактичности, с которой мы сталкиваемся в нашем повседневном опыте, существовании. А постмодернистский дискурс деконструирует существующие картины мира, отношение к нему, то есть направляется от «старой» упорядоченности к «новому» Хаосу.

Основной вопрос нашей работы звучит следующим образом: должны ли открытия в науке и новые философские концепции, касающиеся представлений о реальности / картине мира, повлечь за собой изменения в этических представлениях? Квантовая механика и постмодерн указывают нам на то, что даже законы мира, которые мы знаем и используем в своей жизни — это искусственные способы упорядочивания реальности. Они тоже преходящи и не абсолютны. А раз мы не можем найти истины в материальной составляющей мироустройства, то, как мы можем доверять и считать справедливыми этические правила? Если нет всеобщих истин, если нет законов, приложимых ко всем уровням имманентного бытия, то, как говорить об этических нормах, которые представляются переполненными изменяющейся от народа к народу, от века к веку, от человека к человеку

субъективностью? Любая картина мира есть лишь репрезентация, образ сложившихся научных и культурных обстоятельств. Этот образ создается сознанием людей, соответственно, он необъективен. Следовательно, мир существует «картиной мира», то есть таким, каким встречается человеку. А значит, к этическим представлениям, которые имелись в той или иной культуре неприменимы понятия: истинности, объективности, справедливости, всеобщности, абсолютности и т. д.

Kulakova Anastasia

POSTMODERN DISCOURSE AND QUANTUM MECHANICS: THE CONSTRUCTION OF A NEW PICTURE OF THE WORLD AS A REQUEST FOR A NEW ETHIC

In this article the author discusses the impact of the discoveries of quantum mechanics and the philosophy of postmodernism, which give us reason to doubt the uniqueness of the existing ideas about the world, its laws and prevailing against the world / existence of ethical norms. In this paper we seek to identify the causes and grounds, which are made through new ways of understanding the different spheres of reality, in particular, the new ethics.

The world picture is inconsistent, and this is due to: 1) the incompleteness of knowledge about the world that we have now; 2) subjective perception of the world. Thus, quantum mechanics now claims to take the position of the sole basis of objective knowledge about the universe. Postmodern, speaking about the hermeneutics of existence, allows the permissiveness of interpretation / perceiver and the absence of any universally valid truths. Thus, we can see how quantum mechanics questioned the perception of reality / factuality with which we encounter in our everyday experience, existence. Postmodern discourse deconstructs the existing picture of the world, the attitude towards him, that is sent from the “old” to the ordering of the “new” Chaos.

The main question of our work is as follows: should the discoveries in science and new philosophical concepts related to perceptions of reality / world-view, entail changes in ethical views? Quantum mechanics and postmodern show us that even the laws of the world that we know and use in our lives — are artificial ways to organize reality. They, too, are transient, and are not absolute. And if we can not find the truth in the material component of the world order,

how can we trust and ethical rules be considered fair? If there are no universal truths, if no laws applicable to all levels of the immanent being, how can we talk about ethics, which seem crowded varying from nation to nation, from century to century, from human to human subjectivity? Any picture of the world is nothing but a representation, an image of the existing scientific and cultural conditions. This image is created by the consciousness of people, which means that it is not objective. Consequently, there is a world as a “picture of the world”, that is the way a person is found. This means, that the notions of truth, objectivity, fairness, universality, absoluteness, etc. are inapplicable to the ethical ideas that were of one way or another culture.

Кулик Екатерина Владимировна

Магистр 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЙ

В настоящее время рекламная деятельность является одним из эффективных методов продвижения в маркетинге, позволяющая увеличить сбыт продукции, привлечь новых клиентов, а также повысить конкурентоспособность рекламируемого товара. Правовое регулирование рекламной деятельности осуществляется Федеральным законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Статья 5 данного нормативного акта содержит общие требования к рекламе, одним из которых является, что реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная и недостоверная реклама не допускается. Критериями недобросовестной рекламы являются действия, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию физических и юридических лиц, в том числе конкурентов, содержащие некорректные сравнения рекламируемого товара с аналогами или конкурирующей продукцией, а также осуществление рекламы товаров, реклама которых запрещена существующими правилами.

Кроме законодательных актов регулирования рекламной деятельности существует Международный кодекс рекламной деятельности (Кодекс МТП), который устанавливает стандарты этичного поведения и носит рекомендательный характер. Основными принципами данного кодекса являются обеспечение законности, пристойности, честности и правдивости.

Реклама не должна оказывать отрицательное воздействие на потребителя и подрывать доверие общественности. Рекламную деятельность необходимо проводить с должным чувством ответственности, а также с общепринятыми принципами добросовестной конкуренции.

В современном мире существует практика, когда недобросовестные рекламодатели используют такие методы к рекламной деятельности, как манипулирование, например, скидки в определенный период времени, визуальный обман, скрытая реклама, осуществление рекламной кампании запрещенной продукции под видом разрешенной. Основным контингентом, который может быть подвергнут такому роду манипуляции, являются незащищенные социальные группы. Также стоит добавить, что в этическом плане наибольшую сложность вызывает реклама, которая может быть оценена как оскорбляющая некоторые социальные группы, пропагандирующая антисоциальные формы поведения и т. д.

Таким образом, ставится вопрос об этической экспертизе рекламных кампаний. Под этической экспертизой понимается исследование и/или разрешение каких-либо вопросов, решение которых требует специальных знаний, проводимое на основе научно-разработанных (верифицируемых) методик, с представлением мотивированного заключения [1].

Стоит отметить, что данную проблематику можно соотнести с парадигмами прикладной этики В. И. Бакштановского, а именно практико-ориентированной этикой, подразумевающей собою использование понятийного аппарата, разрабатываемого нормативной этикой и социальных устройств, которые обеспечивают работу этического режима и проектно-ориентированной этикой, что в свою очередь предполагает различие практичности и приложения специально производимого этического знания, используя при этом научно-практические изобретения [2].

В заключение можно сказать, что реклама играет значительную роль в жизни современного общества, влияет на поведение людей, формирует убеждения, способствует увеличению спроса на продукцию. Однако, не всегда она является добросовестной и достоверной, что в последнее время наблюдается всё чаще в связи с растущей конкуренцией и желанием как можно быстрее осуществить сбыт товара.

Литература:

1. Перов В. Ю. Особенности этической экспертизы, VII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Справедливость.

Свобода. Ответственность». 29–31 октября 2015г., Санкт-Петербург, Россия.

2. Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. 252 с.

Kulik Ekaterina

THE ETHICAL REGULATION OF ADVERTISING CAMPAIGNS

Currently, advertising is one of the most effective methods of promotion in marketing that allows increasing sales, attracting new customers, as well as increasing the competitiveness of the advertised product. Legal regulation of advertising activity is carried out by the Federal law dated March 13, 2006 no. 38-FZ “On advertising”. Article 5 of the Act contains general requirements, one of which is that advertising must be conscientious and reliable. Unfair and misleading advertising is forbidden. Criteria of unscrupulous advertising is action, discrediting honor, dignity or business reputation of individuals and legal entities, including competitors, contain incorrect comparison with analogues of the advertised product or competitive products, as well as the implementation of advertising products, advertising of which is prohibited by existing rules.

Addition to legislative acts regulating advertising activity there is international code of advertising practices (ICC/ESOMAR), which sets standards for ethical behavior and is of a recommendatory nature. The basic principles of this code are the rule of law, decency, honesty and truthfulness. Ads must not have a negative impact on consumers and undermine public confidence. Promotional activities must be conducted with due sense of responsibility, as well as with the generally accepted principles of fair competition.

In today's world, there is a practice of unscrupulous advertisers use such methods to promotional activities such as manipulation of, for example, discounts in a certain period of time, the visual deception, hidden advertising, implementation of an advertising campaign of the banned products under the guise of permitted. The main contingent of this kind of manipulation are unprotected social groups. It is also worth adding that the most difficult ethical advertising, which can be evaluated as insulting certain social groups promoting antisocial behavior etc.

Thus, this begs the question about ethical examination of advertising campaigns. Ethical expertise refers to the study and / or resolving any issues that require special knowledge, carried out based on scientifically designed techniques, submission of a reasoned opinion [1].

This perspective can be correlated with the paradigms of applied ethics by Vladimir Bakshtanovsky, namely practical oriented ethics implies itself using conceptual apparatus that developed normative ethics and social devices that provide ethical regime and project oriented ethics, which in turn implies the distinction of practicality and application specially produced ethical knowledge, using scientific and practical inventions [2].

In conclusion, we can said that advertising plays a significant role in the life of modern society; it influences on people's behavior, forms of persuasion and increases the demand for products. However, it is not always fair and reliable, because lately it is more often observed due increasing competition and a desire to implement as soon as possible the sale of goods.

Literature:

1. Vadim Perov, Especially the ethical examination, VII International Conference "Theoretical and applied ethics: Justice. Freedom. Responsibility." October, 29–30, 2015, St. Petersburg, Russia.
2. The paradigms of applied ethics. Statements. ISS. 35, special ed., Vladimir Bakshtanovsky, Nikolay Karnauhov. Tyumen: Research Institute of Applied Ethics, 2009.

Куманьков Арсений Дмитриевич

Кандидат философских наук, преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ АРИСТОТЕЛЯ — МЕЖДУ ПАЦИФИЗМОМ И МИЛИТАРИЗМОМ

В сочинениях Аристотеля мы не встретим целостной теории или философии войны, несмотря на то, что этой теме уделяется внимание в ряде работ Стагирита. С одной стороны, Аристотель, вероятно, считал, что в сфере политической философии или этики ему необходимо в первую очередь

решить более глобальные задачи, нежели сформулировать теорию войны. С другой стороны, он, видимо, полагал, что его позиция в отношении войны выражена предельно ясно и чётко в тех местах, где о ней говорится специально. Однако история философии знает немало примеров того, как Аристотеля, равно как и Дж. Локка или И. Канта, представители разных нравственных концепций войны пытаются включить в число своих предшественников и сторонников. В предлагаемом докладе нам хотелось бы определить точную атрибуцию Аристотеля по отношению к четырём основным нравственным доктринам войны: реализму, теории справедливой войны, пацифизму и милитаризму.

В настоящее время наибольшее распространение получило определение Аристотеля как прототеоретика или родоначальника теории справедливой войны. Это связано не только с тем, что Аристотель активно занимался разработкой проблемы справедливости, но и с принципиальным для Аристотеля учением о мире как основном телесе войны и разграничением естественного и узаконенного (легального) права. Эти положения в дальнейшем были развиты авторами доктрины *bellum justum* и сохраняют своё значение в современной теории справедливой войны.

Однако для Аристотеля принципиальным значением обладала хозяйственная составляющая конфликта, поэтому преумножение собственности, в том числе и рабов из числа тех, кто по природе привык к повиновению, понимается им как веская причина войны: «охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива». Аристотель, таким образом, говорит о раздвоении войны: одну ведут между собой эллины, другая ведётся с варварами. Первая кажется Стагириту ужасным злом, но война-охота на варваров воспринимается как вполне обоснованная и справедливая. В связи с этим уместным было бы говорить о двойственности проводимой Аристотелем моральной оценки войны. С одной стороны, он выступает как пацифист, осознающий пагубное влияние войн и желающий их прекращения. Однако замещение войн политикой (т. е. праксисом и лексисом) остаётся прерогативой исключительно греческого мира. Вокруг него всегда будет бушевать мир полемоса, который требует от эллинов постоянной готовности к битве. И в этом отношении Аристотель предстаёт уже не как пацифист, а как милитарист. Артикуляции этого дуализма и будет посвящён предлагаемый доклад.

ARISTOTLE'S THEORY OF WAR: BETWEEN PACIFISM AND MILITARISM

There is no coherent theory or philosophy of war in Aristotle's writings, despite the fact that Stagirite paid attention to this issue in some of his books. On the one hand, Aristotle probably thought that in the field of political philosophy and ethics it is necessary for him to start with a more global problems (such as the essence of politics or true constitutions), rather than to formulate a theory of war. On the other hand, he seems to have believed that his position on the problem of war had been expressed very clearly and precisely in those parts of his texts where he had addressed it. However, the history of philosophy is replete with examples of how adherents of different moral theories of war are trying to name Aristotle, as well as John Locke and Immanuel Kant, as one of their predecessor and proponent. We would like to determine in this presentation the exact attribution of Aristotle in relation to four main moral doctrines of war: realism, just war theory, pacifism and militarism.

Currently, the most commonly accepted identification of Aristotle as the founder or pro-theorists of just war theory. This is due not only to the fact that Aristotle elaborated the problem of justice, but also with the principles declared by Aristotle: first of all, that peace is the main telos of war and, secondly, the idea that we should distinguish natural and legal law. These provisions were further developed by the authors of bellum justum doctrine and retain their value in modern just war theory. However, we should note that economic component of the conflict was the question of the fundamental importance for Aristotle's theory of war. This made Aristotle to declare increase of possession, including possession of slaves, as a just reason for war. As he writes "even the art of war will by nature be in a manner an art of acquisition 'for the art of hunting is a part of it' that is properly employed both against wild animals and against such of mankind as though designed by nature for subjection refuse to submit to it, inasmuch as this warfare is by nature just" (Aristot. Pol. 1.1256b). Aristotle states the dichotomy of war, one waged between Hellenes, and the other is carried out with the barbarians designed by nature for subjection. The first is terrible evil in Stagirite's eyes, but the war-hunting with barbarians perceived as a quite reasonable and just. In this regard, it would be appropriate to talk about the duality of Aristotle's approach to the moral evaluation of war. On the one hand,

he acts as a pacifist who is aware of the detrimental impact of war and wants to terminate wars. However, only Hellenes are able to replace war by politics (ie praxis and lexis). The world of polemos will always rage around them, that requires the Greek's constant readiness for battle. In this respect Aristotle appears not as a pacifist but as a militarist or warmonger. The proposed report will be dedicated to the articulation of this dualism.

Курхинен Павел

Кандидат философских наук

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ЭТИКЕ

Основное утверждение нашего выступления заключается в том, что аристотелевская материалистическая этическая традиция глубоко повлияла на советскую этику. Как и Кант, Аристотель может быть назван предтечей практической философии. Из-за особых политических условий развития советскую этику часто упрекают в предвзятости. Моральный код строителя коммунизма и др. конечно влияли на философию, но все-таки и советская этика имела свои достижения, независимые от политической подоплеки. Справедливо отвергая то сведение практического духа к нравственности, которое было типично для домарксистской этики, нельзя в то же время не заметить в этой идее определенного рационального содержания. Сама попытка осмыслить нравственность как практически-ориентированное, деятельностное и активное, реализуемое сознание была, безусловно, плодотворной. Аристотель, критикуя объективно-идеалистическую этику Платона, очень точно отметил, что нас интересует не благо вообще, а достижимое благо, и что нравственность в отличие от науки говорит нам не о том, что представляют собой предметы, а о том, чего следует человеку добиваться и чего избегать. Нравственность — это не просто представления, которые умещаются в голове, но и намерения, которые реализуются в поведении. Та концептуализация нравственности, которую мы встречаем у Аристотеля и в которой в первом приближении верно схвачено действительное своеобразие этого социального феномена, была с большей или меньшей последовательностью воспринята всей последующей этической мыслью. Аристотель нацеливал философов не на абстрактные рассуждения о природе добродетели, а на реальные добродетельные

поступки, он в противовес Платону отстаивал именно практический характер этики. С нашей точки зрения, именно этика может связывать философию и жизнь. Современная этика действительно устремила взор на злободневные моральные проблемы повседневной и публичной жизни. Мораль — это не обособленная сфера деятельности человека, его поведения, а специфический способ его регуляции, не зависящий от предметного содержания действий. Надо заметить, что социальная практика играла важнейшую роль в советском философском мышлении, поэтому многочисленные этические теории были скорее не дескриптивными или описательными, а прескриптивными или предписывающими. Нормативная философия Дробницкого и другие попытки советских философов могли бы послужить и сейчас в качестве носителей некоей воспитательной функции для практической философии. Как замечал Аристотель, сколько бы мы ни изучали философию, одна из её главных функций — пропедевтическая и терапевтическая, когда целью философии является излечение того общества, в котором мы живем, иначе вся она бесполезна. Нужно познать, излечить самих себя, прежде чем управлять государством. Достижение всеобщей пользы, и блага было одной из главных целей советского общества.

Kurhinen Pavel

ARISTOTELIAN TRADITION IN SOVIET ETHICS

In my presentation main theme is that Aristotelian, as materialistic ethical tradition, deeply impacted to the Soviet Ethics. As Kant, Aristotle was ancestor of the practical philosophy. Rightly rejecting the reduction of the practical spirit of morality, which was typical for the pre-Marxist ethics, can't at the same time not to be noticed in this idea a certain rational content. The attempt to make sense of morality as a practical-oriented, activity and active, realized consciousness was certainly fruitful. As the Soviet ethic developed under pressure of Soviet politics, for it is often accused of being biased for example, because of the moral code of the builder of communism etc. of course that influenced to the Soviet ethics, but they had their achievements were regardless of policy motive. Aristotle, criticizing objectively idealistic ethics of Plato, very accurately pointed out that we are not interested in the good of all, and the achievable benefit, and that morality as opposed to science tells us not that represent objects, but of what

should be man to seek and what to avoid. Morality — it is not just a presentation that fits in the head, but the intentions are realized in behavior. That conceptualization of morality that we find in Aristotle and in which in a first approximation is true grasped the real peculiarity of this social phenomenon, it was more or less accepted by all subsequent sequence of ethical thought. That conceptualization of morality that we find in Aristotle and in which in a first approximation is true grasped the real peculiarity of this social phenomenon, it was more or less accepted by all subsequent sequence of ethical thought. Aristotle aiming philosophers not to the abstract arguments about the nature of virtue, but real virtuous deeds, he defended as opposed to Plato it is practical ethics. From our point of view only ethics can bind philosophy and real life. Modern ethics indeed fixed her gaze on the burning issues of everyday moral and public life. The moral is not an isolated sphere of activity of the person, his behavior, and the specific method of regulation that is independent of the objective content of action. It should be noted that the social practices played a crucial role in the Soviet philosophical thought, so many ethical theories were not so much descriptive than prescriptive. Normative philosophy of for example Drobnitsky and other attempts of Soviet philosophers could serve now as carriers of a certain educational function for practical philosophy. As Aristotle remarked, no matter how much we may have studied philosophy, one of its main functions — propaedeutic and therapeutic when the purpose of philosophy is the healing of the society in which we live, otherwise the whole philosophy is useless. We need to learn and to heal ourselves before to start govern. Achieving the common good and benefit was one of the main goals of Soviet society.

Лазукин Константин

Аспирант 4 курса

Общecerковная аспирантура и докторантура

имени святых Кирилла и Мефодия

ХРИСТИАНСКАЯ БИОЭТИКА: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Сравнительный анализ позиций востока и запада во многом очень затруднителен, особенно сегодня в потоке тотальной и всесторонней глобализации. Массовые переселения и большая миграция все больше размывают границы. Однако, определенная позиция сторон в отношении

морально-нравственных принципов, в том числе и понимание «естественного закона», философские воззрения, антропологические категории, аксиологические системы и историческая ретроспектива помогают проследить развитие мысли и обозначить дихотомию. Более того конкретные результаты и положения сегодняшнего общества также свидетельствует о некогда избранном курсе развития.

Вопрос отношений между христианским востоком и западом уже не впервые анализируется в научной литературе. Труды в данном направлении стали появляться еще до разделения христианской Церкви (XI в.). Меж-христианский диалог в поисках взаимопонимания продолжает существовать и до сегодняшнего дня. Но разные условия жизни, культурное наследие и многие другие причины повлияли на формирование сознания людей, проживающих на разных, хоть и компактных, территориях современной Европы. Одни и те же авторы, а часто даже одни и те же слова, воспринимались совершенно уникальным образом, получали различные (нетождественные) определения, создавая широкий спектр понятий и мнений.

Несмотря на большой объем научных работ в данном направлении, перед специалистами биоэтики с повестки дня не снимается вопрос о выборе дальнейшего пути развития человечества. Развернувшаяся баталия между технически-развитым секулярным обществом и аксиологической системой христианства продолжается. Предпринимаются попытки переосмыслить оставленное наследие и определить дальнейший курс, проложить путь к сознанию и сердцу европейца. Пристальное внимание и активное участие в данной теме принимают представители богословия. Конечно, сравнивая христианские позиции в вопросах биоэтики, нельзя стороной обойти богословскую составляющую. В такой ситуации приходится обратиться к наследию святых отцов, а так же познакомиться с позицией современных авторов богословов. Стоит подчеркнуть, что более глубокий анализ необходим, если биоэтика претендует стать не только «судом высшей инстанции», но и желает приблизить человечество к моральному консенсусу. На первых взгляд, всё общество призывает к поиску позитивистских научных решений и рациональных обоснований, но не станет ли подобный шаг очередным ошибочным «значимым действием». Не придется ли определять результат известной народной пословицей — у них «зашел ум за разум».

Действительно, назвать проделанную работу исчерпывающей не выходит, т.к. остается еще много материала и источников, которые ждут своего анализа. В некоторых случаях представленные гипотезы и поднятые вопросы не получают полного ответа или получают субъективную интерпретацию. Однако, если подобная ситуация будет воспринята как почва для дискуссии и конструктивного диалога, то и в этом случае она сыграет положительную роль.

Lazukin Konstantin

CHRISTIAN BIOETHICS: EAST AND WEST

Comparative analysis of East and West positions in many ways is very difficult, especially today in context of comprehensive globalization. The boundaries and definitions are blurred by a large migration. However, certain positions of the parties with respect to moral and ethical principles, including an understanding of “natural law”, philosophies, anthropological categories, axiological system and historical perspective help to trace the development of thought and to designate the dichotomy. Beside that specific results as well as status of nowadays society correspond to previously chosen direction of the progress.

The issue of Christian East and West relations have already analyzed in the scientific literature. Efforts in this direction started before the division of the Christian Church (XI century). Interchristian dialogue and today continues to seek common points and understanding. But, the different conditions of life, cultural heritage and many other factors influenced the formation of the consciousness of people living in different parts of modern Europe. Often, the same authors [as example: Plato, Aristotle, St. Paul, St. Augustine of Hippo] and even the same words were perceived quite unique way, received different (not identical) definition, creating a wide range of ideas and opinions.

Despite the large amount of scientific work in this direction, bioethics experts continue to search for answers to the question about the choice of the future path of human development. Raffle battle between technically developed secular society and the axiological system of Christianity is still unfinished. Attempts are being made to rethink the heritage to determine the future course, to pave the way for a European consciousness and hearts. Careful attention and active participation in this topic are representatives of theology. Of course,

while comparing the Christian position on bioethics it cannot be forgotten about the theological component. In such situation it must be applied to the heritage of the Holy Fathers, as well as get acquainted with the position of contemporary authors-theologians. It should be emphasized that such a deeper analysis is necessary, if the Bioethics pretends to be not only “the highest court of law”, but also wants to bring humanity to a moral consensus. At first glance, the whole society calls for finding scientific solutions in positivistic way and rational justification, but such a move could be another mistake of “significant actions”. Indeed, this work is not exhaustive, because there is still a lot of material and sources, awaiting analysis. In some cases, presented hypothesis and raised issues don’t get a complete answer or get a subjective interpretation. However, if such situation is perceived as a ground for discussion and constructive dialogue, in this case, it will play a positive role.

Лаптенок Александр Сергеевич

Доктор философских наук, доцент,
директор Института социально-гуманитарного образования
Белорусский государственный экономический университет, Белоруссия

ЕСТЬ ЛИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДОСТАТОЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ДЛЯ ЭТИКИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ?

Понимание добродетели как соблюдения меры предполагает наличие в культуре четкой иерархии моральных ценностей. Отсутствие четких паттернов поведения, их множественность приводит к аномии культуры и морали. Понятие нормы размывается. Соответственно, идея добродетели теряет свою четкость и определенность. Однако в современной культуре намечается поворот к тем метафизическим основаниям бытия человека, которые в той или иной степени отвергались.

Laptenok Alexander

THERE IS IN MODERN CULTURE A SUFFICIENT BASIS
FOR VIRTUE ETHICS?

Understanding virtue as compliance measures implies the presence in culture is a clear hierarchy of moral values. The lack of clear patterns of behavior,

their multiplicity leads to anomie culture and morality. The concept of the norm is eroded. Accordingly, the idea of goodness loses its clarity and certainty. However, in modern culture is about to change to the metaphysical grounds of human existence, which in one degree or another, rejected.

Ларионов Игорь Юрьевич

К. ф. н., доцент кафедры этики

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЧЕМУ МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ — ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ?*

Основная цель данного доклада — выявить причины того особого внимания, которым моральные дилеммы пользуются в этике в последние десятилетия. Важно определить, насколько на теоретическое исследование моральных дилемм влияет восприятие их существования в реальной практике. Еще в 1962 г. Э. Леммон (E. Lemmon) призывал к проведению детального анализа различных типов затруднительных в моральном отношении ситуаций, хотя сам ограничился классификацией моральных затруднений. В 1980 г. Р. Маркус (R. Marcus) предложила направить силы на изучение возможности произвести изменения в социальной жизни таким образом, чтобы минимизировать травматическое влияние моральных конфликтов. Вполне возможно, что моральные дилеммы не могут быть вычленены из контекста реальной ситуации, в которой они возникают, и по этой причине для ее исследования в большей степени подходит метод кейс-стади. Однако, по всей видимости, распространение этического партикуляризма и релятивизма препятствовало достижению указанных выше целей, так что неизбежное возникновение моральных дилемм стало рассматриваться как одно из доказательств того, что построить универсальную моральную теорию невозможно. Важнейшая в этой связи проблема — отсутствие значимых результатов в области логической демонстрации возможности / невозможности моральных дилемм и — как следствие — выдвигание на первый план теории моральных эмоций (таких как вина или угрызения совести), которая уходит от дискуссий о логической непротиворечивости и стремится к исследованию структуры того, что в данной теории считается реальным моральным сознанием. Тем самым, можно заключить,

что современная прикладная этика все еще нуждается в общей теории моральных дилемм. В заключение рассматривается роль, которую в теории моральных дилемм играют понятия «моральной неудачи» и «морального успеха». Моральный успех выступает одной из целей всякой универсальной нормативной теории, ориентированной на формулировку правил для конкретных поступков, вследствие чего для такой теории представляет проблему именно моральная неудача, возможность которой заключена в каждой моральной дилемме. Особо следует обратить внимание на случаи т. н. «моральной трагедии» (в терминологии разных авторов: «moral tragedy», «symmetrical case», «choiceless choice»), т. е. ситуации выбора, не предполагающие морального успеха вообще, поскольку их исследование может способствовать самому развитию этической теории.

* В рамках проекта РГНФ №16-03-00388а.

Larionov Igor

WHY MORAL DILEMMAS PRESENT AN IMPORTANT ISSUE FOR APPLIED ETHICS?

The main objective of the report is to make clear the reasons why moral dilemmas have received a large amount of attention in recent years. It is crucial to assess the effect of real-world problems on the theoretical research of moral dilemmas. As early as in 1962 E. Lemmon appealed for a detailed analysis of the different kinds of difficult moral situations, despite the fact that he suggested nothing more than a classification of moral dilemmas. In 1980 R. Marcus persuaded to explore possibilities of arrangement the social life so as to minimize the frustration brought about by moral conflicts. It is likely that moral dilemmas cannot be removed from the context of specific situation and thus the case-study could be used for the research in that field. It seems probable then that an expansion of ethical particularism has prevented achieving the goal. The inevitability of the moral dilemmas serves only as the evidence that the universal and unified moral theory cannot be constructed. The central problem is the failure of pure logical argumentation for or against the possibility of moral dilemmas and consequently the prominence of the theory of moral emotions (e. g. guilt and remorse) that withdraws from the discussion on logical inconsistency and

tries to reveal the characteristic of what this theory believes to be a real moral thinking.

Nevertheless the contemporary applied ethics still needs a general theory of moral dilemmas. Finally, I would like to discuss the role of the concepts of moral failure and moral success in the theory of moral dilemmas. Moral success is a specific concern of any universal normative and action-guiding ethical theory, hence moral failure that any moral dilemma entails presents an issue for that kind of theory. Of particular interest is “moral tragedy” (“symmetrical case”, “choiceless choice”) that is the situation without any moral success, as the analysis of such cases helps promoting the ethical theory.

Лисанюк Елена Николаевна

К. ф. н., доцент кафедры логики

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ И МЕДИЦИНЕ

Античное искусство врачевания и практическая аргументация тесно связаны между собой, и эта связь указывает на три важные обстоятельства: статус врача в обществе, место медицины как специальной области знания и роль врачевания как профессиональной деятельности. Обосновывать эти утверждения мы будем при помощи аналогии между врачебным и судебным делом. Данная аналогия затрагивает две группы норм, регулирующие деятельность судьи, — нормы компетенции и нормы поведения, которые мы применим к античному искусству врачевания и рассмотрим в свете двух его важнейших аспектов, деятельностного и практического. Схожий с нормами компетенции судьи деятельностный аспект назначает для искусства врачевания его цель — возвращение здоровья больному, и определяет круг лиц, которым дозволяется ее добиваться в своей профессиональной деятельности. Напоминающий нормы поведения для судей практический аспект очерчивает пути и методы достижения этой цели теми, кого считают врачами, согласно нормам компетенции. Закрепление норм компетенции и норм поведения врача в профессиональном кодексе, а деятельностного и практического аспектов искусства врачевания — в корпусе теоретических знаний, выступает необходимым и достаточным условием для того, чтобы искусство врачевания сделалось практическим искусством в смысле

τέχνη. Механизмом такого закрепления является практическая аргументация, позволяющая объединить эти нормы и конкретные действия врача в совокупность линий поведения, нацеленных на возвращение здоровья пациенту, из которых врач выбирает наиболее эффективную.

* Исследование поддержано РФНФ, проект № 15-23-01002.

Lisanyuk Elena

PERSUASION IN LAW AND MEDICINE*

The ancient art of healing and practical argumentation are closely linked, and this link points to three substantial issues: that physicians enjoy certain social status, that medicine is recognized as a special area of knowledge and that the art of healing is a profession. We use the analogy between the medicine and the judiciary for demonstrating these issues. The analogy involves two groups of norms governing the activities of judges — the norms of competence and the norms of conduct which we interpret as the actional and the practical aspects of the ancient art of healing. The actional aspect is similar to the norms of competence of the judge and it appoints the objective for the art of healing — returning the patient's health, and defines who is a physician as the person to whom it is publicly allowed to pursue this objective in the professional activities. The practical aspect is reminiscent of the judges' norms of conduct and it outlines the terms and techniques of how to achieve this objective for those who are considered physicians, according to the norms of competence. For the art of healing to become τέχνη, it is necessary and sufficient to secure its actional and practical aspects in the body of theoretical knowledge and in the appropriate professional code. Practical argumentation serves as the tools of this implementation, for it provides the physicians with special guidance of how to combine the norms pertaining to the practical and the actional aspects of the art of healing, physician's knowledge and skills, as well as the symptoms of the patient's disease of into a set of the lines of conduct aimed at returning of the health to the patient, out of which then the physician chooses the most effective.

* The support from the Russian Foundation for Humanities, project 15-23-01002 is kindly recognized.

Лобова Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО Омский государственный медицинский университет

Максименко Людмила Александровна

Доктор философских наук, заведующая кафедрой философии
и социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО Омский государственный медицинский университет, Россия

ЖИЗНЬ КАК ЭТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ МЕДИЦИНЫ*

Пристальное внимание к индивидуальной жизни во всем диапазоне ее существования (от рождения до смерти) в сочетании с идеей непрерывного улучшения ее качества на любом этапе определяет моду на «био»: био-продукты, био-косметику, био-туалеты, биоэтику, био-технологии. В отношении современной медицины акцент на «био», как ее новой реальности, является свидетельством иного понимания жизни. Возникает вопрос: насколько этот новый (иной) смысл отличен от традиционного, и каков он исходный, традиционный?

В Клятве Гиппократа суть медицины обозначена как служение человеческой жизни при любых обстоятельствах. Но что есть жизнь? В древне-греческом языке было два слова, которыми греки обозначали жизнь — *zoe* и *bios*.

Zoe есть — «жизнь вообще», никак не охарактеризованная, выраженная просто в ее факте. Под *bios*-ом понимается отдельная жизнь, извлеченная из «жизни вообще», а потому — конечная с определенными и устойчивыми характеристиками. Очевидно, что *bios* — это качественно отличный, но не самодостаточный, не автономный от *zoe* формат жизни.

Данное различие принципиально в отношении допустимых и недопустимых действий врача. Они определяются пониманием того, как соотносятся эти «жизни» между собой. Их возможные соотношения можно выразить принципами автономии и изономии, по-разному репрезентирующими «номос» (закон) в контексте медицинской практики. Аутентичным патерналистской этике Гиппократа является изономия, ибо она связана с мерой, отвечая такому равновесному распределению *zoe* и *bios*, которое пифагорейские врачи выражали словом «гармония». Автономия и ее уважение — главный принцип биоэтики, который таит в себе угрозу

поглощения зое и bios-ом. Реализуется этот принцип в медицине сегодня через оправдание и администрирование смерти, через легитимацию эвтаназии, евгеники и абортот. «Не навреди» — напоминание врачу о перво-степенности и фундаментальности «голой жизни», с которой можно взаимодействовать рационально, не противопоставляя себя ей — (правильный образ жизни, занятие физической культурой). Именно зое обладает подлинной автономией, в то время как «автономия» bios — мнимая: bios зависит от зое, он конечен, он всего лишь ее момент. Автономия биоса — угроза не столько для зое, сколько для него самого.

Принцип патернализма, столь критикуемый и вульгаризированный сегодня, с точки зрения принципа автономии, оборачивается в риторике «зое-bios» подлинным самоименованием медицины, для которой жизнь — это не столько эмпирическая данность, сколько онтологический исток.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-03-00710/16 «Категориальная оппозиция «альтруизм-эгоизм» в морально-нравственном дискурсе современности».

Lobova Tatyana, Maksimenko Ludmila

LIFE AS AN ETHICAL IMPERATIVE OF MEDICINE

Close attention to individual life in the whole range of its existence (from birth until death) combined with the idea of ceaseless improvement of its quality on any stage determines the fashion on “bio”: bio-products, bio-cosmetics, bio-toilets, bio-technologies. Talking about modern medicine, stressing “bio” as its new reality is a sign of a different understanding of life. The question arises: how is this new (different) sense differs from the traditional one and what is the original and traditional one? Hippocratic Oath defines the essence of medicine as a service to human life in any circumstances. But what is life? There were two words in ancient Greek language which defined life — zoe and bios.

Zoe is life in general, without characteristics, expressed in its very fact. Bios is a separate life, extracted from life in general and therefore it is limited with certain stable characteristics. It is obvious that bios is a qualitatively different, but not self-sufficient, not autonomous from zoe way of life.

This difference is a matter of principle for permissible and impermissible actions of a doctor. They are defined by the understanding of how these “lives”

relate to each other. Their possible relations can be expressed by principles of autonomy and isonomy, representing “nomos” (law) differently in the context of medical practice. Isonomy is authentic to Hippocratic ethics because it is connected with measure, reflecting the equilibrium distribution of zoe and bios which was called by Pythagorean doctors “harmony”. Autonomy and respecting autonomy is the main principle of bioethics, and there is a danger of absorbing zoe by bios in this principle. Today this principle is realized in modern medicine through justification and administration of death, through legitimization of euthanasia, eugenics and abortions. “Do no harm” is a reminding to a doctor about paramount and fundamental “the naked life”, which can be interacted with in a rational way, without opposing oneself to it (healthy way of life, physical culture). It is zoe which has real autonomy, whereas “autonomy” of bios is imaginary: bios depends on zoe, it is limited, it is just its moment. The autonomy of bios is a danger not so much for zoe, but for itself.

The principle of paternalism, so much criticized and vulgarized today, from the autonomy principle point of view becomes in rhetoric “zoe-bios”, real self-naming of medicine for which life is not so much and empirical reality, but ontological source.

Маклаков Владимир Тихонович

Кандидат философских наук, доцент

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

ПРОБЛЕМНЫЕ ДИСКУРСЫ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ АРИСТОТЕЛЕВОЙ ЭТИКИ

Очевиден запрос на реактуализацию философско-этического наследия великого Стагирита. С одной стороны, запрос определен общественным эффектом элиминации морали, деэтизации массового сознания и одновременной ностальгией по добродетельности и моральности. Он задан поисковым состоянием философско-научной этической мысли, недостаточностью и даже исчерпанием ресурса историко-философской реконструкции этического учения Аристотеля (как пример, «вечная» тема о сходстве срединных книг Никомаховой и Эвдемовой этик). Здесь складываются и просматриваются проблемные дискурсы, линии мышления

и любопытства, определяющие наше обращение к создателю этики. Вторая сторона — в самом Аристотеле и его теории, какими они нам сегодня даны. Речь о строении и свойствах его этической конструкции — в ней соединяются созерцательно-метафизическая и практико-ориентированная составляющие, психолого-антропологическое и социо-политическое, наивное и сущностное, эстетическое, мимесис и фронтисис. В ней просвечивают точки, зоны недосказанности, логико-концептуальной незавершенности, которые инициируют современные вопросы, вводят научную мысль в состояние проблемной рефлексии над Аристотелем. Возможно, с этим «эффектом незавершенности» связана упомянутая текстуальная проблема его этических сочинений, как будто в них присутствует рефрен «продолжение следует». И автор должен что-то додумать «в продолжение», но этого не случается. Совмещение фундаментальности, объемности, практичности и открытости — свидетельство качества «матричности» Аристотелевой этики по отношению к дальнейшей истории этического знания.

В связи с задачей продолжения и «достраивания» выделим лишь некоторые проблемные линии / темы реактуализации.

1. Аристотель в свете темы морального субъекта, которую он закладывает, давая кластер первичных понятий о моральной деятельности — добродетель, полнота добродетели, нрав, характер, склад души и т. д. Далее этот ряд получает развитие — «проницательность» (П. С. Гуревич видит ее уже у Аристотеля), «вмененность» (И. Кант), наконец, «вменяемость» (Дж. Роулз) как условие ответственного поступка и предикат субъектности в морали. К слову, «вменяемость» соотносима с «обучаемостью», подобно тому как у Аристотеля этические добродетели, формируемые воспитанием, соотносимы с дианоэтическими добродетелями, формируемыми познанием и обучением. Здесь узел современных практических вопросов и исследовательских проблем.

2. Аристотель в свете темы этоса. Концепт «этос» он рассматривает не столько как свойство индивидуального поступка, называя его «нрав» или «характер», сколько как собирательное, целостное качество полисного сообщества-государства, когда в «Политике» пишет о гражданском этосе, который складывается на основе этики, ее добродетелей. Этика лежит в основе политического управления. С современной (и обывательской) точки зрения тезис более чем наивный, но по существу это знак императивности, этике добродетели, как принято считать, не свойственный. Это открытие

локализации моральной жизни в этосе, точнее, в разнообразных этосах. Путь к истории морали как истории этосов, соответственно, к теории этоса (этосологии) как промежуточной между философией морали и прикладными этиками.

Завершить это краткое изложение, названное в подзаголовке по-киношному «Аристотель. Возвращение. Эпизоды 1 и 2» фэнтезийным финалом: Великий Аристотель в лучах славы нисходит с фрески Рафаэля «Афинская школа», оставляя позади великого Платона и всех остальных. В его левой руке не трактат «Метафизика», не «Большая этика», а «Кодекс Глобальной этики».

Maklakov Vladimir

PROBLEM DISCOURSES OF ARISTOTELIAN ETHICS REACTUALIZATION

There is obvious demand for reactualization of philosophic-ethical heritage of the great Stagirit. On the one hand the demand is determined by social effect of moral elimination going with mass consciousness deethization and simultaneous nostalgia for rectitude and morality. It is assigned with searching state of science-philosophic ethic thinking, with insufficiency and even exhaustion of the resource of historical and philosophical reconstruction of Aristotle's ethical doctrine (as, for example, the "infinite" topic about the Middle Books similarity of "Nicomachean and Eudemian Ethics"). Here we compose and prospect the problem topics, lines of thinking and curiosity that evoke our reference to the Ethics Creator. On the other hand we have Aristotle himself and his doctrine in that way as they are given nowadays. That is about the structure and properties of his ethical construction — contemplative-metaphysic and practical-oriented constituents, psychological and anthropological, social and political, naïve and essential, esthesis, mimesis and phronesis are composed in that. The points and zones of sense omissions, logical-conceptual incompleteness appear through there. All that initiate contemporary topics and introduce science thinking in the state of reflection over Aristotle. Possibly the "effect of incompleteness" is connected with mentioned above textual problem of his ethical compositions as if they had refrain "to be continued", and the author ought to think and add something "in continuation" but it hadn't happened. Superposition of fundamentality and extensionality, practicality and openness

is the evidence of “high-dimension” in Aristotelian ethics in relation to further history of ethical knowledge.

In connection with the task of continuation and “completion” we emphasize just some problem lines or reactualization topics.

1. Aristotle from moral subject standpoint that he has established with making the cluster of primary notions of moral activity — virtue, vice, virtue plenitude, temper, character, soul constitution etc. This set gets progress in further — “astuteness” (P. S. Gurevich sees it yet in Aristotelian ethics), imputeness (I.Kant), at last “responsibility” (J.Rawls) as a condition of responsible deeds and the predicate of subjectness in morals. By the way “responsibility” corresponds with “taughtability”, like in Aristotle the moral virtues formed by education correspond with diano-ethic virtues formed by cognition and learning. Here is the node of modern practical questions and investigation problems.

2. Aristotle from standpoint of ethos. He considers the concept “ethos” not so much the property of individual act, denoting it “temper” or “character”, as gathering, integral quality of polis community-state, when he writes in his “Politics” about civil ethos that is constituted at the base of ethics and its virtues. Ethics underlies political governing.

From the contemporary (and philistine) point of view the thesis is more than naïve but... This is the way to localization of moral life in ethos or rather in different ethoses. The way to the history of morals as the history of ethoses, and correspondingly to ethos theory (ethosology) as intermediate between the philosophy of morals and applied ethics. Should conclude the summary named in subtitle in movie mode “Aristotle. Return. Episodes I and II” with fantasy final. Great Aristotle in rays of glory is descending from Rafael’s fresco “Athenian school”, leaving behind great Plato and all the rest. There is neither treatise “Metaphysics” nor “Great Ethics” in his left hand but “The Codex of Global Ethics”.

Маклаков Кирил Владимирович

Кандидат биологических наук, научный сотрудник
Института Экологии Растений и Животных УрО РАН

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА АРИСТОТЕЛЕВУ ЭТИКУ

Аристотель первым применил научный подход к изучению такого житейски «понятного» и абстрактно сложного понятия, как этика. Математи-

ческий взгляд, перенятый у Пифагорейцев, позволил формулировать этические вопросы как поддающиеся математическому описанию и анализу закономерности: добродетели как «золотая середина» между крайностями человеческого характера (НЭ, Кн. II–V), благо как функция социальных взаимодействий (НЭ, Кн. I), вред как отрицательное благо, а справедливость как равновесие заслуг и благ (НЭ, Кн. V). Гениальной догадкой Аристотеля оказалось его определение Блага не как состояния, а как действия (*ergon*), процесса работы, т. е. как энергии (*energeia*), поступление которой — благо для устойчивых неравновесных систем, каковыми являются все живые существа. Такую биологическую формулировку блага можно назвать естественнонаучным прозрением Древности задолго до неравновесной термодинамики. Если животной работой и соответственно адаптивным благом являются питание, рост и размножение (популяционный рост), то к человеческому благу по Аристотелю добавляется ещё и работа его души над совершенствованием своих добродетелей.

Т. о. критерий человеческого (человечности) оказывается в этической сфере. Этические вопросы в естественной и гуманитарной науке стали рассматриваться математически с появлением теории игр, и в частности, с формулировкой Дилеммы Заключённого (ДЗ) как этического выбора и «игры со справедливостью». Саму справедливость можно трактовать как баланс благ («платежей») между игроками или равновесие Нэша. Первичное решение ДЗ в виде стратегии «око за око» (ОЗО) было известно ещё Пифагорейцам, с которыми был согласен и Аристотель, и большинство живших и живущих людей. Однако, анализ повторяемой этической игры приводит к тому, что получить больший суммарный выигрыш от долговременного взаимодействия, чем от конфликта, становится возможно при проявлении внезапного дружелюбия (McNamara et al., 2004), или «случайного прощения» (христианского или какого-либо другого). Случайность здесь должна носить характер Чуда, которое нельзя предугадать и ожидать. Адаптивное Чудо в этике — не то, что невозможно, а добро, которого мы не ждём. Исследование адаптивной динамики для ДЗ говорит, что ОЗО — исходная, но не конечная стратегия в социальной эволюции (Hofbauer, Sigmund, 1998). Прощение вряд ли можно признать справедливым актом, но в любом случае актом полностью осмысленным. Ложь искажает принцип справедливости. Согласно теории справедливости Джона Ролза (1995) справедливость это честность, но она не существует

в абсолютной форме, а возникает при взаимодействии субъектов, вырастает как социальная практика. Этим она соответствует Аристотелю в практическому Благу и противоположна

Платоновскому Благу, абсолютному, существующему самому по себе. Аристотелем же отмечен конвенциональный характер справедливости и что она различна в разных культурах (НЭ, Кн. V), но при этом органична для них, адаптированных к разным условиям. Т. о. совмещение «ветвей», растущих от разных «корней», становится сложной прикладной задачей. Геополитический вопрос о глобальной этике и справедливости встает как вопрос о глобальной открытости, честности и полной информированности, дающей возможность свободного принятия этического выбора. Чтобы осмысленно делать выбор «за» или «против», мы должны знать платёжную матрицу нашей игры. Или в какую игру мы играем? А все ли играют в эту же игру? Мы будем идти по пути социальной эволюции и выигрывать вместе или кто-то будет проигравшим?

Maklakov Kirill

NATURAL-SCIENCE VIEW ON ARISTOTLE'S ETHICS

Aristotle was the first who applied science approach to study of so worldly plain and abstractedly complicated notion as ethics. From Pythagoreans adopted mathematical sight made possible to formulate ethical topics in terms of laws subjected to mathematical description and analysis: virtues as the “golden mean” between extremes of human character (NE, I-V), the Good as the function of social interactions (NE, I), harm as negative good, and the Justice as the balance of merits and rewards (NE, V). Aristotle's genius conjecture became his definition of the Good as not a state but as an action (ergon), being-at-work, i. e. as energy (energeia), the inflow of this is the good for each stable non-equilibrium systems, those all living things belong to. This biological formulation of the Good may be called by great natural-science insight of Antiquity long before non-equilibrium thermodynamics. If animals' work and correspondingly adaptive good are nutrition, growth and reproduction (population growth) then after Aristotle the human good (or happiness) comes to be disclosed as a being-at-work of the soul in accordance with virtue, i.e. the criterion of human entity (humanness) appears in domain of ethics. Ethical questions in humanities and natural science have begun to be mathematically considered with game theory

creation, in particular from the statement of Prisoner's Dilemma (PD) as ethical choice and "game with Justice". The Justice itself can be interpreted in the form of the balance of good ("pay-offs") among players or Nash equilibrium. The primary PD solution by way of "tit for tat" (TFT) was known as long ago as Pythagoreans, and Aristotle agreed to them as well as the most of lived and living people. However, the analysis of repeated ethical game brings to that the more sum gain is possible rather from long-term interaction than from conflict if an expression of sudden goodness, or "random forgiving" (Christian or any else) is there (McNamara et al., 2004). Randomness here must be sort of Wonder that is unpredictable and unexpectable. In ethics adaptive Wonder is not that impossible but the good we do not expect. In theory adaptive dynamics for PD conveys that TFT-strategy is a pivot, rather than the aim, of the evolution (Hofbauer, Sigmund, 1998). Forgiveness may hardly be considered just but in any way it must be sensible and conscious act. Lie distorts the justice principle. According to theory of justice by John Rawls (1995) the Justice is Fairness, and it does not exist in absolute form but appears in subjects' interaction, grows up as social practice. In this it conforms to Aristotle's practical good and opposes to platonistic good, an absolute and separate entity. At the same time Aristotle pointed to conventional nature of Justice and that it is different in different cultures but is organic for them because they are adapted to different conditions. Thus combination of "branches" growing from different roots becomes a complex application task. Geopolitical issue on global ethics and justice rises as the problem of global openness, fairness and awareness that yields the possibility of free ethical choice. To make conscious choice "pro" or "con" we should know the pay-off matrix of our game. Or what is the game we play? Weather everyone plays the same game? Shall we go the way of social evolution and win together, or somebody will be a loser?

Маклакова Алина Вадимовна

Студентка 4 курса

Белгородский Национально Исследовательский университет

**ИСТОКИ ИГРЫ В АРИСТОТЕЛЕВСКОМ «МИМЕСИСЕ»
КАК СПОСОБЕ ПОЛУЧЕНИЯ УДОВОЛЬСТВИЯ ПОСРЕДСТВАМ
ПРИБРЕТЕНИЯ ЗНАНИЯ**

Античная мысль показала, что в основе искусства лежит «мимесис», который является специфическим и разнообразным подражанием. Идею

«мимесиса» более подробно рассматривали Платон и Аристотель, они наделяли огромным спектром значений данный термин. Основу творчества по мнению Платона составляет подражание. Примером такого «мимесиса» служит поэзия, которая способна подражать истине и благу. Но искусства сужают рамки спектра подражания, ограничиваясь подражанием предметов и явлений материального мира. В таком ограниченном спектре подражания Платон усматривал, ограниченность и несовершенство, так как предметы видимого мира им понимались как слабые подражания мира идей. Однако Аристотель совершил трансформацию платоновской теории, говоря о том, что, подражая вещам искусство способно представлять вещи наиболее красивыми или отвратительными, чем они есть на самом деле. Аристотелю принадлежит основная эстетическая концепция «мимесиса». Данная концепция включает в себя подражания, которое проявляется в эпосе и трагедии, а также комедии и в дифирамбической поэзии. Аристотель данные виды подражания различает в трёх отношениях: «в чём совершается подражание», «чему подражают» и «как подражают». При этом отношения «как подражают» зависит от способа воспроизведения «мимесиса», который может проявляться благодаря искусству. Другие проявляются по навыку или благодаря природному дару. Подражание присуще человеку с самого детства, что по мнению Аристотеля и отличает человека от других существ. Художник в зависимости от своей творческой цели способен сознательно произвести идеализацию, так же возвышение героев своей идеи, или же представить их в неприглядном виде, выставив героев на смех, интерпретирующий стороны художественного произведения. Аристотель целью мимесиса видит в «приобретение знания и возбуждения чувства удовольствия», которое проявляется через воспроизведение, созерцание и познание предмета. Благодаря «мимесису», человек задуманный и пережитый образ, создаёт не просто сообщения, а совершает воплощение задуманных идей. И в впоследствии «мимесис» становится истоком для донесения и воплощения идеи для интерпретирующей стороны художественного действия. «Мимесис» способствует удовольствию, которое воплощается в приобретении знаний человеком.

Maklakova Alina

THE ORIGINS OF THE GAME IN THE ARISTOTELIAN “MIMESIS”
AS A MEANS OF PLEASURE THROUGH THE ACQUISITION
OF KNOWLEDGE

Antique idea showed that the basis of art is “mimesis”, which is specific and varied imitation. The idea of “mimesis” is further discussed Plato and Aristotle, they give a huge range of meanings the term. The basis of creativity according to Plato is imitation. An example of such a “mimesis” is poetry, which is able to emulate the truth and the good. But the art of imitation narrow frame of the spectrum, limited imitation of objects and phenomena of the material world. In such a limited range of imitation Plato saw, limited and imperfect as the visible objects of the world they are understood as weak imitation of the world of ideas. However, Aristotle made the transformation of the Platonic theory, saying that, imitating things art can represent things more beautiful or disgusting than they really are. Aristotle belongs to the basic aesthetic concept of “mimesis”. This concept includes the imitation, which manifests itself in the epic and tragedy, as well as comedy and dithyrambic poetry. Aristotle distinguishes these types of role models in three respects: “What is accomplished imitation”, “imitate what” and “how to imitate.” In this relationship “as a mimic,” depends on how the play “mimesis”, which can manifest itself through art. Other appear on the skill or because of natural gift. Imitation is inherent in man from childhood, that according to Aristotle distinguishes man from other creatures. The artist depending on his creative purpose is able to consciously make an idealization, as the rise of the heroes of his ideas or to present them in an unfavorable light by putting the characters to laugh, interprets the part of the artwork. Aristotle sees the purpose of mimesis, “the acquisition of knowledge and excitement feelings of pleasure”, which manifests itself through reproduction, contemplation and cognition of the subject. Thanks to the “mimesis”, conceived and experienced by man image, creates not just a message, and makes the embodiment of the conceived ideas. And then “mimesis” becomes the source for reports and implementing ideas for interpreting the part of the artistic action. “Mimesis” promotes pleasure, which is embodied in the acquisition of knowledge by man.

Малинин Сергей Алексеевич

Аспирант 4 курса

ФГБОУ ВО Тверской государственный университет

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И. А. ИЛЬИНА В РАБОТЕ «О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ»

В трехсотых годах до н.э. этику как одна из древнейших философских дисциплин была выделена особую область знаний и до сегодняшних дней интерес к ее осмыслению не ослабевает. Вопросами этики с древних времен занимались Демокрит, Аристотель, Платон, Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель. Отечественные мыслители также проявляли интерес к проблемам этики, среди таких ученых можно выделить И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, С. Л. Франка, И. А. Ильина.

Русский философ и правовед И. А. Ильин пытался создать систему христианской философии в духе идей Киреевского и Хомякова. Большое значение на философские взгляды Ильина повлияло творчество Г. В. Ф. Гегеля, М. Штирнера, Э. Гуссерля, И. Г. Фихте. Проблемам морали и права, семьи и общества, добра и зла И. А. Ильин посвятил одну из самых дискуссионных работ «О сопротивлении злу силою». Эта книга написана в духе «православной философии» и является ответом на учение Л. Н. Толстого «о непротивленчестве». Основную ошибку в концепции толстовцев Ильин видит в отсутствии ужасного зла. Согласно учению Толстого, зло это страдание человека, добро это отсутствие страдания, любовь это жалостливое сострадание. Сопротивления злу, по мнению толстовцев, приносит новое страдание, в конечном счете, не уменьшая его.

По словам Ильина, этика толстовцев эгоцентрична, она отрицает борьбу со злом посредством единения людей в Боге, не признает государство и право как механизмы борьбы со злодеями и по сути, потворствует им. Ильин подвергает критике учение Толстого за отрыв морали от права, который приводит к абсолютизации морали и правовому нигилизму. Ильин убежден в наличии зла в мире, точнее, в душе человека. Вне души человека ничто нельзя назвать злом. По мнению Ильина, арена противостояния злу это душа человека. Только человек способен победить зло в себе, однако, если он оказывается не в силах побороть себя, долг других помочь ему в этом. Однако в этом состоит противоречие материального

и духовного аспекта. Материальная обособленность людей делает духовное воздействие неэффективным. Остается единственная возможность — физическое воздействие. Необходимость физического воздействия влияет на категорию любви, которая в таком случае выражается в решительном пресечении зла в человеке и направлении его души к Богу. Такую характеристику любви Ильин называет отрицательным ликом любви и наделяет ее способностью проявляться по отношению к каждому человеку.

Ильин также предполагает существование в мире абсолютного зла, побеждающего духовность. В таком случае «приговором любви» будет казнь злодея. Главным принципом философско-этической концепции Ильина является метафизическая концепция человека. Он является носителем божественного начала, обладает высочайшей ответственностью распоряжаться жизнью и смертью других людей. Сопrotивление злу требует высокого нравственного развития и здорового творческого правосознания. Борьба против злодея оправдана, если ведется во имя добра, что требует развитого правосознания, позволяющего найти наилучшее решение проблемы сопротивления злу.

XXI век снова ставит людей перед фундаментальной проблемой добра и зла, правомерности применения силы против насилия. Концепция активного, волевого, деятельного добра, сопротивляющегося злу, для И. А. Ильина являлась не отвлеченной теорией, а практическим руководством к действию. Концепция Ивана Александровича позволяет находить оптимальные пути борьбы со злом, в том числе и с помощью силы или не применяя насилия, соблюдая при этом нормы морали, добра и любви.

Malinin Sergei

PHILOSOPHICAL-ETHICAL CONCEPT BY I. A. ILYIN IN THE WORK “ON THE RESISTANCE TO EVIL BY FORCE”

Ethics as one of the oldest philosophical disciplines has been allocated in a special area of knowledge. Nowadays it is very popular sphere of scientist interest. Outstanding Russian philosophers such as I. V. Kireyevsky, A. S. Khomyakov, V. S. Soloviev, L. N. Tolstoy, S. L. Frank. I. A. Ilyin also showed his interest to the problems of ethics. Russian philosopher and lawyer I. A. Ilyin tried to create a system of christian philosophy in the tradition of Kireyevski and

Khomyakov. The works of G. W. F. Hegel, M. Stirner, E. Husserl, I. G. Fichte have a great influence to Ilyin's philosophical views. He has devoted one of his most discussion works "On the resistance to evil by force" to the problems of morality and law, family and society, good and evil. This book is written in the spirit of "Orthodox philosophy" and consist a response to the doctrine of L. N. Tolstoy "o neprotivlenchestve". The basic error of tolstoyan`s concept Ilyin sees in the fact that they are not recognize terrible evil. According to the doctrine of Tolstoy the evil is the human's suffering, the good is the absence of suffering, love is the compassion. The resistance to evil according to tolstoyans views brings new suffering, not reducing it finally.

According to Ilyin the tolstoyans have self-centered ethics. They denies struggle with evil through unity of people in God. They does not recognize the state and the law as mechanisms of struggle with the villains and in fact condone with last. Ilyin criticized Tolstoy's doctrine for the separation of morality from law that leads to the absolute moral and legal nihilism. Ilyin believes in the presence of evil in the world or rather in the human soul. Out of man's soul nothing can be considered as evil. According to Ilyin the soul is an arena of opposition. Only man is able to defeat the evil in himself, however if he is not able to overcome himself, the duty of others is to help him. So this is a contradiction of the material and spiritual aspect. The material apartness of people makes spiritual impact ineffective. It remains the only chance — the physical action. This necessity influence to the category of love, which embodied in the suppression to evil and in the direction of man's soul forward to God. Ilyin calls this characteristic "negative face of love". He also presupposes the existence of absolute evil in the world conquering spirituality. In this case "the verdict of Love" is the execution of a villain. The main principle of Ilyin's philosophical and ethical concept is the metaphysical concept of man. He is the carrier of the divine, he has the highest responsibility to dispose of the life and death of other people. Resistance to evil requires high moral development and healthy creative sense of justice. The struggle against the villain is justified if it conducted with the name of good, which requires the development of legal awareness that allows you to find the best solution to the problem of resistance to evil. XXI century puts people before the fundamental problem of good and evil, lawful to use force against violence again. The concept of active, strong-willed, active kindness, resisting evil was not abstract theory but the practical guide to action for I. A. Ilyin. The concept of Ivan Alexandrovich allows to find the best ways to fight with the evil, including confront by force or without violence, respecting the rules of morality, kindness and love.

Малкина Светлана Михайловна

Кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ЖЕЛАНИЕ И ДОЛГ В ЭТИКЕ: КАНТ И ДЕ САД

Творчество маркиза де Сада вызывало большой интерес в философии XX века. Одним из любопытных в этическом отношении сюжетов является показ Лаканом структурной схожести этик Канта и де Сада. Статья фокусируется на динамике проблем, которые скрываются за видимостью схожести структуры. Хотя этика де Сада создает впечатление гедонистической, ее целью не является наслаждение субъекта. Так же, как и у Канта, это субъект не желающий, а подчиняющийся требованию разума. При общей нацеленности на свободу, она реализуется по-разному в рамках императивах Канта и де Сада. Лакан утверждает, что десадовский императив является средством освобождения не только либертена, но и объектов его удовольствия. Однако не свободен как сам либертен (принуждаемый вне зависимости от своего желания перешагивать через границы принятого), так и объекты его вождлений. В отличие от Канта, в этике которого человек является целью, но не средством, в этике де Сада средством становятся как жертвы либертена, так и он сам. Структурная схожесть этики Канта и де Сада состоит в том, что их императивы формулируются как всеобщие веления долга. Но если всеобщность и безусловность у Канта основана на необходимости, источником которой является разум, то безусловность у де Сада — это требование, состоящее в том, чтобы трансгрессировать любые возможные нормы вне зависимости от желания или последствий. Тем самым целью этики де Сада оказывается устремление к пределу человеческой природы, который оказывается пустым и недостижимым.

Malkina Svetlana

DESIRE AND DUTY IN ETHICS: KANT AND DE SADE

The works of Marquis de Sade aroused great interest in the XX century philosophy. One of the curious subjects in ethical aspect is Lacan's demonstration of the structural similarity of Kant's and de Sade's ethics. The article focuses on

the dynamics of the problems that are hidden behind the apparent similarity of structure. Although the ethics of Sade gives the impression to be a hedonistic, its purpose is not to enjoy. Just as in Kant's ethics, this subject isn't one who desire, but one who submit to the requirements of reason. In spite of the focus on freedom in both ethics, it is implemented differently within the imperatives of Kant and de Sade. Lacan contends that de Sade's imperative is the means of liberation not only libertine, but the objects of his pleasure too. But not only the libertine is not free himself (forced regardless of his desire to step over the boundaries of accepted), but also the objects of his lust. Unlike Kant, in whose ethics the man is the aim itself, but not the means, in the ethics of Sade's libertine becomes means, as well as his victims. The structural similarity of the ethics of Kant and Sade is that they are based on the universal imperatives as dictates of duty. But if the universality and unconditionalness of Kant's imperative is based on the necessity, the source of which is the mind, the unconditionalness in the de Sade's ethics is the requirement to transgress any possible norms regardless of desire or the consequences. Thus, the purpose of ethics of de Sade is the aspiration to the limit of human nature, which is empty and unattainable.

Мальшук Евгений Витальевич

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

К ПОНЯТИЮ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Цель доклада — критическое рассмотрение схемы исторического развития понятия дистрибутивной (распределительной) справедливости, предложенной А. В. Прокофьевым. Схема эта, вкратце, такова: в Новое время такими авторами как Локк, Юм, А. Смит аристотелевская модель справедливости была заменена менее адекватной понятию справедливости моделью Цицерона, что привело к подмене понятия добродетели понятием потребности и к индивидуалистическому пониманию собственности. В мое намерение входит показать, что анализ новоевропейского понимания распределительной справедливости должен быть дополнен, во-первых, дистинкцией блага и ресурсов и, во-вторых, отличием понятия распределения от понятия передачи. Итогом такого дополнения

окажется возможность указать на специфически новоевропейские способы понимания блага и социальной справедливости, не смешанные с позднейшим, марксовым понятием собственности.

Malyshkin Evgeniy

ON THE NOTION OF DISTRIBUTIVE JUSTICE IN EARLY MODERN PHILOSOPHY

The purpose of the paper is a critical examination of the scheme of historical development of the concept of distributive justice, proposed by A. V. Prokofiev. This scheme, in brief, is as follows: in XVII–XVIII the Aristotelian model of justice has been replaced on less adequate model of Cicero by such writers as Locke, Hume, Adam Smith. The results was the substitution of the concept of virtue to the concept of needs and individualistic understanding of property. My intention is to show that the analysis of the modern European understanding of distributive justice must be supplemented, in the first place, by distinction between Grace and resources and, secondly, to distinguish two types of action: to distribute and to give. The result of such supplements would be an opportunity to point out the specific early modern notions of welfare and justice, distinguished from the later, Marx's concept of property.

Мальченко Александр Евгеньевич

Магистр 2 курса

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Россия

«PHRONESIS» АРИСТОТЕЛЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ

Теория действия развивается в качестве самостоятельной дисциплины в XX веке, но сама проблематика была разработана, как и во многих других случаях с философскими проблемами, еще в античности. Многие мыслители современности обращаются за ответами к Аристотелю, черпая из его философии, не теряющие актуальности идеи. В данной работе мы попытаемся рассмотреть теорию действия Аристотеля, однако, главный наш

интерес будет заострен на понятии «phronesis», который играл существенную роль в самой философии Аристотеля, но был впоследствии «забыт».

Возвращение интереса к данному понятию в настоящее время связывают с именем Мартина Хайдеггера, который огромное внимание уделял анализу шестой книги «Никомаховой этики». Собственно, саму проблематику действия развивают уже впоследствии ученики Хайдеггера — Х. Арндт, Л. Штраус, Х.-Г. Гадамер и, также испытавший влияние Хайдеггера, П. Рикер. Ключевая цель, которую преследует Хайдеггер в анализе аристотелевской философии, является восстановление утраченного баланса между теоретическим и практическим знанием, которое в свое время его учитель Э. Гуссерль обозначил как «кризис европейского рационализма».

В работе анализируется подход Хайдеггера к различению между «tehne» и «phronesis», как ключевое для дальнейшего понятия теории поступка. В философии указанных последователей Хайдеггера это находит место в характерном для каждого из них положении, что человеческое действие трактуется не как однонаправленный вектор поступка, но существующее в «ткани человеческих отношений» и обладающее историей.

Malchenko Alexander

“PHRONESIS” OF ARISTOTLE LIKE A KEY CONCEPT FOR A THEORY OF ACTION

Theory of Actions developed like particular discipline in XX but problems have their roots in ancient Greece. Many of contemporary thinkers seek answers at Aristotle. In this text, we try to consider theory of actions of Aristotle but our main interest — the concept of “phronesis”. This concept has a huge role in philosophy of Aristotle but was later “forgotten”.

Revival of interest to this concept these days connect with name of Martin Heidegger, who paid much attention to the sixth book of “Nicomachean Ethic”. The main purpose of Heidegger’s analysis of Aristotle is restoring the balance between theoretical and practical knowledge. At the time E. Husserl has designated it a “crisis of European rationalism”. This text analysis Heidegger’s approach to distinguish between “tehne” and “phronesis” was a key to further understanding of the theory of actions. The problems of actions developed by learners of Heidegger (H. Arendt, L. Strauss, and H.-G. Gadamer) and P. Ricoeur but was also influenced by Heidegger.

The philosophy of these followers of Heidegger finds a place in the characteristics of each position that, human action is not interpreted as a unidirectional vector of action, but exists in the “web of human relations” and have a history.

Махонина Юлия Валерьевна

Магистр 1 курса

Белгородский государственный университет

ЧЕЛОВЕК В «КРЕСТЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

О. РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ

В статье рассматривается взаимосвязь человека с обществом через «крест реальности» О. Розенштока-Хюсси (1888–1973) немецкого христианского диалогического мыслителя, а также выделяются общественные конфликты и пути решения их.

В своих работах О. Розеншток-Хюсси выделяет уникальный грамматический метод, с помощью которого человек и общество рассматривается через пространство и время. О. Розеншток-Хюсси, рассматривая пространство и время, разделяет внутреннее и внешнее в пространстве и прошлое и будущее во времени. Таким образом, определяется пространственно-временной «крест реальности» О. Розенштока-Хюсси.

Кроме того для каждого человека в обществе пространство — это противоборство внутренней и внешней среды. Время — это конфликт между прошлым и будущем.

В своих работах О. Розеншток-Хюсси анализирует пространственно-временные конфликты, которые захватывают пространство и время в обществе, после чего приходит к выводу, что эти бедствия можно разделить на четыре «общественных болезни»:

Болезнь 1 — «упадок». Здесь момент общественного нездоровья заключается в отказе от веры в будущее.

Болезнь 2 — «революция». Данная болезнь порождается неуважением человека к старому миропорядку и к человеку, который жил в нём.

Болезнь 3 — «война». При этом заболевании люди пытаются взять силой те территории, которые им не подвластны. Власть одного государства пытается подчинить себе территорию другого государства.

Болезнь 4 — «анархия». Эта болезнь проявляет себя в отсутствии единодушия людей внутри одного государства.

Именно благодаря этим четырём бедствиям общество «чувствует» и осознаёт свою действительность. Из чего следует, что все стороны действительности должны уравнивать друг друга, в противном случае могут произойти катастрофические последствия, выраженные выше перечисленными бедствиями. В борьбе с ними человек реализует себя, становится лучше. Эти четыре угрозы жизни общества заставляют действовать человека для защиты себя, но что будет противостоять этим бедствиям?

Начнём с войны. Первое, что мы знаем, что конец войне приходит тогда, когда заключается мир между борющимися странами. Они договариваются друг с другом, образуя единую силу.

Победить анархию возможно при достижении единодушия между гражданами внутри страны. Когда каждый человек страны прислушивается к другому человеку.

Революция и упадок уравниваются через веру старых людей в молодое поколение, а оно, в свою очередь, должно уважительно относиться к людям прошлого времени. Таким образом, упадок и революция относятся к социальному времени. Что касается анархии и войны, то они непосредственно свидетельствуют о бедствиях, происходящих в социальном пространстве.

Учитывая данное понимание положения человечества в общественной действительности, мы должны понять, как действовать и противостоять четырём бедствиям. И первое, что является правильным в таком случае, это найти тот самый элемент, который бы смог объединить каждую ось социальной действительности. Таким элементом, по мнению О. Розенштока-Хюсси является язык, выраженный в форме диалога. Так как человек в обществе всегда говорит с кем-то. Это значит, что в каком бы виде ни происходил данный диалог (письменно, устно, мысленно), он всегда будет присутствовать между человеком и другим. Поэтому по мысли О. Розенштока-Хюсси язык соединяет оси пространственно-временной действительности и разрешает все общественные конфликты.

Makhonina Yuliya

HUMAN IN A “CROSS OF REALITY” E. ROSENSTOCK-HUESSY

The article examines the human relationship with the community through a “cross of reality” E. Rosenstock-Huessy (1888–1973) of the German Christian

dialogical thinker and distinguished social conflicts and their solutions. In his works E. Rozenshtok-Huessy allocates a unique grammatical method by which human beings and society is seen through space and time. E. Rosenstock-Huessy considering space and time separates the inner and outer space, and the past and future in time. Thus, the determined spatio-temporal “cross of reality” E. Rosenstock-Huessy.

This confrontation of internal and external environment — space also for every person in the society. Time — it is a conflict between the past and the future.

In his works, E. Rosenstock-Huessy analyzes the spatial and temporal conflicts, which capture the space and time in the community, and then comes to the conclusion that these disasters can be divided into four “social disease”:

Disease 1 — “degeneration”. Here, the moment of public ill-health is the rejection of belief in the future.

Disease 2 — “revolution”. This disease is generated by the lack of respect for the old man and the world order to the person who lived in it.

Disease 3 — “war”. In this disease, people are trying to take by force the territories that they are not subject to. The power of a State trying to subdue the territory of another state.

Disease 4 — “anarchy”. The disease manifests itself in the absence of unanimity of people within a state.

It is through these four disasters society “feels” and recognizes its reality. From which it follows that all the parties need to really balance each other, otherwise may occur disastrous expressed above listed disaster. These four threats to the life of society are forced to act to protect the person himself, but that will withstand these disasters?

Let’s start with the war. First, we know that the end of war comes when the world is between the countries were fighting. They agree with each other, forming a single force.

Win anarchy possible in achieving consensus among the citizens in the country.

The Revolution and the decline balanced by the faith of the old people in the younger generation, and it, in turn, should respect the people of the last time.

Given this understanding of the situation of humanity in a social reality, we must understand how to act and confront the four disasters. And the first thing that is right in this case is to find the one item that would be able to combine each axis of social reality. This element, according to E. Rosenstock-

Huessy is the language expressed in the form of a dialogue. Since people are always talking to someone in the community. This means that no matter what happens this dialog (in writing, verbally, mentally) in whatever form, it will always be present between the individual and others. Therefore, E. Rosenstock-Huessy thought language connects the axis of the space-time reality, and allows all social conflicts.

Мешковой Егор Олегович

Магистр 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

АНТИЧНЫЕ ЭТИКИ (АРИСТОТЕЛЬ, СЕНЕКА) КАК ВОЗМОЖНЫЕ ЭТОСНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Мир, увиденный сквозь призму социального, распадается на два региона: регион личного и регион коллективного. Эти регионы тесно переплетены: социальное может жёстко навязывать свои требования (через институты, дискурсы, традицию и т. д.), может и предлагать. «Внешнее» (политический гомон, хаос потребления), проникая в самые потаённые углы «внутреннего», не просто предлагает или навязывает определённую логику мышления и логику действия, но и грозит исчезновением «внутреннего» как такового. Социальность может возвысить, но может и раздавить. Поэтому всегда стоит вопрос: как при столкновении с иным сохранить себя.

Субъект постоянно оказывается перед множеством ситуаций, в которых требуется одно предпочесть другому. Выбор осуществлять достаточно легко, если есть более или менее внятный нарратив, «сюжет» с которым можно соотносить всякое поступание. Однако, нарратив имеет бешенную интенсивность. Надеясь целостностью включающегося в него, он в то же время может буквально засосать. Иными словами, унифицировать включившегося в «сюжет», не оставив его самого. Открытый человек, как пишет Фуко — это *stultus*, глупец — тот, кто не держит своих границ, кто открыт внешнему миру в том смысле, что позволяет свободно заполнять себя всему, что может войти в него извне.

Другая сторона вопроса состоит в том, что по ту сторону постоянно мельтешащих перед глазами шаблонов мысли и действия, находятся возможности принципиально иных обликов человека. К примеру, образы «сверхчеловека», рисуемые Ницше, постольку кажутся сверхчеловеческими, не являясь таковыми по своей внутренней сути, поскольку нормой и точкой отсчёта выбирается деформированный, нигилистический индивид (являющийся таковым, поскольку погружен в окружающую его суету, или, по выражению Агамбена, в «век абсолютного господства товарной формы над всеми сторонами общественной жизни»).

Греки, не страдавшие от универсализма, образов абсолютного добра, абсолютного зла и прочих вещей, доставшихся нам от христианства, постоянно актуализировали вопрос: на чём, на каком основании можно построить этос? Аристотель в Никомаховой этике пишет, что существуют три вида жизни: грубый («скотский»), политейный и феорийный (созерцательный). Большинство, говорит Философ, сознательно выбирая скотский образ жизни, стремятся больше всего к удовольствиям, полностью обнаруживая свою низменность (EN I 3(V)). Поэтому вопрос состоит в следующем: как сформировать себя, очертить свои границы так, чтобы не свалиться в «скотский» образ жизни, как сформировать устойчивый склад души. Эта задача требует не только некоторого рода «теоретического» понимания, но и того, что греки называли заботой о себе (*epimeleia heautou*).

Античность породила огромное количество, во-первых, этосных стратегий, во-вторых, способов их аналитики. Эстафету этической мысли Аристотеля переняли стоики. Мысль стоицизма является одним из блестящих примеров как этосной стратегии, так и анализа этоса. В докладе рассматривается философия Сенеки, сформировавшаяся в то время, когда жизнь начинает пониматься как испытание, а философ всё чаще предстаёт в образе атлета, борца — того, кто постоянно находится в ситуации противостояния (неумеренным страстям, власти толпы). Для успеха этого противостояния ему требуется то, что получает название снаряжения, оснастки — это набор необходимых речей, приёмов и практик, подготовка субъекта к любой непредвиденной ситуации. Конечная цель такой заботы — сформировать такое место, топос, откуда можно будет впервые самостоятельно поступать. Иными словами, конечная цель такой заботы — утвердить себя.

Meshkovoy Yegor

ANTIQUÉ ETHICS (ARISTOTLE, SENECA)
AS POSSIBLE ETHOS STRATEGIES OF TODAY

From social perspective, all there is in the world falls within two areas: the zone of the individual and the zone of collective. These areas are intertwined, in that the society can impose its order onto the individual (via its institutions, discourse, tradition et cetera); sometimes it can just as well be an offer rather than coercion. The “external” (political hubbub, chaos of compulsive consumption), permeates the “internal”, not just offering or compelling to a certain method of thought or action rather threatening to gradually substitute the “internal”. One can be elevated by the social environment just as well as be overthrown. As long as this is the case, the question remains: how does one preserve oneself when facing what one is not — the external.

An actor inevitably experiences a multitude of situations where one has to give preference to one thing and not the other. The choice is easy to make, provided there is a more or less distinct narrative, a “scenario” one could coordinate every action with. However, a narrative is an overwhelmingly powerful element. It can endow one with sought-for integrity, but can just as well integrate an individual. In other words, an actor can become one with the “scenario”, ceasing to exist on his own. An extreme case of “open-mindedness” gives us a person who, as described by Foucault, is indeed a stultus, a fool — one who has not cared for himself, one blown by the wind and open to the external world, that is to say someone who lets all the representations from the outside world into his mind.

The greeks, not overburdened by universalist doctrine, concepts of the absolute good, the absolute evil and other things we inherited from Christianity, frequently revisited this issue: what can be the foundation for ethos? As Aristotle put it in *Nicomachean Ethics*, there are three prominent types of life: vulgar type, the political and the contemplative life. Now the mass of mankind, says the Philosopher, are evidently quite slavish in their tastes, preferring a life suitable to beasts (EN I 3(V)). Thus, the question is: how does one build oneself, draw one’s borders, avoiding the fall to bestial style of life? Approaching this problem requires not just a certain degree of theoretical understanding, but also what the greeks called “*epimeleia heautou*” — the care of the self.

The Antiquity gave birth to a multitude of ethos strategies as well as the analysis methods for them. Aristotle's thoughts on ethics were developed upon by the stoics. Stoicism is one of the more brilliant examples of both ethos strategies and ethos analysis. The report covers the base points of Seneca's philosophy, which was formed at the time when life first appeared to people as a challenge, and philosophers were regarded as athletes, fighters, ones in a perpetual opposition (against one's own passions and the pressure from the general public). In order to succeed in this opposition, a philosopher would need what is called equipment, his gear — a toolbox with necessary speeches, skills and approaches that make him ready for anything. The ultimate aim of such care for oneself is creating a place, a topos, where one could, for the first time, direct one's actions on his own. In other words, the ultimate aim of such care would be — establishing oneself.

Микиртумов Иван Борисович

Доктор философских наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой логики Санкт-Петербургский государственный университет

РИТОРИКА ОСКОРБЛЕНИЯ, ОСКОРБЛЁННЫХ ЧУВСТВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ

Оскорбление у Аристотеля — это пренебрежение, связанное с умалением чести, оскорбление в уголовном праве — это выражение негативно-отношения в неприличной форме. Как и в какой степени можно пренебрегать чувствами другого человека, особенно, если они религиозные, где пролегает граница «чувствительности» и на чём основана риторика оскорблённых чувств? Представляется, что ответы на эти вопросы связаны с непростым эпистемическим статусом утверждений о вере и с известным прагматическим требованием использовать выражения установок веры с явным указанием их обоснованности. В случае с религиозными чувствами конфликт неизбежен, ибо полагание не есть внутренняя установка верующего по отношению к предмету веры, и, более того, такая слабая форма установки уже сама по себе представляется принижением предметом веры. Для стороннего для религиозных отношений агента, напротив,

полагание здесь совершенно естественно. Внешняя форма сдерживания конфликта — нормы политической корректности, следовать которым означает соблюдать принцип кооперации Грайса в более общем плане, нежели в конкретном речевом взаимодействии. Отклонение от норм политической корректности может рассматриваться как попытка конфронтационного поведения и как провокация, или как игнорирование самой возможности оппонента по выдвижению альтернативной позиции. Принятие норм политической корректности есть уступка, хотя и менее значительная, нежели придание религиозным убеждениям статуса простого полагания. Из этого следует, что политическая корректность предполагает властные конкурентные отношения, в которых риторические практики используются как один из видов ресурсов.

Mikirtumov Ivan

RHETHORIC OF INSULT, OF INSULTED RELIGIOUS FEELINGS AND POLITICAL CORRECTNESS

An insult to Aristotle — is the neglect associated with the depreciation of honor, insult in criminal law — the expression of negative attitudes in an indecent manner. How and to what extent it is possible to neglect the other person's feelings, especially if they are religious, where lies the boundary of "sensitivity" and based on what the rhetoric of offended feelings? It seems that the answers to these questions are related to challenging epistemic status of statements about faith and a pragmatic requirement to use a known expression of belief systems with a clear indication of their validity. In the case of the religious feelings of conflict is inevitable, because there is no positing internal installation believer in relation to the subject of faith, and, moreover, such a weak form of the installation in itself seems belittling the subject of faith. For third-party religious relations agent, on the other hand, positing here is quite natural. The external form of containment of the conflict — the rules of political correctness, which means to follow to comply with the principle of Grice's cooperation more generally, rather than in a specific verbal interaction. The deviation from the norms of political correctness can be seen as an attempt to confrontational behavior and

as a provocation, or a disregard for the most possible opponent for the nomination of an alternative position. Adoption of the rules of political correctness is a concession, although less significant than imparting religious beliefs simply positing status. From this it follows that political correctness assumes power competitive relationship in which the rhetorical practice are used as one of the types of resources.

Музыкаева Елена Валентиновна

Кандидат философских наук, докторант

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ: РЕЦЕПЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ В ФИЛОСОФИИ АЛЬ-ФАРАБИ

Наследие Аристотеля на сегодняшний день считается неотъемлемой частью европейской культуры вообще, и этики в частности. Однако великий античный философ мог бы оставаться в забвении, если бы не интерес к его трудам со стороны представителей средневековой арабо-мусульманской мысли, сохранивших не только переводы основных работ Аристотеля, но и активно разрабатывавших и перерабатывавших его идеи.

В статье рассматривается роль Абу Наср аль-Фараби (870–950 гг.) в этом процессе. В исламской философской традиции Аль-Фараби называют «Вторым Учителем», указывая, тем самым, на прямую связь многих положений его учений с идеями Аристотеля, оставшегося «Первым Учителем». Особого внимания заслуживает трактовка счастья в работах исламского философа. В статье основное внимание уделяет трактату «Указание пути к счастью». По мнению аль-Фараби, счастье необходимо рассматривать как наибольшее и наивысшее благо. Оно является самым предпочтительным благом, самой совершенной целью, к которой может и должен стремиться человек. Однако для его достижения необходимо пройти определенный путь, который сопряжен с приложением усилий, совершением необходимых действий, а также неременной интеллектуальной работой. «Счастья достигают только при таком благоразумии, когда человек сознает, что и как он различает на протяжении всей своей жизни», — пишет в своем трактате аль-Фараби. На протяжении всей работы

и во многих других своих трудах средневековый мусульманский философ подчеркивает неразрывную связь разума человека и его действий.

Проводя сравнение отдельных положений, которые кажутся прямыми заимствованиями аль-Фараби у Аристотеля, можно увидеть и их коренные отличия в изложении теории счастья. Эти различия не могли не появиться, так как стали результатом влияния изменившегося культурного, исторического и политического контекстов, в которых творил средневековый философ по сравнению со своим античным предшественником. Работа аль-Фараби была адресована его современникам, которые переживали время бурных теологических споров о свободе воли человека, его места в общей картине мира.

Вместе с тем, трансформация, которой аль-Фараби подверг в свое время этику Аристотеля, оставляет поколению, живущему сегодня, ряд важных уроков, связанных с применением интеллектуального наследия предыдущих поколений. Они связаны с возможностью совместить несовместимое, разумностью использовать предыдущий опыт и с местом этики в современном интеграционном процессе.

Muzykina Elena

ARISTOTLE ETHICS: RECEPTION AND TRANSFORMATION IN PHILOSOPHY OF AL-FARABI

Nowadays the legacy of Aristotle is considered to be an integral part of European culture in general, and ethics in particular. However, the great ancient philosopher could have remained obscure, if it has not been the interest of the medieval Arab-Muslim thought to his writings which not only preserved translations of the major tracts of Aristotle, but also actively developed and processed of his ideas.

The article considers the role of Abu Nasr al-Farabi (870–950) in this process. In Islamic philosophical tradition Al-Farabi is called the “Second Master”, thus indicating a direct link of his multiple teachings with Aristotle ideas, who remained the “First Master”. Special attention is given to the interpretation of happiness in the works of Islamic philosopher. The article focuses on the tract “Appointing the Path to Happiness.” According to al-Farabi, happiness

should be regarded as the greatest and highest good. It is the most preferable good, the most perfect goal that people can and should strive for. However, to achieve happiness one needs to walk a certain path, which is associated with applying some efforts, committing certain actions, and making specific intellectual work. “Happiness is attained only through such prudence, that helps man to discern what he does and how he acts throughout his life,” — points out al-Farabi. Throughout the tract and in many other writings the medieval Muslim philosopher emphasizes the inextricable link between human mind and human actions.

Comparing some passages that appear to be direct al-Farabi’s borrowings from Aristotle, one can see their fundamental differences in presenting the theory of happiness. Those differences could not but appeared as results of cultural changes, historical and political shifts in the context of the medieval Muslim philosopher life, comparing with the environment of his ancient predecessor. The tract of al-Farabi was addressed to his contemporaries, who lived through tumultuous theological disputes about human free will and its place in the overall picture of the world.

At the same time, the transformation which al-Farabi subjected Aristotle’s ethics to, leaves our generation with a number of important lessons on learning from the application of intellectual heritage of previous generations. They are associated with the ability to reconcile irreconcilable, to use previous experience wisely and to put ethics into the right place in the modern integration process.

Мясников Андрей Геннадьевич

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры методологии науки, социальных теорий и технологий
Пензенский государственный университет

ЛОВУШКА УТОПИЗМА

В ТРАКТОВКЕ НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА И. КАНТА

Известная кантовская формулировка нравственного закона под названием «формула персональности» часто ошибочно трактуется в отечественной морально-практической философии. Эта ошибочность связана

с дизъюнктивным противопоставлением человека «как цели» и «как средства». В результате такого противопоставления возникает непреодолимый разрыв между моральным, разумным долженствованием и реальным, эмпирическим поведением человека. Из этого разрыва рождается «ловушка утопизма», которая состоит в том, что я должен относиться к другому человеку только как к цели самой по себе. А если я не действую так, то оказываюсь неморальной личностью. Такой этический максимализм легко порождает утопическое умонастроение.

Одним из первых создателей этой ловушки был известный русский философ Владимир Соловьёв. Под влиянием своего религиозно-мистического умонастроения он существенно исказил смысл кантовской формулы персональности, утверждая, что к человеку нужно относиться только как к цели самой по себе. Такая трактовка ведёт к признанию нравственного закона утопией, так как в реальной человеческой жизни данное требование невозможно реализовать.

Myasnikov Andrej

UTOPIANISM TRAP IN INTERPRETATION OF THE MORAL LAW OF I. KANT

The famous Kant formulation of the moral law under the name “personalnost formula” is often mistakenly treated in domestic moral and practical philosophy. This inaccuracy is connected with disjunctive opposition of the person “as the purposes” and “as means”. Such opposition is resulted by an insuperable gap between moral, reasonable obligation and real, empirical behavior of the person. From this gap “the utopianism trap” which consists that I have to treat other person only as to the purpose in itself is born. And if I do not act so, then it am not moral personality. Such ethical maximalism easily generates utopian mood.

The famous Russian philosopher Vladimir Solovyov was one of the first creators of this trap. Under the influence of the religious and mystical mood it significantly distorted sense of a Kant formula of a personalnost, claiming that

to the person it is necessary to treat only as the purpose in itself. Such treatment leads to recognition of the moral law a utopia as in real human life this requirement cannot be realized.

Неважай Игорь Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
Саратовская государственная юридическая академия

КОММУНИКАТИВНЫЙ НОРМОГЕНЕЗ

Стало уже привычным суждение, что право создает равенство, но не фактическое, а формальное. Право «делает» нас социально равными. В своем докладе я хочу показать противоположное, то есть что формирование отношений содержательного равенства между людьми создает правовую норму. Это утверждение важно для обоснования процесса нормогенеза как процесса коммуникации. И тогда правовая норма может быть понята как всеобщий эквивалент определенных отношений обмена между людьми. Нормогенез связан с развитием отношения типа равенства в социальной жизни. Правовая норма подобно деньгам в экономической жизни есть продукт развития отношений равенства в социальной коммуникации, в социальном обмене притязаний и их признаний. В докладе я хотел бы развить мысль Аристотеля о том, что в социальных отношениях между людьми всегда существует определенная эквивалентность. Она существует не только в ситуации, когда одинаковое лечение применяется к одинаковой болезни. Врач и пациент вступают в отношение эквивалентного обмена, которое основано на общем правиле компенсации ущерба: лечение есть компенсация ущерба, нанесенного здоровью болезнью. Больной притязает на выздоровление, а врач признает это притязание, прибегая к лечению и компенсируя ущерб. В своих исследованиях первобытных культур Б. Малиновский показал, что в основе возникновения правоотношений лежат процессы эквивалентного обмена услугами и функциями, в которых складывается сложная система взаимных обязательств. Каждое действие, как правило, санкционируется «принципом взаимности». Правовые нормы возникают в сфере эквивалентных обменов без санкций извне,

поскольку каждый индивид реализует свои частные интересы. Взаимная зависимость людей, выражаемая в воспроизводимой сети взаимных услуг, становится существенной объединительной социальной силой. Идея эквивалентной компенсации ущерба выражена древним законом талиона. Вся социальная жизнь пронизана сетью эквивалентных обменов. И эквивалентность есть условие стабильности социальных связей. Вся социальная жизнь как система взаимодействий индивидов опирается на совокупность отношений эквивалентного обмена между притязанием и признанием, ущербом и возмещением, преступлением и наказанием, говорением и пониманием, болезнью и лечением, обещанием и ожиданием и т. д. Таким образом, социальное равенство состоит в возможности каждого члена общества обменять свои услуги и функции на другие. При этом важными свойствами эквивалентных обменов является рефлексивность, симметричность и транзитивность. Я раскрываю смысл этих свойств отношений типа равенства. Наличие этих свойств обеспечивает возможность формирования правовой нормы как всеобщего эквивалента. При этом норма есть определенная символическая связь между эквивалентными действиями агентов коммуникации, связь между притязанием и его признанием. Норма фиксирует эквивалентность обмена действий коммуницирующих субъектов как обмена прав и обязанностей. Когда правовая норма не предполагает указанного эквивалентного обмена, она воспринимается как насилие и разрушает социальное органическое единство.

Nevvazhay Igor

COMMUNICATIVE GENESIS OF NORMS

It has become a familiar proposition that law creates only formal equality. Law “makes” us socially equal. In my report I am going to show, that formation of meaningful relationship of equality between people creates legal norms. This statement is important to substantiate the genesis of norms as a communication process. And then a norm can be understood as a general equivalent of certain exchange relations between people. Genesis of norms associated with

the development of relations of equality in social life. A legal norm like money in the economy is a product of relations of equality in social communication, social exchange between pretensions and recognitions. In my report I would like to develop the Aristotle's idea that in social relationships between people there is always a certain equivalence. It exists not only in situation when the same treatment is applied to the same disease. A doctor and a patient fall in a relationship of equivalent exchange, which is based on the general rule of compensation of prejudice: treatment is compensation of prejudice caused by the disease to health. A patient claims for recovery, and a doctor recognizes this claim, resorting to treatment and compensate for damage. In his studies of primitive cultures B. Malinowski showed that equivalent exchange of services and functions, which make up a complex system of mutual obligations, lays in the base of legal relations origin. Every action is usually sanctioned by "the principle of reciprocity". Legal norms appear in the sphere of equivalent exchanges without outside sanctions, because every individual realizes his private interests. The mutual dependence of people expressed in a reproducible network of mutual services, becomes an essential unifying social force. The idea about equivalent compensation of prejudice is expressed by ancient principle of retaliation. Social life is a network of equivalent exchange. And the equivalence is a condition of stability of social connections. Social life as a system of interactions of individuals based on a set of relations of equivalent exchange between pretension and recognition, prejudice and compensation, crime and punishment, speaking and understanding, disease and treatment, promise and expectation, etc. Thus, social equality consists in possibility for each individual to exchange its services and functions. Important properties of equivalent exchange is reflexiveness, symmetry, and transitiveness. I show the meaning of these properties for formation of legal norm as universal equivalent. The norm is a certain symbolic link between the equivalent actions of communicative agents, and between pretension and its recognition. Norma fixes equivalent exchange of communicative agent actions as the exchange of rights and duties. When the rule of law does not imply the specified equivalent exchange, it is perceived as violence and destroys the organic social unity.

Овчинникова Елена Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент

Чумакова Татьяна Витасовна

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ: СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Понятийно-категориальный аппарат этической мысли позволяет реконструировать этапы становления этической рефлексии в единстве исторического и логического анализа. Русская этическая мысль формировалась под непосредственным влиянием византийской интеллектуальной традиции, в рамках которой философия воспринималась как образ жизни, нравственное поучение. Это понимание философии нашло свое выражение в древнерусской книжности как первоначальном этапе этической рефлексии, в рамках которой формировались нравственные нарративы и понятийные структуры этической мысли. Следует заметить, что «ифика» (или «наука нрава») на ранних этапах развития древнерусской мысли еще не оформляется в теоретическое знание, а выражает нравоучительную традицию, формирующуюся в определенном поучительном нарративе, что позволяло совершить переход от образного мышления к понятийному, закрепить нравоучительные смыслы, выразить не только в образах, но и в понятийных структурах этическое содержание описываемых явлений. Первоначальный этап понятийного оформления русской этической мысли представляется наименее изученным, но значимым для построения генезиса категориально-понятийного аппарата русской этики. На самых ранних этапах развития философско-этической мысли возникают такие понятия, как добро, зло, благо; осмысление нравственных регулятивов, личностного начала в древнерусском обществе приводит к появлению таких понятий, как совесть, долг, честь. Таким образом, можно утверждать, что именно в древнерусской культуре сложился особый понятийный строй русской этической мысли, что сказалось на дальнейшем развитии моральной философии в России. Однако формирование собственно этики как науки и дисциплины в традиции аристотелизма с четко прописанной структурой и категориальным аппаратом можно отнести ко второй

половине XVII века. Следующий этап — этическая мысль русского Просвещения — был преимущественно ориентирован на понятийное структурирование знания, в этот период переосмысляются уже существующие этические понятия, включаются новые, как, например, термин «мораль» и ряд других понятий. К концу XVIII в. сформируется понятийно-терминологический аппарат русской философско-этической мысли (что найдет свое отражение в Словаре Академии Российской). XIX век задаст русской этической мысли различные векторы: религиозные, социальные, антропологические, натуралистические, что скажется на расширении этического понятийно-категориального аппарата, появятся такие понятия, как ответственность, солидарность, идеал, смысл жизни и ряд других.

Таким образом, можно выделить основные направления анализа становления понятийного строя русской этической мысли: историко-генетический подход, нарративный анализ, теоретико-концептуальный, позволяющий выявить категориальные доминанты в структуре морального сознания; многофакторный анализ морального сознания.

Анализ понятийно-категориального строя русской этической мысли позволяет включить разнообразие исторически формирующихся смысловых концептов в структуру современной теоретической этики и обозначить доминирующие этические основания для формирования прикладных этических исследований в современном российском обществе.

Ovchinnikova Elena, Chumakova Tatiana

RUSSIAN ETHICAL THOUGHT: THE EMERGENCE OF THE BASIC CONCEPTS

Conceptually-categorical apparatus of the ethical thought allows to reconstruct the stages of ethical reflection in the unity of the historical and logical analysis. Russian ethical thought formed under the direct influence of the Byzantine intellectual tradition in which philosophy was seen as a way of life, the moral lesson. This understanding of the philosophy was reflected in the ancient Russian books as the initial stage of ethical reflection in which ethical narratives and formed the conceptual framework of ethical thought. It should be noted that “the science temper” in the early stages of development of Old Russian thought has not made out in the theoretical knowledge and expresses didactic tradition,

emerging in a certain instructive narrative, which allowed to make a transition from figurative thinking to conceptual, secure moralizing meanings, expressed not only in images, but also in the conceptual structures of the ethical content of the described phenomena. The initial phase of the conceptual design Russian ethical thought seems the least known, but significant for the construction of the genesis of categorical and conceptual apparatus of Russian ethics. At the earliest stages of the development of philosophical and ethical thought there such thing as good and evil, good, understanding of moral regulators of ancient society, the formation of personal principle gives rise to such concepts as “conscience”, “duty”, “honor”.

Thus, it can be argued that it was in the ancient Russian culture has developed a special conceptual system of Russian ethical thought, which affected the further development of moral philosophy in Russia. Formation of the actual ethics as a science and discipline in the tradition of Aristotelian with a clear structure and categorical apparatus can be attributed to the second half of the XVII century, the next stage — the ethical thought of the Russian Enlightenment — was mainly focused on the conceptual structuring of knowledge in this period reinterpreted existing ethical concepts, includes new, as, for example, the term “morality” and a number of other concepts. By the end of the XVIII century. formed the conceptual and terminological apparatus of Russian philosophical and ethical thought (that would be reflected in the Dictionary of the Russian Academy). XIX century will ask Russian ethical thought different vectors: religious, social, anthropological, naturalistic, which would affect the expansion of the ethical conceptual-categorical apparatus, there would be concepts such as responsibility, solidarity, the ideal, the sense of life and a number of others. Thus, it is possible to identify the main directions of formation of conceptual analysis system Russian ethical thought: historical and genetic approach, which allows to trace the genesis of concepts, multivariate analysis of moral consciousness; identify conceptual dominant in the structure of moral consciousness. An analysis of the conceptual and categorical failure Russian ethical thought enables a variety of historically emerging semantic concepts in the structure of modern theoretical ethics and to identify the dominant ethical foundation for the formation of applied ethical research in contemporary Russian society.

Павлова Дарья Александровна

Магистр 1 курса

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ЭТИКА, ПОЛИТИКА И СУЩНОСТЬ У АРИСТОТЕЛЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. В. БИБИХИНА

В своих лекционных курсах В. В. Бибахин пересматривает традиционное представление об Аристотеле, актуализирует его философию для анализа текущих проблем. В частности, он подвергает критике устоявшееся деление работ Аристотеля по независимым друг от друга рубрикам, пересматривая представление об Аристотеле исключительно как об энциклопедисте. В частности, применяя его онтологические размышления о сущности-собственности (*οὐσία*) на социальную сферу и область истории. В лекционном курсе «Введение в философию права» (2001–2002), Бибахин анализирует положение «Этики» Аристотеля наряду с его положениями из «Метафизики», ставя их в контекст новейшей европейской философско-правовой мысли (Гегель, Гоббс, Руссо). Используя этот продуктивный синтез в качестве метода, Бибахин в неожиданном аспекте показывает особенности отечественной истории, а так же законотворческой деятельности. В результате, Аристотель предстает в качестве социального феноменолога. Данный подход позволяет в свою очередь совершить и обратную процедуру, а именно: увидеть в мышлении Аристотеля прежде не выявленные приемы и наблюдения. Политика, включающая в качестве одной из своих частей этику, вновь, как это и было у Аристотеля, предстает перед нами в качестве бытийной силы-возможности (*δύναμις*), тем самым противостоя тенденциям современных конструктивистских теорий. Подход Бибахина выявляет новые критические аргументы к представлению этической сферы как произвольно регулируемой человеческими намерениями и желаниями. Подобное представление Бибахина переворачивается: внимательная экспликация бытийных условий этического действия заставляет нас обратить внимание на то, что намерения и желания суть (агенты) бытия. Подобный поворот тем не менее далек от утверждения независимой от реальности сферы должноствования, каковую мы находим в работах Канта. Таким образом, мы можем говорить о новой для современности онтологии этической сферы, выводимой Бибахиным в качестве скрытого потенциала работ Аристотеля.

**ARISTOTLE'S ETHICS, POLITICS AND ESSENCE:
INTERPRETATION OF V. BIBIKHIN**

Vladimir Veniaminovich Bibikhin rethinks the traditional idea of Aristotle and actualizes his philosophy for the analysis of the current problems in his lecture courses. Particularly, he criticizes the well-established division of Aristotle's works on independent of each other rubrics and reviews the idea of Aristotle only as an encyclopaedist, specifically by applying his ontological reflection on the essence- property (οὐσία) to the social sphere and the field of history. V. Bibikhin analyses regulations of Aristotle's "Ethics" along with Aristotle's regulations from "Metaphysics" and he put them in context of modern European philosophical and legal thought (Hegel, Hobbes, Rousseau) in his lecture course "Vvedenie v Filosofiu Prava" (Introduction into Philosophy of Law) (2001–2002). Bibikhin shows features of the national history as well as legislative activity in unexpected aspect by using this efficient synthesis as a method. Consequently, Aristotle appears as social phenomenologist. In turn, this approach allows to make a reverse procedure, namely, to see methods and observations that we have never identified before in the thinking of Aristotle. Politics, which included ethics, again, as it was in Aristotle's works, appears before us as being power- capability (δύναμις), and thus confronts he trends of modern constructivist theories. Bibikhin's approach identifies new critical arguments to the idea of ethical sphere as the randomly regulated by human intentions and desires. Such Bibikhin's idea turns upside down: careful explication of existential conditions of ethical action forces us to pay attention to intentions and desires, which are (agents of) being. Such turn nevertheless is far from approval of independent from reality sphere of obligation, which we found in Kant's works. In this way, we can talk about a new ontology of ethical sphere to contemporary, derived by V. Bibikhin as the hidden potential of Aristotle's works.

Павловская Ольга Александровна

Кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси»,
Белоруссия

МОРАЛЬНО-ПРАВОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мораль и право в своей совокупности составляют целостную систему нормативного регулирования поведения людей. Взаимосвязь права и морали как ценностных структур отчетливо просматривается через такие категории, как свобода, справедливость, ответственность, уважение, честь, достоинство личности и др. В условиях современного транзитивного общества происходит перенесение акцента на личностное развитие человека, что значительно актуализирует проблемы духовно-нравственного характера. В этом отчетливо проявляется инновационный потенциал морали как социокультурного феномена. Право, формально предоставляя равные условия для всех и для каждого, становится гарантом социальной стабильности и национальной безопасности. На основе социологических данных показана специфика морально-правовой регуляции поведения учащейся молодежи в условиях современного транзитивного общества. Рассматриваются такие показатели, как оценка уровня правовых знаний, мотивации, соблюдения правовых норм, моральных императивов, религиозных предписаний. Фиксируется в ответах респондентов повышенный интерес к актуальным проблемам духовно-нравственного характера. Сделан вывод о том, что определенные сомнения и неуверенность, проявленные в оценках респондентов относительно нормативной природы права и морали, могут свидетельствовать о формировании у молодых людей критического взгляда на действие традиционных механизмов регуляции и возникновении потребности в новых формах регулирования, отвечающих требованиям современных социокультурных преобразований. В настоящее время в обществе отчетливо просматриваются оживление индивидуально-личностного уровня социальной организации, повышенный интерес к проблемам частной жизни. Результаты социологического исследования учащейся молодежи показали, что отчетливо просматривается преобладание ориентации на свою достойную самореализацию в семейно-бытовой и профессионально-деловой сферах, т. е. в своем ближайшем социальном

окружении. Полученный социологический материал позволяет охарактеризовать морально-психологические качества современного человека, необходимые для достижения успеха в жизни, реализации своих планов. Эти данные отчетливо демонстрируют преобладание в структуре личностного уровня регуляции позитивных и социально значимых качеств (ответственности, профессионализма, трудолюбия, инициативности, коммуникабельности, доброжелательности, справедливости, честности). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в реализации своих жизненных планов молодые люди в условиях современных трансформаций предпочитают значительную долю усилий возлагать на самих себя, о чем свидетельствует достаточная высокая оценка, с одной стороны, самостоятельности (40,8%), с другой — ловкости и хитрости (40,6%) как личностных качеств. Таким образом, на первые позиции в системе социальной регуляции сегодня выходит личностный уровень, где под воздействием сложных, противоречивых общественных трансформаций заметно оживились процессы индивидуальной самоидентификации и самореализации, повлекшие за собой переосмысление и осознание личностью нравственных ценностей, в целом духовно-культурного наследия. Личностный уровень социальной регуляции может быть признан наиболее динамичным и перспективным, а следовательно, может служить необходимым источником активизации и совершенствования как государственного, так и общественного уровней регуляции.

Pavlovskaya Olga

MORAL-LEGAL REGULATION OF THE BEHAVIOR OF MODERN YOUTH: SOCIOLOGICAL ASPECT

Morality and law, in their totality, constitute the integral system of normative regulation of human behavior. The relationship of law and morality as the value structures can be clearly seen through the categories such as freedom, fairness, responsibility, respect, honor and dignity of the individual, and others.

In the today's transitive society conditions, an emphasis is shifted to the personal development of the individual, which greatly intensifies the problems of spiritual-moral character. The innovative potential of the morality is clearly appeared in this as a social and cultural phenomenon. The law, formally

providing equal conditions for all and for each, is the guarantor of social stability and national security.

On the basis of sociological data, the specificity of the moral and legal regulation of behavior of students in the modern transitive society is shown. Such indicators are considered as assessment of legal knowledge level, motivation, abidance by legal norms, moral imperatives, religious prescriptions. An increased interest in actual problems of spiritual and moral character is fixed in the answers of the respondents. It is concluded that some doubt and uncertainty, manifested in the assessments of the respondents with respect to the regulatory nature of law and morality, may indicate the formation of young people's critical view on the effect of the traditional mechanisms of regulation and the appearance of need of new forms of regulation to meet the requirements of modern socio-cultural transformations.

Currently, a revival of individual-personal level of social organization, an increased interest to the problems of privacy are clearly visible in the society. The results of sociological research of studying youth have shown that there is a predominance of the orientation on their worthy self-realization in a family-household and professional-business spheres, i. e. in their immediate social environment.

The obtained sociological material allows characterizing the moral-psychological qualities of the modern man needed to succeed in life, realize his plans. These data clearly demonstrate the prevalence of the positive and socially significant qualities (responsibility, professionalism, diligence, initiative, sociability, kindness, justice, honesty) in the structure of the personal level of regulation. Noteworthy is also the fact that in the realization of their life plans, young people prefer in contemporary transformations a significant share of effort to impose on themselves, as evidenced by a high enough score on the one hand of independence (40.8%), on the other — agility and trick (40.6%) as the personal qualities.

Thus, the personal level comes to the forefront in the system of social regulation, where the processes of individual identity and self-realization were noticeably quickened under the influence of complex and contradictory social transformations, which led to the rethinking and understanding by the personality of moral values and the whole spiritual and cultural heritage. The personal level of social regulation may be recognized as the most dynamic and promising, and therefore can serve as a necessary source of revitalization and improvement of both the state and social regulation levels.

Перов Вадим Юрьевич

К. ф. н., доцент кафедры этики с возложенными обязанностями
заведующего кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нравственность в современном обществе существует как многообразие исторически и культурно обусловленных жизненных стратегий («жизненных миров») социальных и индивидуальных субъектов. Морально положительные множественные «жизненные миры» включают вариативные нормы и ценности, которые не существуют в виде логически последовательной и непротиворечивой системы, исключающую возникновение как нормативных конфликтов, так и конфликтов ценностей. Культурные, политические, экономические, социальные и т. д. противоречия в большинстве случаев осознаются в виде нравственных конфликтов: (а) они воспринимаются субъектами через призму моральных представлений и убеждений, а их осмысление происходит в этических понятиях и категориях (справедливость, доверие, честность и т. д.), (б) происходит столкновение собственно моральных норм и ценностей. В связи с этим, изучение нравственных конфликтов приобретает важное теоретическое и практическое значение. При обращении к исследованию нравственных конфликтов возникает целый ряд вопросов, связанных с пониманием их природы и попытками сформулировать основные проблемы, которые позволят определить теоретико-методологические способы их разрешения. Нравственный конфликт — это антагонизм между двумя и более положительными (отрицательными) моральными нормами/ценностями «жизненных миров» действующих субъектов. 1. Проблема определения специфики нравственного конфликта и его отличий от морально проблемных ситуаций (моральные ошибки, моральные искушения, моральные затруднения, морально экстремальные ситуации). Перечисленные морально проблемные ситуации, их анализ и поиски способов решения составляют существенную часть как теоретической, так и прикладных этик, оказывают огромное влияние на нравственную жизнь человека и общества, но не являются нравственными конфликтами в строгом смысле. 2. Проблема выявления оснований существования нравственных конфликтов. В данном контексте в центре внимания оказывается вопрос об основаниях вариативности нравственности, то есть о существовании различных

моральных норм и ценностей, между которыми и существуют нравственные конфликты. Существуют следующие основания для выявления этой вариативности: (а) по сферам общественной и индивидуальной жизни (политическая, экономическая, частная, общественная и т. д.); (б) по социальным группам (классы, демографические, национальные, профессиональные и т. д.); (с) по способам легитимации (апробативная, статусно-ролевая, ценностно-нормативная и т. д.); (d) по видам интерпретации (традиционная, рациональная, аффективная и т. д.). Особостью нравственных конфликтов является то, что субъектам конфликта невозможно уклониться от участия в его решении, поскольку любое действие или бездействие есть его практическое разрешение, которое должно иметь моральное обоснование. В связи с этим возникает ряд вопросов. Если речь идёт о нравственных конфликтах между соизмеримыми, но нередуцируемыми совокупностями моральных норм и ценностей, то возникают вопросы о критериях (а) их совместимости, то есть, являются ли существующие между ними различия антагонистическими, которые ведут к реальному, а не мнимому конфликту (б) их приоритетов, то есть, об основаниях для предпочтения и следования одним нормам /ценностям и игнорирование других; (с) моральных оснований доминирования норм /ценностей определенного «жизненного мира». Кроме того, актуальным является вопрос о толерантности в отношении других «жизненных миров», то есть, допустимо ли существование альтернативных норм /ценностей, или с ними должна вестись борьба, вплоть до использования морально оправданного насилия. Рассмотрение данных вопросов позволит создать целостную концепцию нравственных конфликтов, которая выступит основанием для поиска способов их теоретического и практического разрешения.

* Выполнено в рамках гранта РГНФ № 16-03-00388.

Perov Vadim

MORAL CONFLICTS: THE MAIN PROBLEMS

Morality in modern society exists as a diversity of historically and culturally defined strategies of life (“life-worlds”) of social and individual subjects. Moral positive plural “life worlds” include variative norms and values that do not exist as a coherent and consistent system that excludes the appearance of

as a normative conflicts and conflicts of values. Cultural, political, economic, social, and etc. contradictions in most cases understood as a moral conflict: (a) they are perceived by the subjects through the prism of moral ideas and beliefs, and their interpretation takes place in the ethical concepts and categories (justice, trust, fairness, etc.), (b) there is a collision proper moral standards and values. In this regard, the study of moral conflicts becomes an important theoretical and practical significance. At reversal to the study of moral conflict there is variety number of issues that are associated with the understanding of their nature and attempts to formulate the main problems that will determine the theoretical and methodological ways to resolve them. The moral conflict is the antagonism between the two or more positive (negative) moral norms / values of “life-worlds” of acting subjects. 1. There is a problem of defining specificity of moral conflict and its differences from the morally problematic situations (moral error, moral temptations, moral difficulties, morally extreme situations). These morally problematic situations, their analysis and searches for ways of the decision an essential part of both theoretical and applied ethics, have great influence on the moral life of man and society, but they are not moral conflicts in the strict sense. 2. There is a problem identifying the grounds of the existence of moral conflicts. In this context, the focus is the question of the basis of variation of morality, that is, the existence of different moral norms and values, between which there are ethical conflicts. There are the following reasons for this variability to identify: (a) in the spheres of social and individual life (political, economic, private, public, etc.); (b) of social groups (classes, demographic, national, professional groups, etc.); (c) according the processes of legitimation (approbative, status-and-role, value-and- normative, etc.); (d) according the types of interpretation (traditional, rational, affective, etc.). The specifics of moral conflict is that the subjects of the conflict is impossible to avoid participation in its decision because any act or omission is his practical solution, which should have a moral justification. In this regard, a number of issues arise. If it is a moral conflict between commensurable, but not reducible totality of moral norms and values, there are questions about the criteria (a)for compatibility, i. e., whether the differences between them have an antagonistic character, which lead to a real and not a fictitious conflict (b) for priorities, i. e., about the good reasons for preferring one and following norms / values and ignoring the others; (c) for moral reasons for domination of norms / values of certain “life-world”. In addition, the actual question is about tolerance towards other “life-worlds”, i. e, whether it is acceptable from a moral point of view, the existence of alternative

norms / values, or we have to confront with them until the using of morally justified violence. The study of of these matters will create the integrative concept of moral conflict, which will make the basis for the search for ways of their theoretical and practical settlement.

* Grant of Russian Foundation for Humanities № 16-03-00388.

Плашиенкова Златица

PhD., PhDr., профессор

Университет Я. А. Коменского в Братиславе, Философский факультет,
Словакия

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ Г. СКОЛИМОВСКОГО

В настоящее время существуют многие эко-философские, эко-этические, и эко-теологические концепции и тенденции. Некоторые из них являются скептические, пессимитические или апокалиптические; другие настроены весьма оптимистично. Лишь немногие из них пытаются дать реальные отправные точки к изменениям в моральных и духовных сферах наших отношений к природе, миру и всей космической реальности. Эко-философия Сколимовского принадлежит к такому типу; она может быть принята в качестве пути к экологически устойчивой жизни на нашей планете. Целью статьи является изложение проблемы ценностей в экологической этике Сколимовского, согласно которого существуют три порядка ценностей: фундаментальные ценности (ценности первого порядка), последствия фундаментальных ценностей (ценности второго порядка), а конкретные тактики и стратегии для реализации ценностей второго порядка (ценности третьего порядка). Очень важно понимать, что фундаментальные ценности укоренены в идее святости жизни, и наше принятие их побуждает нас защищать окружающую среду и выбрать хорошие стратегии для жизни. Сколимовски подчеркивает, что он не хочет, чтобы кто-нибудь отчитывал или принуждал кого-либо в принятии экологических ценностей, но лишь хочет подчеркнуть, насколько естественными и разумными они для нашего нынешнего состояния. Автор статьи покажет на пять основных экологических ценностей: почтение, ответственность, бережливость, разнообразие и справедливость для всех.

Plashienkova Zlatitsa

THE PROBLEM OF VALUES
IN ECOLOGICAL ETHICS OF H. SKOLIMOWSKI

At the present time many eco-philosophical, eco-ethical, and eco-theological concepts and trends exist. Some of them are skeptic, pessimistic or apocalyptic; others are rather optimistic. Only a few of them try to give real starting points to the changes in the moral and spiritual spheres of our attitudes towards the nature, world, and the whole reality of the cosmos. Skolimowski's eco-philosophy belongs to such a type; it includes also eco-ethics for contemporary mankind, and in our times it should be accepted as a path to sustainable life on our Planet. The aim of paper is to give the exposition of the values problem in Skolimowski's ecological ethics. According to Skolimowski, there exist three orders of values: foundation values (the first order), consequences of foundation values (second order), and specific tactics and strategies for implementations of second-order values (third order). It is very important to understand that foundation values are rooted in the idea of the sanctity life, and our acceptance of them prompts us to protect the environment and to choose good strategies for living. Skolimowski underlines that he does not wish to chastise anybody or to coerce anybody into accepting ecological values, but only to emphasize how natural and reasonable they are for our present condition. It is also the question of relationship between knowledge and values. The author of paper deal with the five main ecological values: reverence, responsibility, frugality, diversity and justice for all.

Помников Олег Иванович

Старший преподаватель

Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко, г. Луганск,
Украина

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ОСНОВАНИЙ УЧЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Учение Аристотеля о справедливости является составной частью его этики и политической философии, но вместе с тем обладает и самостоятельным значением. Несмотря на историческую дистанцию в две с половиной тысячи лет, интерес к этой части практической философии Аристотеля

до сих пор не ослабел. Можно не сомневаться, что со временем интерес к этому учению будет лишь возрастать. Наша уверенность в этом исходит из трех основных причин: 1. Высокой актуальности исследований справедливости. 2. Новых методов и приемов в изучении античной философии, позволяющих реконструировать «исходный пласт» аристотелевского учения о справедливости, которое неоднократно подвергалось искажениям в ходе многочисленных переводов и комментариев. 3. Особого типа рациональности, реализованного в этом учении. Аристотелем было не просто выдвинуто одно из учений; им была создана целостная парадигма, во многом определившая развитие мысли и сам ход истории европейской цивилизации. В отличие от Платона и его сторонников, Аристотель не надеется подчинить общественную жизнь идеальному, внешнему по отношению к действительности образцу путем устранения всего, что этому образцу не соответствует. Справедливость, в его понимании, может существовать лишь в многообразной реальности человеческих взаимоотношений; пусть несовершенной, противоречивой, но живой, подвижной, творческой. Аристотель развивает свое учение как мыслитель диалектического типа рациональности. Истина, по его мнению, всегда находится «между», и многообразие точек зрения лишь обогащает ее содержание. Человек способен действовать справедливо, принимать справедливые решения в сложных жизненных ситуациях благодаря практическому благоразумию — фронесису. В подчеркивании ведущей роли фронесиса в сфере нравственной жизни человека проявилась одна из главных теоретико-методологических установок Аристотеля, а именно — его недоверие к застывшим, лишенным движения, мертвым истинам, выраженным будь то в форме платоновской трансцендентной идеи, будь то в форме этического императива, требующего неукоснительного (а значит, слепого, безоговорочного) соблюдения. Совершая поступок, человек должен не руководствоваться готовой моделью, а осуществлять своеобразный творческий акт, выбирая из множества возможных решений — лучшее (для данной конкретной ситуации). Обосновывая преимущества справедливой жизни над несправедливой, Аристотель выстраивает целостную систему формально-логических доказательств, конституирующую роль в которых играют три ключевых понятия: цель жизни, благо, природа человека. В современных условиях, отмеченных осознанием несостоятельности «Проекта Просвещения» и актуальным поиском продуктивных альтернатив научно-философской парадигме

Модерна, и сам стиль мышления, и базовые принципы и даже некоторые отдельные понятия аристотелевского учения о справедливости оказались снова востребованными. В частности, возврат к аристотелевской телеологии и комплексному пониманию природы человека дает ключ к успешному разрешению дуализма ценностных суждений и «суждений факта». Общий вывод нашего исследования: аристотелевская парадигма справедливости далеко не исчерпала свой эвристический потенциал, и она может быть успешно применена для решения современных научно-исследовательских задач.

Pomnikov Oleg

THE PROBLEM OF DETERMINING THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS ARISTOTLE'S TEACHINGS ABOUT JUSTICE

Aristotle's doctrine of justice is an integral part of his ethics and political philosophy, but at the same time has an independent meaning. Despite the historical distance of two and a half thousand years, the interest in this part of the practical philosophy of Aristotle is still not weak. There is no doubt that over time interest in this teaching will only increase. Our confidence in this comes from three main reasons: 1. High relevance of equity research. 2. New methods and techniques in the study of ancient philosophy, allowing to reconstruct "the original layer" of the Aristotelian doctrine of justice, which has repeatedly been subjected to distortions in the course of numerous translations and commentaries. 3. A special type of rationality implemented in this doctrine. Aristotle was not just put forward one of the exercises; he created a holistic paradigm, largely determined the development of thought and the very course of the history of European civilization. Unlike Plato and his followers, Aristotle does not hope to subdue the ideal social life, in relation to the external reality the model by eliminating anything that does not conform to this pattern. Justice, in his understanding, can only exist in the diverse reality of human relationships; albeit imperfect, contradictory, but a living, mobile, creative. Aristotle developed his theory of dialectical thinker as a type of rationality. The truth, according to him, is always "between", and a diversity of perspectives enriches its content. Man is able to do justly, and to make fair decisions in difficult situations because of practical prudence — fronesisu. In emphasizing the leading role fronesisa

in the moral life of man revealed one of the main theoretical and methodological orientations of Aristotle — namely, his distrust of frozen, deprived of movement, dead truths, expressed either in the form of Plato's transcendental ideas, whether in the form of an ethical imperative, requiring rigorous (and therefore blind, unconditional) compliance. Making Act, a person must not be guided by the finished model, and to carry out a kind of creative act, choosing from a variety of possible solutions — the best (for the given situation). In justifying the benefits of fair life of the unjust, Aristotle builds a coherent system of formal logical proofs, constitutive role played by three key concepts: the purpose of life, the good of human nature. In the current context marked by the realization of insolvency “Enlightenment Project” and the search for productive alternatives to current scientific and philosophical paradigm of modernity and style of thinking itself, and the basic principles, and even some individual concepts of the Aristotelian doctrine of justice were again in demand. In particular, a return to Aristotelian teleology and integrated understanding of human nature is the key to successful resolution of the dualism of value judgments and “judgments of fact.” The overall conclusion of this study: the Aristotelian paradigm of justice is far from exhausted its heuristic potential, and it can be successfully used to solve modern scientific and research tasks.

Разин Александр Владимирович

Доктор философских наук: профессор, заведующий кафедрой
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ВОПРОСЫ И ВОЗРАЖЕНИЯ П. ЧЕРЧЛЕНД И ДЖ. СЕРЛЮ

В докладе рассматриваются вопросы возникновения морали, показывается, что для того, чтобы какие-то альтруистические формы поведения были закреплены эволюционно в структурах головного мозга и гормональной регуляции, этому должно предшествовать повторяющееся поведение, обусловленное иными, еще не закрепленными еще генетическими основаниями. Мы полагаем, что мораль, в своих исходных основаниях является как бы нерастворимым остатком вполне практического, эволюционно обусловленного эгоистического поведения. Это поведение связано с ориентацией на основе идеального образа. Но далее, конечно эволюционно могут закрепляться и такие структуры мозга и гормональной регуляции, которые отражают постоянство в отношениях с членами своей группы. Рассматривается также позиция Дж. Серля по вопросам сознания. При этом

используются введенные Дж.Серлем понятия «институциональный факт» и «разрыв». В отличие от Серля, мы считаем, что так называемый «разрыв» заполнен исторически обусловленным содержанием, связанным с устойчивыми мировоззренческими представлениями, системой общественных ценностей. Ключевые слова: Мораль, мозг, сознание, ориентация, идеальное, свобода, норма, ценность, разрыв, институциональный факт.

Razin Alexander

THE QUESTIONS AND OBJECTIONS
TO P. CHURCHLAND AND J. SEARLE

The presentation deals with questions of morality, it is shown that for any altruistic behaviors were enshrined in the evolutionary brain structures and hormonal regulation, this should be preceded by repeating the behavior that caused by other, yet still not fixed genetically bases. We believe that morality, in its original grounds is like an insoluble residue from quite practical, evolutionary conditioned selfish behavior. This behavior is connected with the orientation on the basis of an ideal image. But then, of course evolutionary can also be fix such brain structure and hormonal regulation, that reflect the constancy in relations with members of the group. The author also discusses the position J. Searle on consciousness. We used Searle's concept of "institutional fact" and "gap". Unlike Searle, we believe that the so-called "gap" filled historically due to the content associated with sustained philosophical views, the system of social values. Keywords: Morality, brain, consciousness, orientation, ideality, freedom, norm, value, gap, institutional fact.

*Решетникова Марина Александровна,
Чихачев Алексей Юрьевич*

Магистры 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет
международных отношений

ПРОБЛЕМА МОРАЛИ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тема моральности действий политиков и государств часто попадает в поле зрения исследователей. В какой степени руководители государств

соотносят свои действия с соображениями морали и этичности? Возможно ли вообще сосуществование морали и политики? Существуют ли общечеловеческие нормы морали, одинаковые и обязательные для всех государств? Эти вопросы занимают многих учёных, обращающихся к теоретическим дебатам в международных отношениях. В настоящем докладе делается попытка проследить, как тема соотношения морали и политики раскрывается главными участниками всех «больших споров» в теории международных отношений — парадигмами. Авторы придерживаются классификации «больших споров» в том виде, как она даётся петербургскими исследователями (В. Н. Конышевым, А. А. Сергуниным), т. е. по четырём дебатам.

Отметим, что второй этап развития ТМО — спор между традиционалистами и бихевиористами в 1950-е гг. — имел по большей части методологическое содержание, поэтому в настоящем сообщении он представлен в существенно меньшей степени. Либерализм-идеализм, сформировавшийся как набор сходных идей и текстов в 1920–30 гг., отличался верой в идеалы сотрудничества между государствами и мирного разрешения споров. Либералы тех лет активно уповали на механизмы Лиги Наций, разумную природу человека, нежелание воскресать ужасы Первой Мировой войны. К вопросу морали они подошли вплотную, но пока без целостной точки зрения: прослеживался лишь нарратив, что действия политиков и государств должны соотноситься с некими общепринятыми нормами цивилизованного общения. После краха межвоенного мироустройства на сцену заступил классический политический реализм. Два из шести принципов, сформулированных его патриархом, Г. Моргентау, напрямую коснулись морали. Реалисты посчитали, что государство не может руководствоваться в своих действиях соображениями высшей справедливости или универсальных ценностей. Напротив, его единственная мораль — умеренность, осторожность при последовательном соблюдении интересов. Предложить универсальную моральную систему не может ни одна страна: она лишь выдаёт собственную мораль за таковую. Не слишком велико расхождение с этими идеями было и у поздних поколений реалистов, сформировавших «неореалистический» лагерь: ставка на национальные интересы, анархичность международной среды при невозможности регулирования какими-либо общими правилами, в т. ч. и моральными, сохранилась. В 1970-е гг. с распространением идей «разрядки» в международных отношениях появился ещё один участник споров — неолиберализм. Авторы,

работавшие в этом направлении, воссоздали багаж своих предшественников в первой половине столетия, но по вопросу морали зашли дальше. Неолибералы указали на наличие ценностей, духом которых должны быть проникнуты действия современного государства: взаимовыгодное сотрудничество, защита прав и свобод человека, уважение к нормам международного права. Действия государств, таким образом, можно соотносить с международной моралью, общей для всех стран. Следование этим идеалам должно привести к новому состоянию мира: взаимозависимости, демократическому миру и т. д.

В 1980–90-е гг. вызов «неоклассическим» парадигмам бросил их общий соперник – постпозитивизм. Эти авторы, редко ассоциируя друг друга с какой-либо теорией, подвергли резкой критике «рационалистический» характер всех парадигм. Они предложили руководствоваться идеями об иррациональности жизни, вреде любой иерархии, тем более государственной, тщетности регулирования международных процессов. В логике их положений о релятивизме любого знания, крайнем прагматизме и субъективизме прочтения текста мораль предстаёт не более чем выдумкой. Лишь социальные конструктивисты предложили более-менее целостную идею о том, что любое социальное явление (следовательно, и мораль) «собирается» обществом в том виде, как это определяется текущими социальными характеристиками.

Итак, на текущий момент в ТМО не выработано консенсуса, как соотносятся мораль и политика. Полнее всего эту тему осветили неолибералы, охотно признав существование международной морали (ценностей) как идеала для всех стран. Предельно конкретными оказались (нео)реалисты, утверждающие, что мораль у каждого государства одна — интересы (что ведёт к успешной реализации интересов, то и можно считать моральным). Дальнейшего прогресса сегодня следует ожидать от конструктивистов, подошедших через идею о «сборке» любой идеи или ценности к глубокому вопросу, статичны ли моральные идеалы для государства на всём протяжении его истории, не меняется ли их содержание в зависимости от победы определённой идеологии, смены режима.

MORALITY AND INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

The issue of morality in political actions is often present in academic studies. To what extent do decision-makers refer to moral and ethical patterns? Is the co-existence of morality and politics possible? Do moral norms (common for all nations) exist? These questions are really provocative for IR theorists. In this article we try to observe how the issue of political morality is interpreted by major actors of IR debates (paradigms). Our methodological point is that there were four “grand debates” even if the second one, between traditionalism and modernism-behaviorism, essentially was about the ways and approaches to get scientific knowledge in IR studies (and that is why it is hardly involved in this report). The first theoretical approach, liberalism-idealism (1930s) was a sum of concepts and texts rather than integral paradigm. However, an intellectual heritage of its authors is coherent: the accent on international cooperation, international law and institutions, peaceful resolution of conflicts. Also, they made a certain step to the issue of morality in politics highlighting the rationality of human nature and civilized norms of state interaction. After the clash of interwar order, it is political realism which is rapidly rising. H. Morgenthau formulates its six basic principles. Among all, he postulates that there is a single valuable category for each state — national interest, and any common moral system is impossible to build. If some country tends to establish a set of universal ideas, it anyway promotes its own interests. This point of view stays similar for neorealists too: their main category “international system” does not mean the refuse from anarchic world order (K. Waltz, R. Gilpin and others). In 1970s, when the ideas of détente gained a growing popularity, neoliberal view refreshes IR theory rethinking the heritage of previous year’s idealism. Also, neoliberal authors crucially develop the research of “morality-politics» dichotomy. They argue that in international relations there are some universal values: human rights, mutually beneficial cooperation, international law, peace — evident and reasonable for any country. Hence, international morality does exist, and the states should behave accordingly this system of norms. As a result, the world order should come to a state of interdependence or even democratic peace (J. Nye, R. Keohane, A. Moravcsik and others). In last two decades of the XXth century all neoclassic paradigms fight with a common rival — postpositivism. This new party vigorously criticizes their “rational» nature assuming that any order, especially state hierarchy,

is useless. Considering postpositivist accent on relativism, radical pragmatism, subjectivism of any knowledge the morality is no more than a fiction (R. Rorty, R. Walker and others). Only social constructivists propose a coherent approach to consider any societal phenomenon including moral norms as a “construct» explained by social context (A. Wendt, N. Onuf). Today there is no dominating view on the correlation between morality and politics. Neoliberals were very strong on this issue using the concept of universal values. On the contrary, (neo realism was based on the assumption that national interest is a supreme moral rule for any state. We believe that constructivist theory could be even more successful on the topic if it combines the issues of morality and ideology, morality and regime changes.

Саввина Ольга Владимировна

Кандидат философских наук, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ «ДИЗАЙН ДЛЯ РЕАЛЬНОГО МИРА» В. ПАПАНЕКА)

В 1971 году вышла в свет работа американского дизайнера Виктора Папанека «Дизайн для реального мира». В книге отражена позиция автора относительно роли дизайнера в современном мире, его взгляды на профессиональный долг промышленного дизайнера, а также его социальную ответственность. Папанек понимает дизайн довольно широко: это и дизайн интерьеров, предметов домашнего обихода, это дизайн машин, детских площадок, радиоприёмников, т. е. материальных искусственных объектов. Папанек считает, что дизайнер создаёт среду обитания человека, которая влияет на самого человека, его образ мыслей, участвует в воспитании подрастающего поколения. Поэтому социальная ответственность дизайнера очень велика, от его работы зависит вектор человеческого развития, благополучие людей. Вся деятельность дизайнера должна быть направлена на то, как сделать мир лучше, на борьбу с социальными проблемами, помощь инвалидам и т. д.

В. Папанек считает недопустимым работать над проектом, цель которого ограничивается получением прибыли с продажи товара, созданием «милых вещичек» для избалованного потребителя. Социальная

ответственность дизайнера составляет ядро его профессиональной этики и формирует принципы профессиональной деятельности дизайнера. К основным принципам деятельности дизайнера относятся: экономия материалов, использование более дешёвых материалов, если это возможно; использование материалов, которые производятся в регионе потребления; участие групп людей в разработке (например, секретарей — в разработке офисного стула); работа дизайнера «в полях», а не в офисе. Опираясь на «Дизайн для реального мира», можно сделать вывод, что социальная ответственность и профессиональный долг неразрывно связаны между собой в профессии дизайнера. Мы полагаем, что этот принцип можно с успехом экстраполировать на другие профессии.

Savvina Olga

PROFESSIONAL ETHICS AND SOCIAL RESPONSIBILITY (AN EXAMPLE OF “DESIGN FOR THE REAL WORLD” BY V. PAPANEK)

In 1971 the book “Design for the Real world” by Victor Papanek was published in New York. The book illustrates the author’s opinion about the role of designers in the modern world; his views of the professional duty of a designer and the social responsibility of the profession. Papanek understands the design in a broad sense: this is an interior design, a design of household items, cars, playground or radios, i. e. material artificial objects. Papanek argues that a designer constructs the habitat of the human population, that influences on a human, his or her mindset and takes part the education of the next generations. That is why the social responsibility of designers is very important, the vector of human evolution, well-being of people depend on designers’ work. The designer’s activity must improve the world, solve social problems, help disable people and etcetera. V. Papanek is sure that it is not permissible for a designer to work on the project, when the aim of the project is only profit on its sale or developing of nice things for spoiled customers. The social responsibility of a designer is the core of his professional ethics and it forms the principles of designers’ professional activity. The main principles are saving materials, usage of cheaper materials if it is possible; usage of the materials which have been made in the region where the product will be consumed; the participation of future customers in the product development process (for example, secretaries participate in development

of an office chair); the work outside office. Based on “Design for the Real world” we can conclude that the social responsibility and professional duty are inextricably linked in designers’ work. We argue that this principle can be transferred to other profession.

Сандакова Людмила Борисовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Новосибирский государственный технический университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ НОРМОГЕНЕЗА В БИОЭТИКЕ

Биоэтика, являясь пространством междисциплинарного дискурса, нуждается в особой методологии экспертизы и нормативного регулирования биомедицинских исследований и внедрения биотехнологий. Искомый методологический аппарат должен обладать трансдисциплинарным статусом, а его разработка может быть реализована с помощью философского подхода. Поскольку биоэтика носит нормативный характер, методологически значимыми, в первую очередь, оказываются вопросы формирования и становления норм. В докладе рассматриваются основания интегративного подхода к проблеме нормогенеза в биоэтике и соответствующие этому подходу методологические принципы. Разработка и апробация предлагаемой теоретической модели осуществляются при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03-00173 «Философско-методологический анализ нормативных оснований биоэтики».

Возможность интегративного подхода к вопросу о природе нормативности усматривается в обращении к антропологическому смыслу любых представлений о норме. Человек при этом рассматривается как уникальный род сущего, сверхсложная динамическая система, способная за счет специфического способа структурирования биологического и социального выходить за рамки детерминации того и другого и создавать идеальную реальность, в том числе образ самого себя в мире. Экзистенциальное обнаружение себя как субъекта одновременно «в мире» и «вне мира» рождает подлинно человеческий опыт соотношения существующего, должного и возможного. Этот парадоксальный опыт определенности / неопределенности воплощается в нормативных представлениях, являющихся одним

из результатов специальных усилий человека по самоопределению и упорядочиванию своего бытия. Поскольку реализует эти усилия человек в определенных культурно-исторических условиях, последние выступают как действительность, наличный порядок и процесс, придающий нормативности некоторое ограниченное содержание. В исторически конкретном сообществе задаются уже созданные предыдущими поколениями общезначимые антропологические ориентиры, знаковые формы нормативности. Однако культура, в силу своей знаковой природы, не только допускает, но и инициирует варибельность поведения при усвоении и освоении тех или иных норм. Поэтому уже в рамках одной культуры формируются различные «жизненные миры», взаимодействие которых обуславливает изменения в существующем порядке. Чем разнообразнее и сложнее семантическое пространство культуры, тем быстрее и значительнее меняются нормативные представления, и тем острее ощущается человеком потребность в определенности границ должного. Биоэтика как теоретический дискурс и практика нормативного регулирования возникает в такой социокультурной ситуации.

Нормогенез, понятый как становящееся в дискурсе человеческое самоопределение своего противоречивого бытия в мире, стремящееся с одной стороны, к выходу за пределы наличного бытия, с другой — к сохранению собственной идентичности, в т. ч. культурной, позволяет видеть этот процесс в различных и даже противоположных проекциях. Нормогенез может быть рассмотрен как детерминированный, причем, на разных уровнях (потребность, культура, власть, язык), так и случайный (синергетический эффект взаимодействия); как непрерывный в своих изменениях (постоянная интерпретация норм теми, кто апеллирует к ней), так и дискретный, через прерывание постепенности в кризисные моменты. Объективистские и субъективистские подходы в трактовке норм можно рассматривать как взаимодополнительные. Экспертиза и диагностика процессов трансформации норм и собственно нормативных решений требует интегративного подхода, не ограниченного рамками властного дискурса. Формирование и обсуждение нормативных представлений — принципиально незавершенный процесс, составляющий содержание биоэтики. Вопрос о нормативности актуализируется каждый раз, когда расширяются возможности и проблематизируются пределы человечности.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE INTEGRATIVE APPROACH
TO THE ISSUE OF GENESIS OF NORMS IN BIOETHICS

Bioethics, as a space of interdisciplinary discourse needs special methodology for the expertise and statutory regulations of biomedical research and implementation of biotechnology. The sought methodological apparatus should possess transdisciplinary status, and can be developed with a philosophical approach. Since bioethics is normative, first of all, the issues of formation and establishment of norms are methodologically relevant. The report examines the base for the integrative approach to the genesis of the norms in bioethics and the related methodological principles. Design and testing of the proposed theoretical model are being accomplished with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, the project № 14-03-00173 “Philosophical and methodological analysis of the normative foundations for bioethics”. Possibility of an integrative approach to the question of the nature of normalization is seen in the reference to the anthropological sense of any notions of the norm. Man is regarded as a unique kind of things in existence, a super dynamic system due to specific ways of structuring biological and social capable of going beyond the limits for determination of both of them and creating an ideal reality, including the self-image in such world. Existential discovery of oneself as a subject at the same time “in the world” and “outside of the world” results in a truly human experience of relating of what really exists, what has to exist, and what may exist. Such paradoxical experience of certainty/uncertainty is embodied in the regulatory notions, which is one of the results of the special effort for self-determination and human ordering of his/her existence. Since a person is implementing these efforts in specific cultural and historical conditions, the latter appear as reality, existing order and process, giving a limited content to the normalization. In particular historically defined community, the universally valid anthropological landmarks, iconic forms of normalization have already been created by the previous generations. However, culture, because of its iconic nature, not only admits, but also initiates the variability of behavior in the process of acquisition and internalization of the certain norms. Therefore, even within the same culture the different “worlds of life”, which interaction causes changes in the existing order, can form. The genesis of norms, understood as human self-determination of his controversial life in the world, seeking, on the one hand, a departure from the present being, and on the other hand, preservation of one’s

own identity, including cultural, taking place in the discourse, allows you to see this process in a different and even opposing views. The genesis of norms can be considered as deterministic, at various levels (necessity, culture, power, language) and at the same time random (synergistic interaction effect); as continuous in its changes (constant interpretation of the norm by those who appeal to it), and discrete, through break in continuity in the times of crisis. Objectivist and subjectivist approaches to the interpretation of the norm can be regarded as mutually supplementary.

Сергеев Александр Сергеевич

Ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Бурное развитие современных информационно-коммуникационных технологий принесло нам не только дополнительные преимущества, но также повлекло за собой определенного рода издержки, одно из таких побочных явлений это размытие традиционной правовой системы защиты относительно интеллектуальной собственности.

Философская аргументация в этой сфере строится на нескольких теориях, но главным образом на теории естественного права, разработанной английским философом XVII века Джоном Локком, которая впоследствии стала распространяться и на продукты интеллектуальной деятельности. Однако приход цифровых технологий в разы осложнил ситуацию. И, если раньше экстраполяция этой теории позволяла эффективно разрешать существующий круг вопросов, то сейчас уже нет. Акт копирования и воспроизведения той или иной информации, если речь не идёт о её коммерческом использовании, едва ли воспринимается как что-то незаконное, более того, это реализация прямого нашего права — права на свободный доступ к информации. Складывается довольно неоднозначная ситуация, с одной стороны, в области интеллектуальной собственности на цифровые произведения происходит множество нарушений, с другой, предпринимаемые попытки их защиты приводят к ещё более удручающим и печальным последствиям, существенно ограничивая в правах самих пользователей, уже напрямую посягая на их фундаментальные права, и задавая ценностный конфликт.

В докладе мы рассмотрим философские и нравственные аспекты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху, существующий круг проблем, и возможные модели для их разрешения.

Sergeev Alexander

THE ISSUES OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE DIGITAL ERA

Rapid development of technology has brought us not only benefits, but also some kind of problems. One of these is dissolution the borders of the traditional system of legal protection of intellectual property.

The philosophical argument in this field of knowledge is based on several theories, but mostly on the theory of natural law developed by the English philosopher John Locke of the XVII century. This theory became extended to intellectual property products later. However, the digital technology complicated the situation at our time. And if before the extrapolation of this theory gave us the possibility to solve the existing range of issues, now it is not possible. The act of copying and reproduction of certain information is hardly can be named as something illegal in the way we are talking about non-commercial use of information. In fact we are realizing our direct right — the right to free access to information. But at the same time it is complicated situation. On the one hand in the field of intellectual property in the digital product there are a lot of violations. On the other hand, the attempts to protect them led to frustrating and tragic consequences, significantly limiting fundamental human's rights, and setting the value conflict.

In this report we consider the philosophical and moral aspects of intellectual property in the digital age. We also discuss the existing range of problems, and some models for their resolution.

Соколов Алексей Михайлович

Доктор философских наук, доцент,
профессор с возложенными обязанностями заведующего кафедрой
Санкт-Петербургский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОТЕСТ БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ *

Конфликт цивилизаций, размышления о котором появились еще в прошлом веке, в начале нынешнего столетия начал осуществляться

в полной мере. Хотя вряд ли будет правильным считать, что нынешние обострение в международной политике явление исторически новое. Совершенно очевидно, что цивилизационное противостояние стало неотъемлемой частью мировой истории с того момента, когда капиталистическая инициатива буржуазного общества вышла за пределы Западной Европы. «Колониальная реконструкция» мирового сообщества фактически претендовала на цивилизационную гегемонию Запада по отношению ко всему остальному миру. Причем, одним из приемов, применяемых капиталистическими державами для достижения своей цели, была трансляция либерально-демократических идеалов под прикрытием декларативного утверждения национальных суверенитетов. На первый взгляд может показаться, что речь действительно шла о благородной, гуманитарно-просветительской деятельности. Однако, результатом стало подчинение всех вновь созданных национальных образований глобальной финансовой системе, ранжирующей страны мирового сообщества в соответствии с местом, отведенным им в планетарном механизме капиталистического производства.

Характерным отличием современного этапа глобального управления является то, что оно стремится включить в поле своего влияния не только природные и трудовые ресурсы, но и суверенную (эмоциональную, нравственную, эстетическую) область человеческого существования. Капитал в его совершенном состоянии претендует на подчинение всего жизненного пространства человека. К чему и сводится сущность биополитики.

Эти явные изменения в образе жизни большинства наций сопровождались и продолжают сопровождаться глубинной трансформацией всего уклада их мироустройства. Нарушение хозяйственно-бытовых связей в каждом сообществе обуславливает мутации всех традиционных институций испокон веков обеспечивающих порядок в той или иной социокультурной среде. Нормы, регулирующие возрастные, половые, этнические, конфессиональные отношения, переформатированные в режим товарно-финансового кругооборота, в пространстве существования «незападных» сообществ не только утрачивают свою первоначальную конструктивную функцию, но и обнаруживают тенденцию к деструктивному перерождению. Понятно, этот процесс не сразу захватывает все сообщество. Первоначальный этап характеризуется интенсивным выделением маргинальных групп, формально декларирующих приверженность традиционным принципам. Однако ценностный горизонт, мотивирующий активность

представителей таких объединений, по сути, ограничен частными интересами. Единственно положительный момент, несколько оправдывающий их существование — это активация инициативы широких масс, в сознании которых постепенно происходит обновление традиционных идеалов, реорганизующих людей в подлинное национальное сообщество.

Вообще говоря, национальное самоопределение — это процесс не ограничивается обретением формальной политической независимости и экономической самостоятельности. В конечном счете национальные суверенитет предполагает наличие собственных нравственных констант, обретающих свое завершение системе бытовых, хозяйственно-экономических, языковых, эстетических и правовых норм.

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ: «Биополитика и альтернативы цивилизационного развития» №15-03-00553.

Sokolov Alexey

NATIONAL SELF-DETERMINATION AS A CIVILIZATION PROTESTS BIOPOLITICAL STRATEGY

Clash of Civilizations, reflections of which appeared in the last century, at the beginning of this century began to be fully implemented. Although unlikely to be correct to assume that the current aggravation of the phenomenon of historically new in international politics. It is obvious that the civilizational confrontation has become an integral part of the history of the world from the moment when capitalist initiative of bourgeois society has moved beyond Western Europe. “The colonial reconstruction” of the world community actually claimed civilizational hegemony of the West in relation to the rest of the world. Moreover, one of the techniques used by the capitalist powers to achieve his goal, was broadcast liberal-democratic ideals under the guise of a declaratory statement of national sovereignties. At first glance it might anoint, that it really was about the noble, humanitarian and educational activities. However, the result was the subordination of all the newly created national entities of the global financial system, the international community ranks countries according to the place allotted to them in the planetary mechanism of capitalist production.

A characteristic feature of the present stage of global governance is that it tends to turn into a field of its influence not only the natural and human resources, but also sovereign (emotional, moral, aesthetic) region of human

existence. Capital in its perfect state claims to subordinate all human living space. What is the essence and biopolitics.

These apparent changes in the lifestyle of the majority of nations were accompanied and continue to be accompanied by a profound transformation of the entire structure of the world order. Violation of domestic bonds in each community determines the mutation of all the traditional institutions for centuries to ensure order in a particular socio-cultural environment. The rules governing the age, sex, ethnic, confessional relations, reformatted in the commodity and financial circuit mode, in the space of the existence of “non-Western” societies, not only lose their original structural function, but also a tendency to destructive degeneration. Clearly, this process is not immediately captures the entire community. The initial stage is characterized by intense isolation of marginalized groups, formally declaring adherence to traditional principles. However, value-horizon, motivating the activity of representatives of associations, in fact, limited to private interests. The only positive thing, some justify their existence — this is the activation of the broad masses of the initiatives in the consciousness that gradually are updated traditional ideals reorganizes people in a genuine national community.

Generally speaking, national self-determination — the process is not limited to the acquisition of formal political independence and economic independence in the long run, national sovereignty implies having our own moral constants, finds its completion system of municipal, domestic, economic, linguistic, aesthetic and legal norms.

Стребков Александр Иванович

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой конфликтологии
Санкт-Петербургский государственный университет

ДИАЛЕКТИКА БЫТИЯ КОНФЛИКТА

Признание того факта, что конфликт есть закон современного общества, что его действие пронизывает все сферы человеческой жизни, оказывает на них влияние и определяет их, перед конфликтологами ставит задачу определения природы конфликта, его значения в современной социальной жизни. Многообразные мирные формы проявления конфликта не исследованы сегодня с той скрупулёзностью, с которой исследованы наиболее разрушительные его формы. Но невозможно понять природу

явления, исследуя его лишь одну из форм проявления. Невозможно понять природу явления в отрыве от противоположного явления, игнорируя переходные формы к бытию противоположности. Всякое явление представлено лишь потому, что существует нечто противоположное ему. Но всякое столкновение противоположностей есть переход в нечто, что поглощает в себя, как одну, так и другую противоположность. И в этом новом наступает момент единства, момент мира в сохранившейся борьбе, момент борьбы в сохраняющемся мире. Это состояние конфликта, порожденного борьбой противоположностей и их единством, придает ему двойственный характер: разрушительный и созидательный. Он выступает, с одной стороны, силой разрушения, а, с другой стороны, силой созидания. Придавая значение конфликту как борьбе, т. е. как силе разрушения, мы тем самым актуализируем его отрицательный потенциал и пытаемся противодействовать этой силе, разрешить конфликт по крайней мере до степени, когда его разрушительная сила перестает причинять видимый вред. В разрушительной парадигме конфликта он видится в мрачных тонах. Его пытаются предупредить, разрешить, урегулировать и управлять им, а он возрождается как Феникс из пепла, не успев угаснуть. В чем же дело? А в том, что конфликт не есть только разрушение, он в тоже время есть средство созидания, средство восстановления единства противоположностей, но уже и не тех противоположностей, которые породили конфликт и не того единства, которое было порождено прошлыми противоположностями. Конфликт в своем созидательном облике тоже разрушает и это надо признать, но лишь то, что стоит на пути людей, осознавших губительный характер противоречий эпохи для их собственной жизни. В созидательной парадигме конфликта он видится в светлых тонах. Он становится ступенькой в будущее людей и придает бодрость духу, освобождающемуся от пут противоречий настоящего. В созидательной парадигме конфликта конфликт сам становится средством разрешения самого себя, ибо созидательная борьба, разрешающая все противоречия эпохи, сводит на нет все конфликты данной эпохи, приводит к единству противоположности, раздираемые прежде борьбой. Если появляется желание покончить с конфликтами и их разрушительной силой надо перестать искусственно вмешиваться в противоречия, дать возможность им самим разрешаться, приведением к единству противоположностей. Как в семье, основанной на браке, противоречия удерживаются правом, так в семье основанной на так называемом гражданском браке удерживаются самими супругами, ибо в первом случае «регулятором»

семейных отношений является государство, тогда как во втором случае — любовь, которую государство никак не может регулировать.

Созидательная сущность конфликта, как продукта единства противоположностей придает мирным способом в разрешении, возникающих противоречий, объективный характер, т. е. независимый от людей характер. Тогда как разрушительная сущность конфликта, как продукта борьбы противоположностей придает мирным способам разрешения противоречий субъективный характер, т. е. зависимый от людей характер. В первом случае отсутствует у людей необходимость бороться за мир, тогда как во втором случае поддержание и сохранение мира предполагает борьбу. Сегодня мы наблюдаем такую борьбу за мир в Сирии, в которой против искусственно развязанной войны США и ее союзников, официально и не только морально, но и физически, выступает Россия. Поэтому на стороне США и ее союзников конфликт носит разрушительный характер, на стороне Сирии и России — созидательный характер. Поэтому действия Сирии и России морально оправданы, тогда как действия США и ее союзников аморальны.

Попытки рассматривать конфликт лишь в разрушительной парадигме анализа, культивируемой с целью актуализации позитивных сторон современной общественной жизни, не дают полного представления о конфликте, как созидательном и в тоже время положительном и необходимом способе воспроизводства современного человека и общества. Необходимо признать созидательное значение конфликта для современного общества, освободив его от представлений, искусственно навязываемых о нем как вечном разрушителе устойчивости и стабильности, как только о войне и дать возможность увидеть в нем способ достижения мира. Эта диалектика бытия конфликта до сих пор не получила должного научного обоснования.

* Выполнено в рамках гранта РГНФ № 16-03-00388.

Сунами Артем Николаевич

Кандидат политических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

**КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ. ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ НАС БОРОТЬСЯ
ЗА ИНТЕРЕСЫ НЕИЗВЕСТНЫХ?**

Ценности как элемент теории конфликта в значительном объеме присутствуют во многих классических и современных социально-философских

и конфликтологических концепциях, в которых зачастую используются как феномены не нуждающиеся в объяснении. То что понимается под ценностями в конфликте чаще всего близко к определению Ш. Шварца, которые толкует их как глубоко укоренённые побуждения, которые направляют, оправдывают или объясняют установки, нормы и действия социальных субъектов. При этом можно наблюдать разность подходов к тому как работают ценности в конфликте в классических теориях конфликта: структурном функционализме, позитивно-функциональной теории.

Структурно-функциональный подход к конфликту, представленный, главным образом, в работах Э. Дюркгейма и Т. Парсонса исходит из модели одно общество — одна система ценностей. В таком случае ценности играют интегративную роль, становятся элементом социального порядка, способом предотвращения конфликта, а последний для Т. Парсонса является индикатором дисфункции социальной системы. В нормальном обществе вообще нет места конфликту ценностей, а его появление скорее демонстрирует болезнь такого общества — социальную аномию. Такой конфликт характерен для стран транзиции, переживающих острый структурный кризис, в ходе которого ценности старой структуры утрачивают свой безусловный характер, ценности новой структуры еще не приняты всем обществом как новый абсолют.

Современная позитивно-функциональная теория конфликта исходит из плюрализма ценностей, их относительности для каждого социального субъекта. В таком случае конфликт ценностей уже не выглядит столь зловеще и интерпретируется как тривиальный вариант социального взаимодействия. Влияние ценностей на конфликт становится амбивалентным. Если объектом конфликта являются не они сами, а стороны признают общность своих ценностных установок, влияние ценностей на конфликт является интегративным. В том случае, если сами ценности становятся, по крайней мере, одним из объектом конфликта, они способны преобразовать его до неузнаваемости.

Ценности являются, конечно, скорее групповым феноменом. Редко когда автономные, хоть и глубоко укоренённые, побуждения индивида, не разделяемые какой либо значительной группой, могут получить признание в качестве ценностей. Согласно Л. Козеру система ценностей может выступать как механизм трансформации межличностного взаимодействия в наиндивидуальное, даже если количественный состав непосредственных участников не меняется, что является фактором эскалации конфликта для сторон. «Сознание того, что они выступают от имени сверхиндиви-

дуального «права» или системы ценностей, делает каждую из сторон непреклонной в своих стремлениях и мобилизует, недостижимую в борьбе за личные интересы и цели». Таким образом, даже если первоначально участник конфликта исходил из собственного интереса, при появлении в зоне разногласий ценностного фактора, данный интерес становится уже групповым, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Восприятие роли ценностей как фактора дерационализации конфликта является доминирующим в современной теории конфликта. Особенно это касается межкультурных и межконфессиональных отношений, где мнимая или реальная разность ценностей изначально положена. Действительно стороны в таком взаимодействии воспринимают себя как представителей больших общностей, даже если они вовсе не делегировали им никаких полномочий. Это приводит к не эластичной позиции в конфликтном взаимодействии, а в конечном счете к антагонистическому характеру спорного вопроса, который вначале столкновения вполне мог носить рациональный, делимый характер, ибо выразители культурных или конфессиональных интересов не считают себя достаточно свободными в том, что касается уступок и компромиссов. Таким образом в конфликте ценностей, мы зачастую вынуждены отказаться от собственного рационально осознаваемого интереса ради борьбы за интересы неизвестных нам лиц, в объединении которых положены те ценности, за которые мы сражаемся.

* Выполнено в рамках гранта РГНФ № 16-03-00388.

Sunami Artem

THE CONFLICT OF VALUES. WHAT MAKES US TO FIGHT FOR THE INTERESTS OF ANONYMOUS?

Values as an element of conflict theory could be found in many classical and newest social and philosophical concepts, which are often used as the phenomena that not need to explain. What is meant by the values in conflict often close to the definition of Sh. Schwartz, who interprets them as deeply rooted motivations that guide, justify or explain the attitudes, norms and actions of social actors. Speaking of differences in approaches to how the values work in the conflict an important point is that we can name two ways of explanation: structural functionalism and positive functionalism.

Structural and functional approach to the conflict, presented mainly in the works of E. Durkheim and T. Parsons comes from the model one society — one system of values. In this case, values play an integrative role, becoming part of the social order, a way to prevent conflict. That's why in a normal society in general do not have a conflict of values, and its appearance rather demonstrates the illness of such a society — social anomie.

Modern positively-functional theory of the conflict based on the idea of values pluralism. In this case, the conflict of values does not look so fearfully, and is interpreted as a trivial version of social interaction.

We can safely assume that values are rather a group phenomenon. Rarely autonomous, though deeply rooted, individual motivations, not shared by any large group, may be recognized as values. According to Coser value system can act as a mechanism for the transformation of interpersonal interaction to group. So, if at the beginning of the conflict, the participants act on the basis of self-interest, in the event of differences in the value area, this interest becomes group.

Summing it up, in the conflict of values, we are often forced to abandon our own interest for the sake of conscious rational struggle for the interests of persons unknown to us.

* Grant of Russian Foundation for Humanities № 16-03-00388.

Тарасова Анна Вячеславовна

Магистр 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА ИММАНУИЛА КАНТА В ТРУДАХ ДЖОНА РОЛЗА

Для понимания основ справедливости, восходящих к следованию этике долга, так, как они представлены Дж. Ролзом, стоит проанализировать то, каким образом он использует категорический императив И. Канта, создаёт ли на основе него нечто качественно новое или просто заимствует, видоизменяя и помещая в определённый контекст.

Принципы справедливости Ролза представляют из себя правила, при которых возможна её реализация. В некотором смысле можно сказать, что они являются практическими законами, т. к. принципы справедливости — это заранее оговоренная система условий, при которой каждый из участников практики возлагает на себя обязательство, должное исполняться не в зависимости от прочих внешних обстоятельств и индивидуальных

текущих задач. Таким образом это обязательство превращается в неоспоримую парадигму деятельности, при которой действия осуществляются не произвольно, а согласно единому решению (единой договорённости), принятому с целью достижения общего блага (или же равномерного распределения благ), а не в интересах одного, главенствующего, субъекта (индивидуального или коллективного). Вопрос справедливости возникает только при наличии двух и более несовпадающих интересов, следовательно, принципы, регулирующие практики, являются самой возможностью её претворения в жизнь, тем не менее, в некоторой мере уменьшающими персональную свободу и волеизъявление. Дж. Ролз пытается соединить договор для общего блага и этику долга; учёт коллективных интересов и безотнательную внутреннюю нравственность; в конечном счёте — утилитаризм и деонтологию.

В сущности, согласно Ролзу, императив, объективное долженствование, есть сама возможность бытия таких концептов как справедливость и честность. Самопринуждение к действиям, определяемое разумом, неизменно выводит повседневность и обыденность в поле морали, доказывая тем самым, что зачастую логичнее вести речь о том, что этика определяет познание, право и другие общепризнанно наиболее практически-необходимые срезы социальности (и как она это делает), и вслед за Ролзом, следующим за Кантом, заставляет осмыслять то, что лежит в основании нашей деятельности, и что по идее должно там быть, что сделает её наиболее правомерной с точки зрения закона, противоположного хаотичной неупорядоченности.

Разрабатывая свою теорию справедливости Джон Ролз интерпретирует этику Канта, отчасти применяя её как к самому определению понятия справедливости (рассматривая также понятие автономии и различие рас­судка и разума в контексте анализа рациональности), так и, куда в большей степени, используя материю императивных построений для обоснования своих двух принципов действия справедливости.

Tarasova Anna

THE TRANSFORMATION OF THE CATEGORICAL IMPERATIVE OF IMMANUEL KANT IN THE WRITINGS OF JOHN RAWLS

For an understanding of grounds of justice, deriving from subscribing to duty ethics, as they are represented by J. Rawls, we should explore how he deals

with Kant's categorical imperative, does he create something qualitative new in virtue of it or just take it, modifying and putting in a certain context.

Rawls's principles of justice pose such rules, which make justice eventual. In a certain sense we can say that these rules are practical principles, because principles of justice are stipulated terms and each participant in practice incurs some liabilities, which he must do in spite of any life circumstances and present-day problems. So than this commitment turns into an undisputed action paradigm; acts are not spontaneous, acts are results of an agreement, of a contract, accepted for the aim of the public general weal (or for the equal distribution of goods), not for benefit of one person (or certain group of persons). The question of justice arises only when there are two or more competing interests, therefore, principles, which regulate practices, are the possibility to realize justice, however, they reduce a free will and personal freedom. J. Rawls tries to combine a contract for the public general weal and duty ethics; consideration for others and irrelative inner morality; finally — utilitarianism and deontology.

Indeed, according to Rawls, an imperative, objective oughtness, is a substantive possibility for such concepts as 'justice' and 'fairness'. Self-restraint, defined by mind, refers an everyday life and ordinariness to field of moral. It proves that ethics often determines cognition, law and other necessary practical social spheres. Ethics makes us (after Kant and Rawls) perceive what we have in foundation of our activity and what we ought to have there.

Developing his theory of justice, John Rawls interprets Kant's moral philosophy, in some way using it for definition of justice itself (considering also the concept of autonomy and the difference between reason and mind in the context of rationality analysis) and mostly for substantiating his two principles of justice by matter of imperative constructs.

Тарковский Владимир Николаевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций
Костромской государственной университет

ОТ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ К ИДЕОЛОГИИ

Роль социальных конфликтов в жизни человека неоднозначна. Например, большинство теоретиков конфликта разделяют их на позитивные

и негативные. Но никто не сомневается, что конфликты порождаются столкновением интересов. В повседневности материальные интересы связывают с выгодой и пользой. Правовые отношения подразумевают, например, охраняемые законом интересы общества или государства. Можно говорить о политической борьбе или, например, об экономической конкуренции в том случае, если интересы участвующих в них сторон несовместимы друг с другом.

Интересы человека, гражданина, общества, государства, семьи, профессиональной и любой другой социальной общности должны быть реализованы. В противном случае их существование бессмысленно. Каковы современные механизмы реализации интересов этих сообществ (потребности принято относить к атрибутам человека)? Феномены гражданина, общества, семьи не только результаты деятельности человека реализующего свои потребности, но и условие формирования этих потребностей. Таким образом, исследуя деятельность человека, мы отвечаем на вопрос: «что есть человек?».

Многообразные интересы формируют интенциональную структуру личности. Они свидетельствуют о наличии ценностей — особого мира того как «должно быть» Объяснение ценностно-ориентированного поведения привело к аксиологическим системам неокантианцев, М. Шелера, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Рольдана и др. Ценность — сравнение представления с идеальной моделью (идеей, благом, целью). «Ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо» (Аристотель). В отличие от абсолютного блага Платона и стоиков Аристотель и Т. Гоббс видели строгую иерархию благ и соответствующих им целей. Для Аристотеля высшим из всех благ (целей) является «политическое общение». Для Т. Гоббса абсолютного блага, «о путях к которому древние философы вели долгие диспуты, не существует, и никаких путей к нему нет, как нет путей в Утопию».

Точка зрения последнего дала толчок антропологическому направлению западной философии (Философия жизни, Экзистенциализм, Феноменология и др.). Первый набросок философской системы Гоббса назывался «Человеческая природа». По своей структуре он повторяет работу Аристотеля «О душе». Психологическая проблематика теперь доминирует над моральной. Предполагается, что человеческое поведение имеет иррациональный характер и связано непосредственно с групповыми интересами. Анализ человеческой деятельности и в частности конфликта интересов

приводит к понятию «сознания» человека и его природы. Т. Гоббс: «я определяю сознание как мнение об очевидном». К. Маркс «мое отношение к моей среде есть мое сознание». Понятие «сознание» порождено во времена французского Просвещения «идеологией» (Ideologie; греч. — «учение об идеях»). Цель ее посредством «точного и систематического познания физиологического и психического мира установить практические правила воспитания, этики и политики» для формирования сознания. С XVIII в. понятие «сознания» становится ключевым в объяснении и моделировании социальной реальности.

Определяющая современную реальность либеральная идеология опирается на святость и неотчуждаемость естественных прав и свобод личности. Пользуясь своим господством в социальных отношениях, она моральную составляющую сознания свела к юридической, выхолостив ее и ослабив нормативную эффективность. «Мало-помалу всякое господствующее отношение стало объявляться религиозным отношением и превращаться в культ права, культ государства и т. п.» (К. Маркс). «Абсолютная мораль всплывает, когда межчеловеческие отношения приобретают характер непримиримого конфликта» (А. А. Гусейнов). В остальное время социальные конфликты «разруливает» бюрократия.

Tarkovskiy Vladimir

FROM SOCIAL CONFLICT TO IDEOLOGY

The role of social conflict in human life is ambiguous. For example, most theorists of conflict, divide them into positive and negative. But no one doubts that the conflicts generated by the clash of interests. In everyday life material interests are connected with profit and benefit. Legal relations imply, for example, legally protected interests of society or the state. You can talk about the political struggle or, for example, on economic competition, in that case, if the interests of the parties involved are incompatible with each other.

The interests of citizens, society, state, family, professional and any other social community needs to be implemented. Otherwise their existence is meaningless. What are the modern mechanisms of realization of interests of these communities (the needs usually attributed to the attributes of the human)? The phenomena of the citizen, society, the family are not only the results

of human activity implements their needs, but also the condition for the formation of these needs. Thus, by exploring human activity, we answer the question: “what is man?”.

Diverse interests forms the intentional structure of personality. They indicate the presence of values — a special world that “should be”. The explanation of value-oriented behavior led to the axiological system of neokantians, M. Scheler, Ortega y Gasset, A. Roldán, etc. Value is comparison of vision with the ideal model (idea, purpose, goodness). “Because all activity refers to estimated benefit” (Aristotle). Unlike the absolute goodness of Plato and the Stoics, Aristotle and Hobbes saw a strict hierarchy of wealth and corresponding goals. For Aristotle highest of all goods (purposes) is “political communication”. For Hobbes, the absolute goodness, “on the ways in which the ancient philosophers had long debates, there is no path to it, with no paths in Utopia”.

Point of view the latter gave impetus to the anthropology of Western philosophy (a Philosophy of life, existentialism, Phenomenology, etc.). The first sketch of a philosophical system of Hobbes called “Human nature”. In its structure it follows the work of Aristotle “On the soul”. Psychological perspectives now dominates the moral. It is assumed that human behaviour is irrational and is directly related to group interests. Analysis of human activity and in particular of the conflict of interests leads to the concept of “consciousness” of man and his nature. T. Hobbes: “I define consciousness as the opinion about the obvious.” K. Marx “my relationship to my environment is my consciousness”. The concept of “consciousness” originated during the French Enlightenment “ideology” (Ideology; gr. — “doctrine of ideas”). The purpose of her through the “accurate and systematic knowledge of the physiological and psychological world to establish practical rules of education, ethics and politics” for the formation of consciousness. Since XVIII century the concept of “consciousness” becomes key in explaining and modelling of social reality.

The liberal ideology, defining contemporary reality, relies on the sanctity and inalienability of the natural rights and freedoms of the individual. Taking advantage of its domination in social relations, it is the moral component of consciousness is reduced to a legal wholestep her and weakening of regulatory effectiveness. “Gradually every dominant relationship became a declared religious attitude and turn into a cult of law a cult of the state, etc.” (K. Marx). “Absolute morality emerges when human relations take on the character of irreconcilable conflict” (A. A. Guseinov). In the rest of the social conflict “resolves” bureaucracy.

Трусов Юрий Александрович

Магистр 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЭТИКА И ПОЛИТИКА: КАК РЕШИТЬ ВОПРОС С ЦЕННОСТЯМИ?

С древних времен и до наших дней, тянется нитью традиция, считающая, что общество можно изменить в свете истинных идеалов. Все эти идеи могут формулироваться по-разному, иметь разные основания и объяснения, но, как пишет Исая Берлин, все они держатся «платоновским идеалом»:

1) существует единственно верный, истинный, ответ на любой вопрос;
2) существует путь к открытию истины, который человек должен обнаружить;

3) истина не может противоречить другой истине, они дополняют друг друга, объединяясь в непротиворечивую систему.

Но картина кардинальным образом меняется, когда мы начинаем говорить о сфере моральных ценностей, которые не всегда совместимы. Стремление к какой-либо цели исключает альтернативные ей ценности. Их невозможно ранжировать в одну шкалу, которую одинаково приняли бы все отдельные индивиды или же культуры. Данная ситуация складывается в результате того, что человеческие ценности несоизмеримы. У нас нет единственно-верного основания, по которому мы можем выкинуть или осудить чьи-то ценности. Основания, делающие их соизмеримыми, могут быть различными, и часто зависят от произвола человеческого мышления. Исая Берлин назвал это плюрализмом ценностей.

Плюрализм противостоит монизму, т. е. идеи, что все ценности могут быть ранжированы относительно какой-либо одной ценности или их набору, благу, истине. Но ситуация складывается так, что даже между ценностями, которые понятны многим и многими разделяются, существует конфликт, и, зачастую, это приводит человека к моральным дилеммам. Например, выбор между справедливым наказанием или его смягчением. И порой невозможно отыскать принцип, чтобы урегулировать конфликт, который происходит из-за самой сути морали. Считать ее непротиворечивой системой не представляется верным. Это, конечно, не исключает операцию сравнения. У людей, как существ, которые впитали в себя культуру, есть минимальный набор ценностей, который является гарантом существования общества, как такового, т. е. самой возможности культуры.

Это позволяет отбросить аргумент о замкнутости культур.

Исходя из всего вышеописанного, становится видно, как сильно плюрализм ценностей подрывает ряд идей, таких как мораль всеобщей цивилизации, вера во всеильную рациональность и разумность, на которых строятся многие политические теории и идеологии. Если мы признали за ценностями свойства несовместимости и несоизмеримости, то, как считает И. Берлин, необходимо признать, что все философско-политические теории, которые придерживаются, как было описано вначале, «платоновского идеала», необходимо признать ложными, или же вводящими в заблуждение.

Плюрализм ценностей в синтезе с негативной свободой являются основой для политического мировоззрения Исаяи Берлина, для его понимания либерализма, который Джон Грей называет агональным. Слово «агональный» происходит от греческого «ἀγών» (агон), т.е. столкновение, схватка между противниками. «Агональный либерализм — это вид либерализма, основанный не на рациональном выборе, а на пределах рационального выбора, накладываемых на него радикальным выбором, который нам часто приходится делать между благами, по сути своей соперничающими, зачастую в принципе несовместимыми друг с другом, а иногда несоизмеримыми или не поддающимися рациональному сопоставлению» [1]. Данный вид либерализма происходит из совмещения политической теории с концепцией Плюрализма ценностей, которая подрывает в своей основе не только различные утилитаристские концепции морали, но и традиционные разновидности либерализма, а по мнению Дж. Грея, и саму идею агонального либерализма, как наилучшего политического режима, провозглашая переход к политическому плюрализму.

Литература:

1. Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 139.

Trusov Yuri

ETHICS AND POLITICS: HOW TO SOLVE A PROBLEM OF VALUES?

It has been strongly believed since the ancient times that society can be changed with the light of true ideas. All these ideas can be defined in different ways, have different bases and explanations, but as it is written by Sir Isaiah Berlin, all of them are actually “Plato’s Ideal”:

- 1) There is the only true genuine answer to every question.
- 2) There is a way to find the truth that the man must reveal.
- 3) The truth cannot be controversial to another truth, they complement each other, combining into a consistent system.

The situation dramatically changes while going into the field of moral values that are not always combined with each other. Pursuing the goal makes other alternatives impossible. Moral values cannot be ranged by all individuals and cultures in the same way. This is the result of the fact that moral values are incommensurable. We have no universal basis giving us the right to condemn or criticize any values. The foundations making them commensurable can vary because of differences in thinking. Isaiah Berlin named it “the value pluralism”. Pluralism stands against monism, that means all values can be ranged with regard to one value or set of them — Good, Truth. But the fact is there is a conflict between well-known and wide-spread values that lead the man to moral dilemmas. For example, the choice between just punishment and its mitigation. And sometimes you cannot choose the principle to resolve the conflict that happens because of the nature of the moral. Assuming it as a consistent system doesn't seem correct. Of course, it doesn't eliminate operation of comparison. People have a minimal common set of values that guarantee the existence of society, the possibility of culture itself. It allows us to discard the argument of culture sufficiency.

All this makes clear that the value pluralism undermines some ideas, e. g. the world civilization moral, believe in powerful rationality and ratio that are the basis for a lot of political theories and ideologies. According to I. Berlin, if we admit the values are characterized as inconsistent and incommensurable, we must admit all the philosophical and political theories stuck to “Plato's Ideal” to be false or misleading. The pluralism of values together with negative freedom are the basis for political mindset of Sir Isaiah Berlin, for his liberalism named Agonistic by John Grey. The word agonistic derives from the greek agon that means conflict, fight between opponents. This kind of liberalism derives from combining political theory and the value pluralism concept that basically discredit not just different utilitarian concepts of the moral, but also traditional kinds of liberalism. According to J. Grey, it questions the idea of agonistic liberalism as the best political regime, proposing the transit to political pluralism.

Умылина Диана Валерьевна

Магистр 1 курса

Воронежский государственный университет

О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ МОРАЛЬНЫХ ОЦЕНОК

В данной статье рассматривается проблема возможности и целесообразности вынесения моральных оценок по отношению к поступкам людей. Автор исходит из положения об отсутствии у человека свободы воли в традиционном философском понимании этого феномена, каковую точку зрения подкрепляет ссылками на соответствующие работы философов и психологов, разрабатывающих эту проблематику, а также на достижения современной науки, отраженные в работах нейробиологов.

Человек во всех своих проявлениях, в т. ч. и в поступках, сформирован и определен совокупностью влияний генетики и окружающей среды, включающей в себя природу и социум, т. е. определен тем, что от него не зависит. Принятие этой посылки вынуждает, в свою очередь, к подробному рассмотрению его этического аспекта, в частности, вопроса о том, как возможно вменение человеку в вину какого-либо деяния, из чего следует вопрос о возможности вынесения моральных оценок вообще.

С опорой на эти данные обосновывается нецелесообразность применения абстрактных и изменчивых моральных категорий, а также возможность их замены на сугубо практические критерии социальной полезности и приемлемости действия. Помимо этого, оспаривается распространенная точка зрения, что признание отсутствия свободы воли повлечет за собой катастрофические социальные последствия, обусловленные невозможностью ответственности и вменения вины, и предлагается возможность основанного на учете внешних и внутренних факторов, действовавших на субъекта в прошлом или действующих на него в настоящем, прогнозирования поведения человека в тех или иных обстоятельствах.

Учитывая все изложенные в статье аргументы, автор приходит к выводу о том, что применение моральных критериев для оценки поступков не является необходимым, и от него можно отказаться. Более того, в конечном итоге, в каждом конкретном случае дело идет не о том, соответствует ли поступок абстрактным категориям добра и зла, а о том, насколько социально приемлемым он является, насколько вписывается в систему норм, принятую в данном обществе. Указанная система норм не может обладать

общезначимостью, но здесь не следует говорить и об относительной, множественной морали, а рассуждать, исходя из чисто прагматических принципов, в числе коих, однако, наряду с материальной пользой / вредом можно выделить и психологические.

Таким образом, автор защищает тезис о том, что рассуждение в системе моральных категорий является неоправданным, и мы, в самом деле, не можем в прямом смысле этого слова осудить человека за какое-либо действие, однако мы можем сказать, например, что нормы данного конкретного общества были усвоены им в недостаточной степени, что уже позволит действовать по отношению к этому человеку определенным образом. Применение моральных критериев, убеждение в существовании свободы воли и вытекающих из нее ответственности и вины, исходя из вышесказанного, не является необходимым условием обеспечения социального порядка или стабильности.

Umylina Diana

ABOUT AN INEXPEDIENCY OF MORAL EVALUATIONS

This article examines the problem of possibility and expediency of moral issues with regard to human actions. The author takes as a premise the proposition of the absence of a free will in this phenomenon's traditional philosophical understanding. This view is substantiated by the references to the correspondent works, written by philosophers and psychologists, who have analyzed this problem before, and to the achievements of modern science, represented in the works of neurophysiologists as well.

All of the human's manifestations, including the actions, are formed and determined by the combination of internal and external influences, including genetics, brain activities, environment with its natural and social components, in other words, are determined by the things which are independent from a person. The acceptance of this proposition leads us to think carefully about the ethic aspect of this problem, and in particular: how can we input a guilt upon someone? From this point appears one more feature of this problem — the question about the possibility to make any moral evaluations at all.

Based on these arguments, the inexpediency of using abstract and unstable ethical categories is substantiated, as well as the possibility to replace them with

such practical criteria, like social utility and social acceptability. Along with that, the common point of view, that the rejecting of a free will of a human being will be followed by catastrophic social consequences, grounded on impossibility of inputting a guilt, and, consequently, on impossibility of traditional ethics itself is cast away. On the other hand, the possibility to predict human behavior in various conditions, basing on the consideration of internal and external factors, which had an influence on this person in the past or have an influence now, is provided.

All things considered, the author comes to the following conclusion: the using of moral criteria to evaluate the actions is not necessary and can be rejected. And most significantly, in fact, in each particular situation the fact of the matter is not an accordance of an action with the abstract categories of good and evil, but it's social acceptability, it's accordance with the system of norms, which is regular to this particular society. This system of norms cannot be universal, but it makes no sense to speak about the relativity of moral. Instead of this we should base our reasoning on pragmatic principles, such as physical or mental harm or use.

In conclusion, the author defends the proposition, that the reasoning, based on moral categories, is unnecessary, and in fact we cannot blame a person for some action. We can say, however, that this person has not internalized the system of norms of this particular society properly, and that will already allow us to act in a negative or in a positive way to this person. Using moral criteria, accepting the idea of a free will, guilt and moral responsibility, all things considered, are not necessary to guarantee social order and stability.

Ушканов Антон Фэнович

Старший педагог дополнительного образования

Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования

«Дворец детского творчества»

ФОРМИРУЮЩАЯ РОЛЬ ДИАЛОГА

В ПЕДАГОГИКЕ СОКРАТА, ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

Интересным представляется то, где, как и у кого обучались античные мыслители и какая преемственность поколений учителей и учеников была в то время. В этом плане для нас особый интерес представляет поколение учителей и учеников в лице Сократа, Платона и Аристотеля.

Основатель педагогической династии Сократ (469–399 гг. до н. э.) учился музыке, математике, астрономии, риторике и считался неплохим скульптором. Он не читал лекций в традиционном понимании, не писал никаких трудов, но именно его считают идеалом мудреца (И. Бузукашвили).

Философский метод Сократа заключается в майевтике — искусстве задавания вопросов, что и является основой живого диалога. Он подводит своих собеседников к самоанализу, самосознанию (П. Адо).

Самым известным, прославившим имя своего учителя был Платон. При первой встрече с ним Сократ сказал: «Вот лебедь, которого я видел во сне!» (И. Бузукашвили). Платону тогда было 20 лет. Он учился у Сократа девять лет. Когда Сократа приговорили к смерти через принятие яда, Платон пытался спасти своего учителя.

Убеждение, что философия может существовать лишь при условии постоянного общения и диалога между учителями и учениками, побудило Платона открыть свой гимнасий — академию. От своего учителя Платон воспринял диалогический метод, иронию, интерес к этической проблематике. Диалоги должны были не «информировать», а «формировать». В педагогической модели Платона преподаватель подобен повивальной бабке — помогает ученику рождать знание, скрытое в глубине его души. Академия ориентировала своих учеников на политическую деятельность. Платон осознавал скрытую опасность для молодых людей, которым казалось, что можно обосновать и опровергнуть любую позицию. «Поэтому платоновская диалектика — это не чисто логическое упражнение, а скорее упражнение духовное, требующее от собеседников аскезы и внутреннего преобразования» (П. Адо).

Самым известным учеником Платона был Аристотель, который провел в академии 20 лет вначале как слушатель, затем как равноправный член и как преподаватель академии (С. Н. Мареев, Е. В. Мареева). Многолетнее общение с интеллектуальной элитой Афин сформировали в Аристотеле превосходные педагогические навыки. После смерти Платона в течение трех лет Аристотель был воспитателем юного Александра Македонского. В 335 г. до н. э. открыл свой гимнасий — лицей, или лицей. В лицее Аристотеля впервые были заложены такие науки, как физика, биология, психология, также логика и этика (С. Н. Мареев, Е. В. Мареева). Он продолжил использование формирующей роли диалога. Ученики Аристотеля занимались сбором и накоплением информации во многих областях зна-

ния. Для Аристотеля, как и для Платона, философия есть образ жизни, и некоторый вид дискурса» (П. Адо).

Вышеизложенное показывает, как заложенная Сократом в Платоне формирующая роль диалога нашла свое продолжение в качестве метода формирования личности ученика в академии Платона. «Сократический» диалог также стал основой преподавания и формирования личности и в ликее педагогического «внука» Сократа — Аристотеля.

Преимственность педагогических поколений в лице Сократа, Платона и Аристотеля заключается в том, что они в качестве основного метода формирования личности ученика взяли на вооружение живое общение — диалог.

Академия Платона и ликей Аристотеля впоследствии стали моделями организации образования в европейских монастырских школах, университетах. В настоящее время российское образование интегрируется в европейское образовательное пространство. В российских гимназиях и лицеях продолжают, как оказалось, традиции академии Платона и ликея Аристотеля в том плане, что гимназии имеют гуманитарное направление, а лицеи ориентированы на естественно-научные и технические специальности.

Ushkanov Anton

FORMING ROLE OF DIALOGUE IN THE PEDAGOGY OF SOCRATES, PLATO AND ARISTOTLE

It is interesting, when and where did antique thinkers study and what succession of teacher and disciple did take place. We are especially interested in the teacher and disciple generation presented by Socrates, Plato and Aristotle.

Socrates (469–399 BC), the founder of a pedagogic dynasty, did study math, astronomy, oratory, and was a skilled sculptor. He did not read traditional lectures or write works, nevertheless was reckoned as an ideal sage (I. Busukashwili).

Socrates' philosophical method is the maieutics — art of asking questions, the basis of a alive dialogue. He guides his opponents to self-analyzing and self-consciousness (P. Ado).

The most known disciple is Plato, who honored his teacher's name. Socrates said at the first meeting: "Here is the swan that I have seen at sleep" (I. Busukash-

wili). Plato was twenty years old. He had been studying from Socrates for nine years. Plato tried to save his teacher when he was sentenced to a death from poison.

Plato was positive that philosophy can exist only by means of constant communication between teachers and students. He was encouraged to found his own gymnasium — the Academy. Plato took from his teacher dialogue method, irony, interest in ethic problems. Dialogues should “form”, not “inform”. A teacher in Plato’s pedagogic method is like a midwife. He helps a disciple to give birth for knowledge hidden in his soul depth. The Academy led its members into political activity. Plato realised a hidden danger for the young people who think they can prove or disprove anything. “That’s why Plato’s dialectics is not a pure logic exercise, but a spirit exercise, asking for austerity and inner transformation” (P. Ado).

Aristotle was the most famous Plato’s disciple. He had spent 20 years as an attendant, than as a full pledged member and a teacher of the Academy (S. N. Mareev, E. V. Mareeva). Perennial communication with Athens’ intellectual elite formed Aristotle’s excellent pedagogic skills. After the death of Plato, Aristotle was a mentor of Alexander the Great for three years. In the 335 BC he founded his own gymnasium — the Lyceum. Aristotle created such sciences as physics, biology, psychology, logics and ethics (S. N. Mareev, E. V. Mareeva). He continued usage of dialogue’s forming role. Aristotle’s disciples were gathering and accumulating information in many areas of knowledge. For Aristotle, same as for Plato, philosophy is a lifestyle, and some kind of a “discourse” (P. Ado).

Everything above shows than the forming role of dialogue, implanted by Socrates in Plato, had moved along as a method of forming disciple’s personality in the Plato Academy. “Socratic” dialogue became the basis of teaching and forming personality in the Lyceum, ruled by the Socrates’ pedagogical “grandson” Aristotle.

In Socrates, Plato and Aristotle there is a succession of pedagogic generations. They all used life communication, dialogue, as the main way to form disciples’ personalities.

Plato’s Academy and Aristotle’s Lyceum later became models for education in European monastery schools and universities. In our days Russian education is integrated in the european educational space. It seems that Russian gymnasi-ums and lyceums continue traditions of Plato’s Academy and Aristotle’s Lyceum. Gymnasiums have humanitarian direction, lyceums are oriented on natural science and technical specialities.

Уштанит Татьяна

Кандидат экономических наук, комплаенс-менеджер

ПАО Уралкалий

ЭТИКА В БИЗНЕСЕ

1. Этический комплаенс.
2. Что корпоративный бизнес может использовать в практической работе с этическими вопросами.
3. Как отличить этический вопрос от интриги и сведения счетов.

Ushtanit Tatiana

THE ETHICS IN BUSINESS

1. Ethical Compliance.
2. What is the corporate business can be used in practical work with ethical issues.
3. How to distinguish the ethical question of intrigue and billing information.

Харсиев Борис Магомет-Гиреевич

Кандидат философских наук, заведующий отделом этнологии

Ингушский научно-исследовательский институт имени Чаха Ахриева

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для современной культуры характерен рационализм, лишенный духовного основания.

Этническая культура и ее философское содержание позволяет исследовать целые народы, их социальную антропологию в широком контексте базовых ценностей.

Под влиянием новой европейской культуры происходит сдвиг в мировоззрении народов.

Научный прогресс, достигнув гигантских целей, но при этом лишенный всяческой нравственной опеки, создал страшное оружие способное уничтожить жизнь на земле.

Люди перестали интересоваться друг друга как личности с богатым духовным опытом и интересные собеседники. Теперь интересными стали владельцы вещей, власти и влияния.

Мир рушится, ибо мир, лишенный надежды и смысла на счастливое будущее души, обречен на гибель.

Война всех против всех не может взять призыву мирового разума.

Kharsiev Boris

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC CULTURES

For modern culture is characterized by rationalism devoid of spiritual foundation.

Ethnic culture and its philosophical content allows you to explore the whole nations, their social anthropology in the broad context of basic values.

Under the influence of the new European culture there is a shift in the outlook of people.

Scientific progress, reaching gigantic goals, but at the same time deprived of every kind of moral tutelage, created a terrible weapon capable of destroying life on earth.

People are no longer interested in each other as individuals with a rich spiritual experience and interesting interlocutors. Now the owners have become interesting things, power and influence.

The world is crumbling, for the world, devoid of hope and meaning to the happy future of the soul, doomed to destruction.

The war of all against all can not take the call of the world's mind.

Хисамова Елена Андреевна

Магистр 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет авиакосмического приборостроения

СПРАВЕДЛИВОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

В данной теме интересным представляется понимание цели обращения в суд и отношение к достигнутому результату. На практике, если задать вопрос о том, зачем человек судится, то, помимо ответа «я отстаиваю свои права», «я защищаюсь» и другими, можно услышать ответ «я хочу справед-

ливости», особенно у людей старшего поколения. Стоит поговорить о том, с чем это связано и что под этим можно понимать сейчас (на примере Российской Федерации). Необходимо обратиться и к корням судейства и к современным реалиям и документам.

«Кодекс судейской этики» от 19 декабря 2012 года, в п. 3, ст. 4 гласит, что «соблюдение Кодекса судейской этики должно быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни, должно способствовать укреплению доверия общества к судебной системе, его уверенности в том, что правосудие осуществляется компетентно, независимо, беспристрастно и справедливо». Действительно, практически всегда все стороны ждут справедливого решения в их пользу, хотя исключения и бывают, но по разным основаниям, в связи с этим, следует отделить справедливость судебного решения от справедливости, ожидаемой сторонами. За какой же справедливостью обращаются в суд, что ради ее достижения предпринимают и кто способен ее получить? Печальный опыт проигравших и, поэтому обиженных на судебную систему учит, что одного только изложения судьей ситуации со своей стороны, своего понимания о том, что будет справедливо, недостаточно, даже если вы правы. И несправедливым представляется то, что выигрывает не правый, а лучше подготовленный, принесший много бумаг и иных доказательств в защиту своих интересов. С одной стороны это так, имея достаточно средств можно обеспечить наилучшую защиту и решение в свою пользу. Судебная система не находится в равновесии это так, однако, более-менее она позволяет защищать и отстаивать права и интересы, особенно между сторонами, которые финансово и социально равны. Позволяет на основании того, что судья является арбитром и рассматривает только то, что представлено в деле, и на основании представленного судья обязан вынести справедливое решение. При этом, судья не устанавливает истину и достоверность, не выясняет правду, поэтому требование решить дело «по справедливости», с которым приходит множество просителей удовлетворить невозможно.

Khisamova Elena

JUSTICE OF ADJUDGEMENT

This topic interesting to understand the court appeal goals and relation to the results achieved. In practice, if you ask a question about why the person

is sued, in addition to the answer “I defend my rights,” “I defend myself” and others, you can hear the answer, “I want justice”, especially in older people. It is necessary to talk about what it is connected, and that this can be understood by now (on the example of the Russian Federation). It is necessary to address both the roots of judging and to modern realities and documents.

“Code of Judicial Ethics” of December 19, 2012, in Section 3, Article 4 states that “compliance with the Code of Judicial Ethics to be inner conviction judge, the rule of his life, should help to strengthen public confidence in the judicial system, his confidence that justice is carried out by competent, independent, impartial and fair. “ Indeed, almost always all parties are waiting for a just solution in their favor, although there are exceptions, and, but for various reasons, therefore, it is necessary to separate the validity of the judgment of justice, the parties expected.

For what kind of justice apply to the court that in order to achieve it, and who is able to take to get it? The sad experience of losing and thus offended the judiciary teaches that one only exposition judge the situation with his hand, his understanding of what is true, is not enough, even if you are right. And unfair is the fact that wins a person, who is not right, but better prepared, brought a lot of papers and other evidence in defense of their interests. On the one hand it is, having enough money you can provide the best protection and the decision in its favor. The judicial system is not in equilibrium, it is, however, more or less, it allows you to protect and defend the rights and interests, especially between the parties, which are financially and socially equal. It allows on the grounds that the judge is the arbiter and considers only what is presented in the case and on the basis of submitted by the judge is obliged to make a fair decision. In this case, the judge does not establish the truth and authenticity, does not clarify the truth, so the requirement to resolve the case “in all fairness”, which comes regularly can not be met.

Часовских Григорий Александрович

Магистр 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

О СПРАВЕДЛИВОСТИ СИЛЬНОГО И СЛАБОГО В ЭТИКАХ КРОПОТКИНА И СПЕНСЕРА

XIX век ознаменовал себя рождением эволюционной этики, как разновидности этической теории. Но уже из первых работ Дарвина ясно, что без метафизики не получится обойтись и здесь. Так было положено

начало одного из самых интересных и плодотворных трансдисциплинарных исследований в этике.

Не смотря на большое количество гипотез и векторов формирования этой дисциплины, наибольшее наследие в современной науке и натурализме в этике представили концепции, где важную роль играл отбор на альтруизм. Именно поэтому главными персонажами этой статьи являются Кропоткин и Спенсер, как одни из первых, кто в основу своих систем заложил фундаментом именно альтруизм. Однако, если искать основания нравственного поведения в животном мире возникает целый ряд новых проблем: отношения индивидуальных и общественных интересов, агрессивное поведение и т. д. И, наконец, половой отбор как главная причина внутривидовой агрессии. Однако главным вопросом останется роль кооперации, очевидно наличествующей, не смотря на все эти проблемы. Как кооперация сдерживает столь сильные деструктивные начала в природе? По этому вопросу здесь мысли исследователей расходятся.

Данная статья будет посвящена специфике восприятия понятия кооперации и отношения сильного и слабого внутри группы. В частности, о том, заслуживает ли слабый поддержки, заслуживает ли угнетения, и, наконец, может быть полезным? Кратко центральное разногласие можно определить так: имеет ли право слабый равные с сильным притязания на справедливость? Должен ли сильный делиться благами, заработанными честным трудом? Спенсер считает, что благотворительность к слабому губительна для прогресса. Кропоткин же считает её наоборот, не просто необходимой, но и принципиально свойственной нашему виду. Более того, само понятие сильного оказывается относительным. После рассмотрения позиций, мы кратко рассмотрим наследие этого спора, прибегая к помощи генетики и этологии в лице исследователей, вроде Триверса, определившей близость дальнейших исследований скорее Кропоткину, нежели Спенсеру.

Chasovskikh Grigory

ON THE JUSTICE OF THE STRONG AND THE WEAK IN SPENCER'S AND KROPOTKIN'S ETHICS

The nineteenth century saw the birth of evolutionary ethics itself as a kind of ethical theory. Nevertheless, it is evident that Darwin's initial works still bear traces of metaphysics. Thus began one of the most interesting and fruitful transdisciplinary research in ethics.

Despite the large number of hypotheses and trends forming this discipline, the greatest legacy in modern science and naturalism in ethics was yielded by the theories which underlined the importance of altruism in natural selection. That is why the main personalities this article deals with are Kropotkin and Spencer who among the first treated altruism as the foundation of their systems.

However, if we look for the grounds of moral behavior in the animal world there is a number of new problems: the relation of individual and public interests, aggressive behavior, etc. Finally, sexual selection as the main reason for intraspecific aggression. Still, cooperation persists in spite of all these problems, so does the problem of its role. How is it possible for cooperation to keep destructive stimuli of nature in check? On this issue researchers diverge.

This article is dedicated to the specifics of the concept of cooperation as well as to relationship between strong and weak elements of a group. In particular, it deals with whether the weak deserve support or oppression, and how far their possible use for the group extends. Briefly, the central disagreement can be defined as follows: Do the weak have the right to justice equal to that of the strong? Should the strong share benefits earned by fair work? Spencer believes that charity is detrimental to progress. Vice versa, Kropotkin considers it a strong necessity, but also such that is fundamentally inherent in our species. Moreover, the very concept of strong elements of a group appears to be relative. After going over the basic positions, we briefly review the legacy of this dispute, resorting to genetics and ethology, represented by researchers like Trivers who determined the proximity of further research to Kropotkin rather than Spencer.

Чекалов Леонид Леонидович

Кандидат технических наук, прикреплённый докторант
Институт проблем управления сложными системами РАН

СОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ И НЕКОТОРЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ С ЭТИМ СВЯЗАННЫЕ

Этические нормы с одной стороны могут иметь универсальные смыслы, а с другой — формироваться определенными свойствами среды обитания. За последние 100 лет среда обитания большого количества людей изменилась от преимущественно природной (сельской) к преимущественно созданной человеком технической (городской). А за последние 30 лет стала доминировать информационная среда. Долгосрочное влияние

информационной среды на сознание человека не до конца изучено, но уже сейчас проводятся исследования, которые показывают различные стороны воздействия информационной среды на человека в подростковом и взрослом периоде. Одним из следствий таких воздействий информационной среды на сознание человека является изменение режимов функционирования сознания. Эти изменения в большинстве случаев не осознаются самим человеком. Так же они имеют влияние на когнитивные способности человека. Эти явления определяют наличие этических аспектов при взаимодействии современной информационной среды и человека.

Chekalov Leonid

CONSCIOUSNESS IN MODERN INFORMATION ENVIRONMENT AND SOME ETHICAL PROBLEMS ASSOCIATED WITH IT

Ethical norms on the one hand may possess universal meanings and on the other hand may be formed by certain properties of habitat. For the last 100 years the habitat of a large number of people has changed from predominantly natural (rural) to predominantly human-made technical (urban). And for the last 30 years information environment has come to dominate. Long-term influence of information environment on human consciousness is not fully studied, but even now researches are made, that show different aspects of influence of information environment in adolescence and adulthood. One of the consequences of such influence of information environment on the man is the change of consciousness functioning modes. These changes are in most cases not recognized by the man himself. They also influence cognitive man's abilities. Such phenomena determine presence of ethical aspects in the interaction of modern information environment and the man.

Чернова Яна Сергеевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
и методологии науки

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ П. РИКЕРА

Французский мыслитель Поль Рикер (1913–2005) в своей герменевтической философии затронул центральную проблему современной теории

морали — проблему смысла и достоверности моральных норм и ценностей. Эта проблема является чрезвычайно важной и актуальной в современном плюралистическом мире. Герменевтический поворот в творчестве Рикера проявился в использовании идей нарратива, символа в решении проблемы идентичности субъекта и вопросов моральной жизни.

Несмотря на очевидную значимость достижений Рикера в философии, его работы по этике пока не получили широкою известность и признательность в философском сообществе. Вместе с тем Рикер предложил и обосновал уникальный подход к сфере морального сознания.

В творчестве Рикера интегрированы в оригинальный синтез два основных направления современной философии: философия действия и философия языка. В поздний период своей философской деятельности он продолжал развивать герменевтику текста в направлении герменевтики действия. В своем трехтомном исследовании «Время и рассказ» (1983–1985) Рикер составил наброски, послужившие базисом для обоснования идеи герменевтической этики. Речь идет о понятии нарративной идентичности, которое вводится им в третьем томе указанного выше сочинения. Данное понятие занимает центральное место в философской герменевтике и антропологии Рикера. Оно выступает как доминирующее в его последующей работе «Я-сам как другой» (1990), переведенной на русский язык в 2008 году. Невозможно понять этику Рикера без предварительного обращения к введенному им в оборот понятию нарративной идентичности.

Проект Рикера по созданию герменевтической этики укрепляет в нас веру в возможность достижения критического, подлинно конструктивного взаимного диалога различных сообществ и традиций.

Chernova Yana

NARRATIVE IDENTITY IN HERMENEUTICAL ETHICS OF P. RICOEUR

French philosopher P. Ricoeur in his hermeneutic philosophy has affected the central problem of modern moral theory — the problem of the meaning and the validity of moral norms and values. The hermeneutic turn in the work of Ricoeur's ideas manifested in the use of narrative, character in dealing with the subject of identity and questions of moral life. In Ricoeur's works are integrated into an original synthesis of the two main areas of contemporary philosophy:

the philosophy of action and philosophy of language. Narrative identity is the central to the philosophical hermeneutics and the anthropology Ricoeur.

It is impossible to understand the Ricoeur`s ethics without prior reference to them entered into circulation the notion of narrative identity.

It should be noted that the idea of hermeneutic ethics appears in the works of Ricoeur as a metaphor: we are talking about human actions, including ethical action, regarded as the texts that require interpretation.

The hermeneutic ethics of Ricoeur shows a view on the scope of the moral life that is entirely focused on practical activities, formed by tradition and defined community of people. Last responsible for pluralism and alterity ethic, form the core of the interpretative abilities of the person, including the attainment of moral mediation. Ricoeur in his work affected the central problem of modern moral theory — the problem of the meaning and validity of moral norms and values, as they are found in this pluralistic world. Features of hermeneutic ethics can be caused by the characteristics of the narrative and its inextricable link with ethics. Founding ethics is necessarily narrative. The story is the only way of manifestation of the good life. This means that narrative is a prerequisite of being ethical. Ricoeur proposed definition of ethics as “the pursuit of the perfect life” is not quite true, since it is impossible to imagine a life without discussion, or rather, without our statements about it. Actually correction ethical imagination, demanding the universal narrative authenticity views of the good life, concludes by a narrative basis. Ricoeur`s project to create a hermeneutic ethics strengthens our faith in the possibility of a critical, genuinely constructive mutual dialogue between different communities and traditions.

Чешев Владислав Васильевич

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ЭТОС ИНЖЕНЕРНОГО СООБЩЕСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД*

Постиндустриальная стадия развития общества обострила проблему взаимоотношения человека и техносферы. Причина заключается в появлении технологий, напрямую затрагивающих физическое и психическое здоровье человека. Такие воздействия способны привести к изменению

природы человека. В этой связи приобретает чрезвычайно возрастает этическая ответственность человека за наблюдаемые последствия технологического развития.

Простым и очевидным шагом к обсуждению новой ситуации становится вопрос об этической ответственности инженера. Однако рассмотрение этой проблемы не может ограничиться личной ответственностью научно-технического работника. В «Большой этике» Аристотель относит этическую проблематику к политике, т. е. к проблеме общественного управления. Но инженерное сообщество никогда не выступало организованным политическим субъектом. Основанием его самосознания становились обычно профессиональные особенности деятельности. С этим обстоятельством связано обычно обсуждение этоса инженера, и названная проблема традиционно входит в круг интересов немецкого сообщества инженеров (VDI). Проблемной точкой обсуждения оказывается в таком случае вопрос о соотношении личной ответственности инженера и ответственности инженерного сообщества. Сложность решения поставленного вопроса обусловлена тем, что заказчиком тех или иных инноваций является общество. Если полагать, что инженер ответственен за негативные следствия технических решений, то в такой или степени он оказывается создателем всех жизненных преимуществ, приносимых техническим прогрессом. Тогда правильной будет постановка вопроса об этической ответственности общества за позитивные и негативные следствия технического прогресса, и рамках такого подхода уместна постановка вопроса об этосе инженера и социальном поведении этой профессиональной группы.

Научно-технический прогресс был восторженно принят на стадии становления промышленного общества. В Европе этот восторг подогревался промышленными выставками 19 века. Приняв идею технического прогресса как бесспорное благо, общество должно признать свою ответственность за ее реализацию. Но тогда необходимо давать оценку тем этическим установкам, с которыми соединился технический прогресс. Западное промышленно общество создавалось в условиях доминирования этоса капитализма, выводящего бизнес за рамки нравственных отношений. Но никакие общественные отношения и формы экономической деятельности не могут быть выведены из пространства нравственных ценностей. Создание промышленного общества и общества постиндустриального опирается на определенный конкретно-исторический синтез идеи прогресса

и доминантных нравственных установок общества. В этом контексте должен решаться вопрос об этических установках инженерного сообщества и конкретной личности инженера.

Инженерное сообщество формирует свой профессиональный этос. Но оно является частью общества и принимает его ценности. Анализ преломления этических установок общества в профессиональную деятельность инженера дает основание для оценки состоявшегося синтеза идеи прогресса и нравственных ориентиров общества. Такая постановка вопроса предполагает обращение к этической оценке обществом самой идеи прогресса как ценности. В этом контексте общество может сформировать этические требования к инженерной профессии и включить инженерное сообщество в сложный процесс осмысления и осуществления постиндустриального будущего.

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, грант «Экспертиза в технонауке» № 14-03-00371.

Cheshev Vladislav

ETHOS ENGINEERING SOCIETY
IN THE POST-INDUSTRIAL PERIOD *

The post-industrial stage of society's development exacerbates the problem of the relationship between person and techno sphere. The reason is in technologies that directly affect the physical and mental health. Such exposure can lead to a changes in human's nature. In this point, extremely increase the ethical responsibility of person for the observed effects of technological development.

A simple and obvious step to discuss the new situation is the question about the ethical responsibility of an engineer. However, consideration of this issue can't be limited by personal responsibility of the scientific and technical personnel. In the "Great Ethics" by Aristotle ethical problems in politics considers, that is, the issue of public administration. However, the engineering community has never advocated as organized political entity. The professional features activities became the basis of its identity generally. The discussion ethos engineer associated with this circumstance usually, and called the problem has traditionally included in the range of interests of the German community of engineers (VDI).

Problem in this case is the question of the relationship between the personal responsibility of the engineer and the engineering community responsibility. The difficulty of the questions raised by the fact that the customer of innovations is society. If we assume that the engineer responsible for the negative consequences of technical solutions, to the extent he is the creator of all life benefits brought by technological progress. Then the correct formulation of the question is the ethical responsibility of society for the positive and negative consequences of technological progress. As part of this approach is appropriate formulation of the question about the ethos of the engineer and the social behavior of this professional group.

Scientific and technical progress has been enthusiastically received by the emerging industrial society. In Europe, the enthusiasm fueled by the industrial exhibitions of the 19th century. Taking the idea of technological progress as the indisputable benefit, society must accept responsibility for its implementation. But then it is necessary to assess the ethical attitudes, which are connected with technological progress. Western industrial society was created under the domination ethos of capitalism that displays the business beyond the moral relations. But no social relations and forms of economic activity can't be deduced from the space of moral values. Creation of industrial society and post-industrial society is based on certain concrete historical synthesis of the ideas of progress and the dominant moral principles of society. In this context, the issue should be decided on the ethical installations engineering community and specific of engineer's person. Engineering community forms its own professional ethos. But it is part of society and accept its own values. Analysis of refractive ethical attitudes of society as a professional engineer activity provides a basis for the evaluation the synthesis of the ideas of progress and moral compass of society. Such an approach implies an appeal to ethical evaluation by society of the idea of progress as a value. In this context, society can form the ethical requirements for the engineering profession and to include the engineering community in the complex process of interpretation and implementation of the post-industrial future.

* The author would like to thank the Russian Foundation for Humanities, supported our project "The Expertise in the technoscience" N°14-03-00371.

Шевченко Александр Анатольевич

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ: СФЕРЫ И ГРАНИЦЫ

В основе концепции справедливости М. Уолцера, представленной в работе «Сферы справедливости», лежит внешне простая, но глубокая идея о том, что разные ресурсы должны распределяться на разных основаниях. Одно дело — доступ к здравоохранению, другое — к предметам роскоши. Отсюда идея «сфер справедливости», образуемых природой того ресурса, который и подлежит справедливому распределению. М. Уолцер усилил эту идею, выразил ее в парадоксальной форме, перевернув привычное субъект-объектное отношение: «...практически можно сказать, что блага распределяют себя среди людей» [1, р. 7]. Он также дополнил ее стандартным коммунитаристским пониманием социальных ценностей или социальных смыслов. Справедливый порядок вещей при таком понимании не создается, а уже «находится» в разделяемых нами явных и неявных соглашениях относительно ценности тех или иных социальных благ в нашем обществе. «Локализация» справедливости обеспечивается, таким образом, как спецификой распределяемого ресурса, так и особенностями того социального контекста, в котором имеет место распределение.

Разнородность распределяемых ресурсов и та различная ценность, которую они имеют в конкретном сообществе, делают невозможным поиск одного или даже какого-то одного набора критериев, который бы определял распределение таких разных «благ» как деньги, должности, образование, досуг, любовь и политическая власть. Распределение качественно различных ресурсов имеет место в различных сферах справедливости, причем границы между этими сферами не должны нарушаться. Главная опасность для справедливости и источник возникновения конфликтов — пересечение границ, когда критерии распределения из одной сферы начинают использоваться в других. Такая концепция, получившая название «сложное равенство», вовсе не запрещает одним людям получать больше других в той или иной сфере — важно лишь, чтобы они не могли конвертировать преимущества, полученные в одной сфере, в другие ресурсы, с другой символической ценностью и критериями распределения. Так, будет несправедливым, если люди, занимающие политические должности,

получат привилегированный доступ к медицинским услугам. Основной смысл идеи «сложного равенства» в том, что положение человека, занимаемое им в какой-то одной сфере, по отношению к какому-то одному социальному благу не может ухудшить его положения по отношению к другой сфере и, соответственно другому социальному благу. Вполне естественное и допустимое неравенство людей в одной сфере не должно приводить к неравенству в других сферах.

Основные сомнения вызывает идея М. Уолцера о том, что именно значение и смысл социальных благ в конкретном сообществе определяют критерии его распределения. Практика распределения таких социальных благ как деньги, медицина, образование или власть могут не подтверждать этого тезиса. Сообщество может иметь консенсус в отношении смысла такой ценности, как, например, политическая власть. Однако при этом отдельные члены могут придерживаться самых разных взглядов относительно того, кому именно должна принадлежать власть, т. е. расходиться во взглядах на критерии распределения этого общезначимого блага. Кроме того, возникает вопрос: как именно можно определить роль того иного блага в жизни сообщества, когда его действительная роль расходится с той, которая признается этим же сообществом желаемой или необходимой?

Литература:

1. Walzer, M. (1983) *The Spheres of Justice*. Basic Books. 345 p.

Shevchenko Alexander

LOCALIZATION OF JUSTICE: SPHERES AND BOUNDARIES

M. Walzer's conception of justice presented in his "Spheres of Justice" is based on the seemingly simple but profound idea that different resources should be distributed on different grounds. Such different things as health care and luxury goods should be distributed differently. Hence the idea of "spheres of justice", which are formed by the nature of the resource subject to just distribution. M. Walzer expressed this idea in a paradoxical form, reversing the usual subject-object relationship: "... one might almost say that goods distribute themselves among people" [1, p. 7]. He also complemented this idea with standard communitarian understanding of social values and social meanings.

The just order of things in this sense is not created but rather “is found” in our shared implicit and explicit agreements about the value of certain social benefits in our community. “Localization” of justice is achieved by the specific nature of the distributed resource and specific features of the social context in which distribution takes place.

The heterogeneity of distributed resources and the different value they have in a particular community, make it impossible to find one criterion or even a single set of criteria that would determine the distribution of such various “benefits” as money, position, education, leisure, love and political power. Distribution of qualitatively different resources takes place in various spheres of justice, and the boundaries between these areas should not be violated. The main danger for justice, as well as a source of conflict, would be crossing borders, where the distribution criteria from one sphere begin to be used in another. Walzer’s conception, known as “complex equality” does not prohibit some people to receive more than others in a particular area, but it is important that they do not convert the advantages gained in one area, into other resources with a different symbolic value and distribution criteria shared in a particular community. Thus, it would be unfair if the people holding political office would have privileged access to medical care. The basic meaning of the idea of “complex equality” is that person’s position in any one sphere, in relation to any single social good must not worsen his position in relation to another sphere and, accordingly, other social goods. The admissible and valid inequality of people in one sphere must not determine the inequality of people in other spheres.

The main doubt about this conception concerns the idea that it is meaning and purpose of social benefits in a particular community that define the criteria of its distribution. The practice of distribution of social benefits such as money, medicine, education or authority does not always confirm this thesis. For example, a community may have consensus on the meaning of such a good as political power. However, individual members may hold a variety of views as to whom it should belong, that is, to diverge in their views on the distribution criteria for this valuable good. In addition, there is the question of accounting for the possible gap between the actual role of the good in a community and the role which the community may deem to be desirable or even necessary.

Literature:

1. Walzer, M. (1983) *The Spheres of Justice*. Basic Books. 345 p.

Шжомова Екатерина Михайловна

Кандидат философских наук, сотрудник философского факультета
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
философский факультет

ЦЕННОСТНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

В результате становления современной трансплантологии как медико-биологической науки, практики и отрасли здравоохранения стала очевидной необходимость ее ценностного регулирования. Первоначально возникающие дилеммы решались в рамках биоэтики. Однако следует отметить, что основные биоэтические принципы, такие как принцип автономии личности и уважения человеческого достоинства, принцип «не навреди», принцип «твори благо», принцип справедливости, претерпели трансформацию и требуют прояснения. Так, принцип уважения автономии личности в применении к донорству трансформируется в принцип «твори благо» и требует рассмотрения донорства в качестве акта милосердия. Стратегии реализации этого принципа в трансплантологии зависят от выбранной модели донорства. Принцип «не навреди», являющийся со времен Гиппократова основополагающим ориентиром в медицинской деятельности, основывается на социальной ответственности врача за результаты оказания медицинской помощи. Однако в трансплантологии его абсолютизация невозможна, так как проведение операции по замене утративших свою функции органов и тканей, касающееся двух лиц — донора и реципиента, всегда сопряжено с причинением так или иначе понятого вреда. Принцип справедливости подразумевает под собой свободный доступ к результатам достижений трансплантологии как науки, доступность трансплантологической помощи для населения, включая беспристрастность и объективность при распределении органов для пересадки. Реализация принципа справедливости заложена в институциональных аспектах функционирования трансплантологии как сферы здравоохранения и может ограничиваться их несовершенством, в том числе в экономическом разрезе, и действиями отдельных субъектов, вовлеченных в принятие решений. Отмечено, что этическое регулирование трансплантологии опережало правовое. Однако, начиная с 1980-х годов, с появлением иммунодепрессанта циклоспорина, трансплантология начинает приобретать статус рутинного метода лечения человека. Именно с этого момента начинается этап правового регулирования трансплантологии как метода лечения. В частности, в РФ в 1992 году

вводится ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Для нашей страны вопрос об этико-аксиологических основаниях регулирования трансплантологии как никогда актуален, так как до сих пор не угасают общественные дискуссии о введении нового закона, который бы регулировал данную область медицинской деятельности. Модели донорства, существующие в мире, также подвергаются широкой дискуссии и требуют отдельного рассмотрения сквозь призму социокультурных, религиозных и других особенностей той или иной страны.

Shkomova Ekaterina

VALUE REGULATORS OF THE DEVELOPMENT OF TRANSPLANTOLOGY

As a result of formation of the development of transplantation as biomedical science, practice and the health care industry there is a need of the value regulation. Originally occurring dilemma was solved in the framework of bioethics. However, the basic bioethical principles such as autonomy of the individual and respect for human dignity, the principle «do no harm», the principle «do good», the principle of justice transformed. So, the principle of respect for autonomy of the individual in applying for the donation transformed in the principle «do good», donation began to understand like an act of mercy. Strategy for the implementation of this principle in transplantation depend on the model of organ donation. The principle «do no harm» is based on the social responsibility of the doctor for the results of medical care. However, transplantation concerned two persons — the donor and recipient and always associated with harm. The principle of justice means free access to the results of the achievements of transplantation. The implementation of the principle of justice inherent in the institutional aspects of transplantation like healthcare and may be limited by their imperfection, including in the economic reasons. The ethical regulation of transplantation was earlier than legal. However, since 1980 with the advent of the immunosuppressant cyclosporine, transplantation begins to acquire the status of a routine method of treatment of humans. From this moment begins the stage of legal regulation of transplantation as a method of treatment. For example, in Russia in 1992, introduced the law «About transplantation of bodies and (or) tissues». For our country the question of ethical-axiological bases of regulation of transplantation is as relevant as ever, so today held the public debate on the new law.

Штарк Елена Владимировна

Аспирант, старший преподаватель

Красноярский государственный медицинский университет

им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕДИЦИНЕ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ (НА ПРИМЕРЕ «НИКОМАХОВОЙ ЭТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ)

Проблема ответственности во все времена занимала важное место, особенно в системе медицинского образования, так как на кону самое ценное — жизнь и здоровье человека. В наши дни со стремительным развитием научно-технического прогресса отношения между людьми трансформируются, безусловно меняя сознание. В данном вопросе трудно не согласиться с Эрихом Фроммом, что современный человек «превращен в товар и воспринимает свои жизненные силы как капитал, который должен приносить ему максимальную прибыль».

Безусловно, человеческой природе всегда были свойственны эгоистические наклонности, но Ответственность как необходимое качество ставилась на значимое место. Со времён Древней Греции сложился некий эталон врачебной этики, сформулированный в знаменитой клятве Гиппократата: «Не навреди», «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного». Эти представления подкреплялись идеями Аристотеля, основоположника этики, в частности, в его труде «Никомахова этика».

Оказавшись перед выбором, как поступить в конкретной ситуации, природе человека свойственно впадать в крайности, впадать в крайнюю степень альтруизма или наоборот, руководствоваться безразличием. Но если человек подключает разум, то он непременно находит выход в «золотой середине», утверждает Аристотель. Ведь, отталкиваясь от учения Аристотеля, ответственность как раз будет находиться по центру, являясь подлинной добродетелью, к которой человек стремится осознанно, совершенствуя себя и в профессиональном и в моральном плане.

Причём, человек, если не руководствуется разумом, а лишь инстинктом, то находясь в одной из крайностей, ему сложно будет понять необходимость и важность стремления к «золотой середине», он вообще не способен ее различить и, как следствие, ставит для себя знак равенства между другой противоположностью и «золотой серединой».

В то время как к подлинной добродетели, убежден Аристотель, стремятся лишь самые достойные и разумные представители человечества.

Поэтому, для того чтобы выработать у себя определённые качества, для начала, необходимо сделать самостоятельный осознанный выбор.

С Аристотелем соглашается Иммануил Кант, развивая понятие ответственности и раскрывая понятие долга, как высшей стадии диалектического развития ответственности, когда ориентация на высшее благо доходит до автоматизма. Таким образом, ссылаясь на мнение Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, мы можем сказать, что мораль человека напрямую зависит от его разумности, а разумность — от наличия морали.

Анализируя мысли философов прошлого и современности, мы делаем следующие выводы: ответственность является неким стержнем в профессиональной деятельности врача. Причём осознать её важность и прийти к ней каждый человек обязан своим собственным разумом. Насильно привить эти качества невозможно, а помочь в осознании и выборе, в расстановке правильных приоритетов в поведении будущей личности призваны родители, образование, общество и государство.

Например, деятельность добровольцев, а в наши дни добровольческих (волонтерских) организаций, может служить отличным примером для формирования чувства ответственности с юных лет. Добровольчество в медицинской сфере способствует развитию мировоззрения у студентов на протяжении всего периода обучения, а также личностному росту будущих врачей с профессиональной и моральной точек зрения.

Shtark Elena

RESPONSIBILITY IN MEDICINE AS A VIRTUE TAKING ARISTOTLE'S NICOMACHEAN ETHICS AS AN EXAMPLE

The problem of responsibility was considered as a very important one at all times and especially in health education, because humans' life and health are at stake. Nowadays along with the rapid development of science and technology human relations are also being transformed and this process definitely changes our consciousness. It is difficult to disagree with Erich Fromm when he says that modern man "became a merchandise and sees his vitality as capital, which should bring him the maximum profit." Selfish inclinations were always part of human nature but responsibility as a necessary quality was always appreciated. The ancient Greece developed a standard of the medical ethics, formulated in the famous Hippocratic oath: "Do not harm", "In whatever house I never went

in, I go there for the benefit of the patient.” These views were supported by the ideas of Aristotle, the founder of the science of ethics and the author of “Nicomachean Ethics”. When a person has to decide what to do in a particular situation, humans often go to extremes, ie in this case, they may fall into extreme altruism or be guided by indifference, but if a person is guided by reason he will certainly find a way out in the Aristotle’s “golden mean”. According to Aristotle’s teaching the responsibility is a genuine virtue which is situated just in the middle. The person seeks this virtue consciously perfecting himself and professionally and morally.

And if a person is guided by instincts instead of reason but only instinct he falls into one of the extremes and it is difficult for him to understand the need and the importance of striving for “golden mean”, he is not able to discern it and as a result he sets a sign of equality between the other opposite and the “golden mean.”

According Aristotle only the most worthy and reasonable representatives of humanity seek a genuine virtue. Therefore, a person should make an independent conscious choice in order to develop certain qualities. Kant agrees with Aristotle and develops the concept of responsibility and writes about the concept of duty as the highest stage of dialectical development of responsibility, when the orientation towards the highest benefit becomes automatic one. Thus referring to the opinion of Abdusalamov Abdulkерimovich Huseynov we can say that man’s morality depends on his reasonableness and the last one needs the availability of morality. Analyzing the thoughts of philosophers of the past and of the present we make the following conclusions: responsibility is a kind of core activities in a doctor’s professional activity. Every person has to understand its importance by his own reason. It is impossible to impose these qualities but family, school, society, the state may help the person to recognize and choose the right priorities in the alignment of the future behavior.

Different volunteer activities and the participation in activity of volunteer organizations can serve as an excellent example of the formation of a sense of responsibility from an early age. Volunteering in the medical field contributes to the development of students’ mindsets throughout their period of study, as well as to a personal growth of a future doctor.

Шуман Андрей Николаевич

Кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой общественных наук
Университет информатики и управления, г. Жешув, Польша

ИГРОВЫЕ СЦЕНАРИИ В СУДЕБНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Как в уголовном, так и гражданском судебном процессе имеется две противоборствующих стороны, которые еще до судебного разбирательства разрабатывают стратегию для максимизации своих возможных выигрышей, тем не менее, эти стратегии в рамках самого разбирательства могут меняться. Это означает, что в судебных процессах не может быть фиксированных стратегий. Для динамических стратегий, которые и используются на суде, возможна математическая формализация в рамках клеточных автоматов выплат. Благодаря этим автоматам можно моделировать динамику стратегий в зависимости от меняющихся контекстов, а также взаимовлияние стратегий оппонентов. Судебный процесс представляет собой рефлексивную игру, в которой оппоненты стремятся верно предсказывать стратегии друг друга и успешно скрывать собственные predispositions. Побеждает тот оппонент, который переходит на более высокий уровень рефлексии $n + 1$, когда второй оппонент становится полностью прозрачен для первого оппонента и, при этом, этот первый оппонент не прозрачен для второго. Судебный процесс может также протекать как рефлексивное управление, когда удается навязать оппоненту интерпретацию событий через модификацию мотивов или модификацию информации. Таким образом, игровые сценарии судебного процесса нами рассматриваются в рамках математической формализации в виде клеточных автоматов выплат как рефлексивная игра с возможным рефлексивным управлением. Основные виды рефлексивного управления следующие: целевое управление (модификация допустимых множеств действий всех групп агентов) — может реализовываться председательствующим; мотивационное управление (модификация функций цели конкретных агентов) — может реализовываться как обвинителем или истцом, так и адвокатом или ответчиком; информационное управление (модификация информации, которую агенты используют в принятии решения) — может реализовываться всеми участниками судебного разбирательства. Информационное управление имеет следующие виды: информационное регулирование (целеустремленное

влияние на информацию о событиях); опытное управление (целеустремленное влияние на информацию о моделях принятия решения). Задача рефлексивного управления формулируется следующим образом: один агент создает структуру знания других агентов таким образом, что реализуемая стратегия максимально благоприятна для него.

Schumann Andrew

GAME STRATEGIES IN JUDICIAL ARGUMENTATION

In criminal, as well as in civil litigation there are two confronting parties, who develop strategies for maximization of their possible profits before the process; nevertheless, these strategies can vary within the trial. It means that in litigations there cannot be any fixed strategy. For calculating dynamic strategies which are used within the court, a mathematical formalization within the limits of cellular automata of payments is possible. Due to these automata we can model dynamics of strategies, depending on varying contexts and on concurrency of opponent strategies. The litigation represents a reflective game in which opponents are aimed to predict truly strategies of opponents and successfully to hide own predispositions. Each party, who reaches the higher level of reflexion $n + 1$, when the opponent becomes completely clear for the proponent, wins and, thus, we see that this proponent is not clear for the opponent. The litigation can proceed also as reflective management when it is possible to impose to the opponent an interpretation of events through modification of motives or information modification. Thus, game scenarios of litigation can be considered within the limits of mathematical formalization in the form of cellular automata of payments as a reflective game with possible reflective management. Principal points of reflective management are as follows: goal management (modification of admissible sets of acts of all groups of agents) — this can be realized by the chairman of the court; motivational management (modification of functions of the purpose of concrete agents) — this can be realized by both the prosecutor or claimant, and by the lawyer or defendant; informational management (modification of the information which agents use in decision making) — this can be realized by all participants of the process. The informational management has the following aspects: informational regulating (purposeful agency on information about events); skilled management (purposeful agency on information about

decision making models). A task of reflective management is formulated as follows: one agent creates a structure of knowledge for other agents in such a manner that an implemented strategy is as much as possible favorable for this task.

Щекалев Илья Андреевич

Магистр 1 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СЛОЖНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ЭТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ

Дискриминация — это крайне актуальная проблема современного общества. Она изучается во многих своих аспектах, многими гуманитарными и социальными дисциплинами и со многих точек зрения. Чаще всего дискриминация изучается в рамках правовых проблем, хотя это не единственная область в которой дискриминации уделяется большое внимание. Отсутствие дискриминации по половому, расовому или религиозному признаку — считается показателем высокой культуры, демократичности и уровня гражданской культуры общества.

Однако, есть сложности с попыткой философской рефлексии понятия дискриминация возникают сложности. Борьба с дискриминацией и введение этого понятия было связано с борьбой с санкциями, которые не были результатом вины. по общему и распространенному определению — дискриминация — это введение санкций против человека или группы лиц, которые не совершали никакого противоправного действия, но обладают некоторыми характеристиками внешнего или социального характера, по которым и налагаются санкции. При этом в этих характеристиках нет вины. Человек не может быть виноват в своем происхождении, если это касается вопросов гендерной или расовой дискриминации, или в выборе своей религии, если это касается вопросов религиозной дискриминации, получается, что борьба с дискриминацией основана на идее. что санкции любого вида должны накладываться на отдельного человека или группу лиц, только в том случае, если ими было совершено преступное деяние. В основе этой идеи лежит классическое представление проекта просвещения о равенстве всех людей перед законом, которое развивалось философами Руссо и Монтескье.

Собственно именно с этого тезиса начинаются сложности философской рефлексии понятия дискриминация. Основная сложность состоит в том, что равенства всех людей перед законом, в том числе уже умерших и еще не родившихся не существует эмпирически. Подтвердить это равенство наблюдением и экспериментом невозможно, а это значит, что равенство людей перед законом и вытекающая из этого равенства дискриминация не может быть напрямую обоснована на эмпирических данных. Мало того, не всякий закон может быть составлен так, что все люди, в том числе уже умершие и еще не родившиеся. Следовательно, отсутствие дискриминации в обществе является классическим должным, то есть общество, на основании некоего идеала или ценности, пытается воплотить в мире то, чего в нем не было. Следовательно обоснование борьбы с дискриминацией может быть сделано на основании тех концептуальных предпосылок, которые допускают существование неэмпирических объектов, которые могут быть воплощены в актуальном мире. Строго говоря, борьба с дискриминацией предполагает признание метафизической составляющей в мире, как минимум социального.

Но по ходу истории философии метафизические составляющие в различных концепциях были подвергнуты значительной и обширной критике. Метафизика более менее сохраняет за собой позиции только в сферах этики и аксиологии. И в вопросе о борьбе с дискриминацией из этого следует два вывода, либо борьба с дискриминацией обречена заранее на провал, либо критика метафизики, особенно в этических вопросах не является столь разрушительной для метафизических концепций. В любом случае, попытка философской рефлексии над понятием дискриминация ведет в теоретическим трудностям, осмысление которых важно как для этики в частности, так и для философии в целом.

Shchekalev Iliia

THE DIFFICULTIES OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OF NOTION OF DISCRIMINATION

Discrimination is a very actual problem of modern society. It is explored in many its aspects by most of humanitarian and social studies from many points of view. Often discrimination is studied in law science, though it's not the only

one topic where discrimination is being paid very much attention. The absence of discrimination usually shows a high level of society culture, democracy and Civic consciousness.

Nevertheless there are with attempts of philosophical reflection of notion discrimination. The struggle against discrimination and introducing this notion was connected with struggle against sanctions that had not been the result of guiltiness. According to a widespread definition discrimination is an punishment to a person? who didn't make any illegal activities but did have some specific body or social characteristics which were the foundation of punishment. besides there are no guiltiness in such characteristics. A person can't be guilty in his genesis in case of racist or gender discrimination or his religious choice in case of religious discrimination. So the struggle against discrimination is based on the idea that a person or a group of people could be punished only in case they were guilty. This idea is based on a classical conception of enlightenment with the main concept of people law equality. This concept was developed by Russo and Montesquieu.

Specially this concept produces most difficulties in philosophical reflection of notion of discrimination. The main difficulty is based on a preposition that there are no law equality of dead, alive and those who not born yet in empirical aspect. It can not be confirmed by observation or experiment. So that means law equality can not be founded on empirical data. by the way some laws can be made in an improper way and cause discrimination inside for dead alive and future people. That way absence of discrimination in society is a classical must to be situation so that society have to materialize something non existing situation in the world based on this ideal or value. So the foundation of struggle against discrimination can be based of conceptual presuppositions which allow non empirical objects to be actualized in the world. To be exact /struggling against discrimination requires adoption of metaphysic parts of social life and not less.

But the history of philosophy shows cases of strong critics against metaphysics /metaphysics stand it's ground only in ethics and axiology. there are two way of reflection for this situation that are adoptable for discrimination. Either we suppose that struggle against discrimination will be a failure? or critics against metaphysics are not as strong as it seem to be. In any case the attempt of philosophical reflection of notion discrimination leads to theoretical difficulties, that need to be searched in ethics and in philosophy in whole.

Щекалева Ольга Вадимовна

Магистр 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПРОБЛЕМА ОСОЗНАННОГО И СВОБОДНОГО ВЫБОРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Актуальность темы обусловлена тем, что в современном мире у человека появилось множество альтернатив, из которых он вынужден постоянно выбирать. Стоит отметить, что чем больше в мире имеется возможностей для выбора, тем более затруднен этот выбор, потому что человеку трудно взвесить все возможные последствия своего выбора и сделать выбор действительно осознанным. Поэтому человек делает выбор, принимает решения в ситуации неопределенности. Такую особенность выбора осветил подробно в своих работах Карл Ясперс.

Проблема сознательного и свободного выбора является вечной философской проблемой, над которой философы размышляли с древности. Большинству философов было ясно, что свободный выбор обязательно является сознательным. В XX веке понятие «сознание» стало проблематичным, а понятие «бессознательное» — напротив, именно тогда получило свою ясность. После Фрейда исследователи для объяснения поступков человека стали гораздо чаще обращаться к бессознательным ментальным феноменам. Бессознательные ментальные процессы стали важнее сознательных. Но философы-экзистенциалисты акцентируют свое внимание на сознательных процессах, бессознательное находится вне сферы их рассмотрения.

На первый взгляд кажется ясным, что свободный выбор — это тот выбор, который совершается человеком без какого-либо внешнего принуждения. Но если рассматривать сам момент выбора подробно, то окажется, что все не так однозначно. Существует еще и внутреннее принуждение к совершению выбора — это различные страсти человека, аффекты, корыстные мотивы. Кант определял свободный выбор как действие, которое человек совершает, руководствуясь категорическим императивом. Человек совершает это действие не из выгоды, не из желания казаться добродетельным, а ради самого действия, т.е. совершенно бескорыстно. При введении в философию Бога и его атрибутов возникают новые затруднения для обоснования свободного выбора человека. В этом случае следует

рассматривать вопрос, почему всеведение Бога не лишает человека свободы выбора. В настоящее время такой вопрос рассматривается аналитическими философами. Религиозные философы-экзистенциалисты специально не рассматривали этот вопрос. Но, следуя их логике, можно сказать, что всеведение Бога не распространяется на свободу человеку, Бог даровал свободу человеку и этим несколько ограничил себя, он не считает нужным определять выбор человека.

Экзистенциалисты считали, что выбор того или иного действия является свободным, при этом они определяли свободу как созидание самого себя, своего Я через свои поступки. Осознанность — это одно из оснований свободного выбора. При этом не все выборы человека являются полностью осознанными, потому что в современном мире невозможно отрефлексировать все свои выборы, человек вынужден каждый день выбирать из множества альтернатив. По Ясперсу, сознательность выбора заключается в том, что человек представляет себе все предпосылки и возможности развития событий. Конечно, абсолютной сознательности выбора достигнуть невозможно, но при наличии достаточно количества времени на рефлексию, человек способен совершить осознанный выбор. Следовательно, не все выборы являются полностью свободными. Многие философы-экзистенциалисты считали, что роль философа заключается в том, чтобы призывать к свободному и осознанному выбору. Сама же философия, по мнению Аббаньяно, — это сознательный и ответственный выбор той или иной позиции.

Schekaleva Olga

THE PROBLEM OF FREE CHOICE IN EXISTENTIALISM

Nowadays people often face such situations when they were forced to choose between a lot of alternatives. The more possible variants there are in the situation the harder the choice becomes to a person because it is a complicated activity to think over all of the possible results. So in most cases people's choices and decisions are made in conditions of uncertainty. This problem was described in detail by Karl Jaspers and it remains actual up till this moment.

The problem of free choice in situations where all of the presuppositions, background and possible results are realized belongs to a group of eternal philo-

sophical problems. It was quite clear for most philosophers that free choice can be only be conscious. Since the beginning of XX the notion of mind has become more sophisticated than it used to be on the other side the notion unconsciousness has received it's clearness. After Freud's results many researches began to pay much more attention to unconscious mental phenomenon for explanation of human act's. Unconscious mental processes had become more important than conscious processes. But philosophers existentialists focus on conscious processes and don't pay any attention to unconsciousness.

At first sight it seems quite clear that free choice is a kind of choice which is made without any coercion. But the detailed analysis of the moment when choice is being made shows that the situation is more complicated than it seems to be. But there is also in side spiritual coercion that influences human choice and includes different passion, affects, mercenary motives. Kant defined free choice as an act which is made in order to follow categorical imperative. A person do such act not because of profit or wish to seem virtual but for act itself so it becomes absolutely disinterestedly. But if we include God and his attributes in this conception then the problem of finding the foundation for existing human free choice appears. In such case we should study the question why the God's omniscience doesn't take away free choice from a human being. In present days this problem is discussed by analytic philosophers. Religious philosophers existentialists don't pay special attention to this problem. But according to the structure of their conception it is possible to declare that God's omniscience doesn't participate in human free choice. God gave a freedom of choice to a human being and this way he limited himself. He doesn't consider to define human choice.

Philosopher existentialists thought that choice of any act is free if freedom is defined as a self-creation when a person creates himself while doing his acts. Consciousness is one of the foundations of free choice. But not all of the human choices are fully conscious because in present days it is nearly impossible to make a full reflection about all choices so a person has to choose from many alternatives every day. According to Karl Jaspers consciousness of choice appears when a person realizes all presuppositions and possible results of his choice. Of course it is impossible to reach absolute consciousness of human choice. But if there is enough time for reflection a human being is able to make a conscious choice. So not all of the choices are free. Many philosopher existentialists thought that the aim of the philosopher is to call up for free and conscious choice. The aim of philosophy itself is a conscious and responsible choice of one or another position in Abbagnano's opinion.

Щербаков Михаил Иванович

Студент 4 курса

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ПОНЯТИЕ «ДРУЖБА» В ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ АРИСТОТЕЛЯ И ПЛАТОНА

Семантика древнегреческого языка очень тонко различает те аспекты человеческой жизни, которые в русском языке объединяются в понятии «любовь». Выделяют пять, или даже шесть, вариаций этого термина в древнегреческом языке. Одна из таких вариаций это термин *филия* (*φιλία*), который в основном переводят как дружба. Интересно отметить, что однокоренной глагол *φιλέω* означает и любить, и дружить, и целовать.

В данной статье мы рассмотрим этико-философские представления Платона о дружбе, выявим связи и отличая от аристотелевского учения о данном предмете в «Никомаховой этике» (как известно Аристотель посвятил филии несколько отдельных глав).

Дружба по Платону обусловлена социальными связями и личным выбором. Однако в «Лисиде» философ приходит к выводу, что дружба невозможна между подобным и неподобным (в смысле этических характеристик). Для решения этого затруднения Платон вводит аксиологического посредника — благо. Больной человек дружен к врачу постольку, поскольку он нуждается в здоровье, что является лишенным благом для него как для больного.

Между тем, Аристотель даёт структурированную характеристику исследуемого предмета. Прежде всего, он связывает его с ключевым концептом своего этико-философского учения с добродетелью. Именно такая дружба, основанная на добродетели, включает пользу и доверие между людьми. В этом смысле, дружба является залогом и одним из условий блаженства. Дружба, по Аристотелю, является условием коммуникации граждан, она «скрепляет полисы», тем самым служит залогом к главной цели полиса, «высшему из всех благ» — политическому общению. По мнению А. А. Гусейнова «дружба в политической теории Аристотеля является своего рода этической монетой справедливости», которая выражает её качественно-нравственную пропорциональность.

В заключение хотим добавить, что в этической философии Аристотеля представляется интересным коммуникативное условие в понимании

дружбы. Философ говорит: «проявления, или признаки, дружбы к окружающим, по которым и определяются дружбы, похоже, происходят из отношения к самому себе» (EN I, 1166a). И хотя Аристотель в «Большой этике» заключал, что по признакам дружбы к другим заключается то, что представляет дружба к себе, нам здесь видится аристотелевская формулировка одного из знаменитых этических принципов «поступай так, как хочешь чтобы другие поступали к тебе».

Mikhail Shcherbakov

THE CONCEPTS OF “FRIENDSHIP” IN THE ETHICAL CONCEPTS OF ARISTOTLE AND PLATO

The semantics of Greek language subtly distinguishes those aspects of human life, which are united in “love” concept in the Russian language. There are five, or even six, variations of the term in the Greek language. One such variation is the term *philia* (φιλία), which basically translates as friendship. It is interesting to note that the cognate verb *φιλέω* means to love and to be friends, and kiss.

In this article we will look at the ethical-philosophical concepts of Plato on Friendship, identify links and differences from Aristotelian teachings on this subject in the “Nicomachean Ethics” (known as Aristotle devoted filii several individual chapters).

Friendship by Plato due to social ties and personal choice. However, “Liside” philosopher concludes that friendship is impossible between similar and dissimilar (in the sense of ethical characteristics). To solve this difficulty, Plato introduces *aksiologicheskogo* intermediary — good. A sick person is friendly to the doctor to the extent that it needs in health, which is devoid of a boon for him as a patient.

Meanwhile, Aristotle provides a structured description of the test object. First of all, he associates it with the key concept of his ethical and philosophical doctrine with virtue. It is this friendship based on virtue, and involves the use of trust between people. In this sense, friendship is the key to bliss and one of the conditions. Friendship, according to Aristotle, is a prerequisite for citizens’ communication, it “binds policies,” thus serves as collateral to the main purpose of the policy, “the highest of all blessings” — to political dialogue. According to A. A. Huseynov “friendship in Aristotle’s political theory is a kind of ethical coin justice” that expresses its quality and moral proportionality.

In conclusion, we want to add that in Aristotle's ethical philosophy is interesting communicative condition in the sense of friendship. The philosopher says, "manifestations, or signs of friendship to others, and which are determined by the friendship seems to come from a relationship to itself" (EN I, 1166a). Although Aristotle "Great Ethics" concluded that on the basis of friendship to the other is what is friendship to him, we are seen as the Aristotelian formulation of one of the most famous ethical principles "do as you want others to do to you."

Шукин Денис Андреевич

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛОГИКА ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ: ЛЮБОВЬ К ВРАГУ И АБСОЛЮТНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

Упразднение универсальной оценивающей инстанции, характерное для второй половины XX века, оказалось принципиальным как для этико-философской теории, так и для её практических реализаций: решение об этическом статусе того, кто противостоял моральному субъекту как выражение зла, вернулось во внутреннее судилище. Сложность практического применения этой модели заключается в том, что на эмпирическом уровне субъект, не способный диагностировать источник различия между собой и другим в поведенческих или оценочных практиках, уравнивает логические ошибки (преступления душевнобольного) и этические нарушения (правонарушения преступника) и нуждается в особом рода абсолютизации зла, которая позволяет предотвращать вторжение зла в обыденную жизнь, а затем на базе полученных ложных предпосылок совершает искусственную рационализацию этого зла, включающую его оправдание.

С точки зрения Рикёра, обусловленное разумом мышление не может объять собой понятие зла, оставляя его за пределами своей епархии. В христианской традиции теодицея — попытка оправдать не только внешнее зло, но и греховную сущность человека. Греховность оказывается неизбежным препятствием, которое необходимо, чтобы раскрыть религиозный потенциал и через преодоление этого препятствия прийти к спасению. Условие акта спасения не ограничено смирением как платой за грех, но дополняется требованием пробуждения непосредственного морального чувства по отношению ко злу — любовью к врагу. Жижек, анализируя «Деяния

любви» Кьеркегора, обращает внимание на фрагмент, в котором описывается идеальный ближний, тот, любовь к которому самоценна, то есть не связана с исключительными характеристиками самого объекта. Таким может быть лишь мёртвый ближний, ведь только в смерти теряются качества, любовь к которым подменяла бы истинную любовь. В этом смысле следующим этапом интерпретации Кьеркегора является сравнение двух типов любви — любви к ближнему и любви к врагу. Вероятно, истинная любовь к врагу — это любовь к мёртвому врагу, который уже выведен за границы субъектно-объектных отношений. Радикализация позиции Жижека позволяет прийти к выводу о том, что любовь к врагу, то есть уважение к инаковости Другого, предполагает абсолютную нетерпимость.

Таким образом, изначальный интерпретативный разрыв, лежащий в поле этической оценки действий другого, преодолевается с помощью последовательного циклического изменения полюсов отношения — от абсолютизации к рационализации, от рационализации к оправданию, от оправдания к любви, от любви к нетолерантности, связанной с изначальной невозможностью «терпеть» в Другом всё неявленное его символической реальности.

* Выполнено в рамках гранта РГНФ № 16-03-00388.

Shchukin Denis

THE LOGIC OF ETHICAL EVALUATION: LOVE FOR AN ENEMY AND ABSOLUTE INTOLERANCE

The abolition of the universal ethical space in the second half of the XX century was fundamental for the ethical-philosophical theory and its practical implementation: the judgment about the ethical status of the one who was opposed to the moral subject as a kind of evil double came back to the internal tribunal. The practical application of this model is obviously complex. This complexity lies in the fact that at the empirical level the subject is not able to diagnose the source of the differences between himself and the other within the field of behavioral and evaluative practices, logic errors (typical for mentally ill people) and ethical violations (criminal offense). The subject needs to have a well-formed concept of absolute evil, which enables to prevent the invasion of evil to the everyday life, and to implement artificial rationalization of evil (functioning on the basis of some false assumptions and including the process of justification).

From the Ricoeur's point of view, the thinking mind cannot grasp the concept of evil and leave this concept outside of the subject's diocese. The Christian tradition of theodicy is an attempt to justify not only external evils, but also the sinful human nature. Wickedness is an inevitable obstacle that helps to uncover the religious potential and come to the rescue. The condition of salvation is not only limited by the act of humility as the wages of sin, but it is complemented by the requirement of a direct moral feeling to evil — the love for an enemy. Zizek analyzes "Works of Love" by Kierkegaard and draws attention to the abstract describing the love for a perfect neighbor, which is valuable itself and not associated with any exceptional characteristics of the object. In this sense, the next step of the interpretation of Kierkegaard's work is the comparison of two types of love — love for a neighbor and love for an enemy. We conclude that the last type of love, that represents a respect for the otherness of the other, assumes zero tolerance.

Thus, the initial interpretive gap, which lies in the field of ethical assessment, can be overcome by the sequential cycling transitions — from absolutisation to rationalization, from rationalization to justification, from justification to love, from love to the intolerance related to the initial failure to "endure" everything that is unrevealed in the symbolic reality of the other.

* Grant of Russian Foundation for Humanities № 16-03-00388.

Якушев Леонид Викторович

Магистр 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Увеличение числа военных столкновений после завершения конфликта, рост социальной напряжённости, политической и экономической нестабильности в побежденных государствах-агрессорах способствовали выходу на первый план проблеме преодоления последствий войны или, иными словами, восстановления и поддержания справедливости в послевоенный период (*jus post bellum*), которая создает для общественно-политического дискурса целый ряд серьезнейших затруднений, обусловленными, в первую очередь невозможностью (по крайней мере, на данном этапе развития человечества) достоверно прогнозировать различные последствия воору-

женных действий. Кто несет ответственность за восстановление справедливости после окончания войны? Какие меры должен включать в себя процесс возвращения к миру? Как обосновать данные действия в соответствии с нормами международного права, в частности с Уставом ООН?

В докладе будут рассмотрены «классические» случаи межгосударственных вооруженных конфликтов, т. е. тех, которые стали следствием проявления агрессии одного государства в отношении другого. В таком случае ответственность за преодоление военных последствий должна быть возложена с учетом принципов теории справедливой войны на обе стороны — победившую и проигравшую. В обязанности первой входит проведение гуманитарного вмешательства на территорию государства-агрессора, если данный процесс нацелен на поддержание стабильности и правопорядка в побежденном государстве, не нарушает принципа государственного суверенитета и контролируется специальными подразделениями Организации Объединенных Наций. В ходе вмешательства интервенты должны провести полную демилитаризацию зоны конфликта и очистку окружающей среды, создать условия реабилитации для военнослужащих и граждан побежденного государства, восстановить экономику страны и вовлечь ее в тесное взаимодействие с другими странами. Далее необходимо сменить военные рычаги управления на экономические и вовлечь население в управление хозяйственной деятельностью, и затем — публичными институтами. Конечным пунктом вмешательства должно стать создание гражданского общества. Отметим, что недопустимо устанавливать политический протекторат и соответствующую идеологию, а также навязывать экономическую политику на территории государства-агрессора. Период военного присутствия интервентов должен быть соразмерным степени последствий конфликта, которые должны быть преодолены. После выполнения данных задач военный контингент должен покинуть оккупированную страну.

Наряду с данными требованиями существуют и обязанности государств-агрессоров, которые потерпели поражение в войне. Среди них, помимо официальных извинений пострадавшей от агрессии стороне, обязательным пунктом являются выплаты соответствующих причиненному ущербу репараций лицами, занимающими главные государственные и военные должности. Более того, все лица, виновные в совершении военных преступлений, должны предстать перед военным судом.

Данные критерии позволяют регламентировать действия стран-участниц военного конфликта в его завершающей фазе. Мировому обществу следует признать необходимость создания доктрины послевоенной справедливости и зафиксировать их в соответствующих нормативных документах и моральных доктринах, в частности в теории справедливой войны. В противном случае, отсутствие юридической базы и нравственной основы снимает все обязательства с участников военного конфликта и допускает использование любых военных действий государства-победителя, якобы нацеленных на решение действительных проблем.

Leonid Yakushev

ETHICAL ASPECTS OF OVERCOMING WAR CONSEQUENCES

An increase in the number of military conflicts after the end of war, the growth of social tension, political and economic instability in the defeated state-aggressors have contributed to become major issues of overcoming the consequences of war, or in other words, to restoration and maintenance justice in the postwar period (*jus post bellum*), which creates for sociopolitical discourse a number of serious difficulties, due primarily to the inability (at least at this stage of human development) reliably predict different hostilities' consequences. Who is responsible for the restoration of justice after the war? What measures should include the process of returning to the world? How to justify these actions in accordance with international law, in particular with the UN Charter?

The report will consider "classic" cases of inter-state armed conflicts, which led to aggression from one state to another. In this case, principles of just war theory should be taken into account, where we have losers and winners. The main duty of the first part is to conduct of humanitarian intervention on the aggressor state's territory, if this process is aimed at maintaining stability and order in the defeated state, doesn't violate the principle of state sovereignty and monitored by a special division of the United Nations. During the intervention, the interventionists need to lead full demilitarization of the conflict zone and cleaning up the environment, to create conditions for soldiers' and citizens' rehabilitation in the defeated state, to restore the economy of the country and to engage it in close cooperation with other countries. Next, it's necessary to change the military control-levers on economic and to involve people in management

of economic life, and then public institutions. The final point of intervention should be the creation of civil society. Note that it is unacceptable to impose a political protectorate and the corresponding ideology, as well as an economic policy on the territory of the aggressor state. The period of the military presence should be proportionate to the extent of the conflict's consequences that must be overcome. After completing these tasks, the military contingent should leave the occupied country.

Together with these requirements, there're responsibilities of the aggressors, who were defeated in the war. Among them, in addition to an official apology to the aggression's victim, a mandatory point is payments appropriate to the damage by persons holding key state positions and military posts. Moreover, all those responsible for war crimes must be appearing before a military court.

These criteria make possible regulation of countries-participants' actions in the military conflict in its final phase. The world community must recognize the need to create a doctrine of post-war justice and lock them in the relevant normative documents and moral doctrines, particularly in just war theory. Otherwise, the absence of a legal and moral basis removes all obligations with participants of the military conflict and allows the usage by winner of any military action, ostensibly aimed at solving real problems.